

**НАИЛЯ
КЕРИМОВА**

ВЕТВЬ ОЛЕАНДРА

РОМАН

Баку – 2014

Социально заостренный роман охватывает большой период времени – с начала XX века до 1982 года.

В нем – три центральных образа азербайджанских женщин (бабушка, мать и дочь), даны в развитии, в эволюции: от бесправной покорности судьбе, через тяжелые жизненные испытания, к упорному, терпеливому и неуклонному достижению благородной цели – становлению цельного характера, личности.

«Ветвь олеандра» - роман о любви и ненависти, о таланте и ничтожности, благодарности и гнусности, и, в конечном счете – о непримиримой борьбе добра и зла.

А все-таки чертовски приятно чувствовать весну!

Гюля решила пройтись пешком. Она возвращалась с первой студенческой выставки работ художественного факультета института искусств, где экспонировались ковровые изделия, рисунки по стеклу, металлу и тканям. Работы студентов отличались большой фантазией, хорошим вкусом, профессионализмом. Особенно понравились тематические ковры, в которых традиционный национальный орнамент приобрел современное звучание.

- Прекрасные вещи, с удовольствием приобрел бы для себя, - удовлетворенно кивал профессор института, народный артист Талыблы, соглашаясь с тем, что многие из них можно рекомендовать для массового производства.

Гюля улыбнулась своим мыслям. Приятно, когда так отзываются о работах студентов, которым преподаешь. Через некоторое время они как специалисты по художественной обработке стекла, металла, тканей и ковроделия вольются в коллективы сувенирных и ковровых фабрик.

Гюля вспомнила, каким было трудным начало. Условия из рук вон плохие. Художникам дали старое сырое помещение института искусств возле книжного пассажа. В подвальных комнатах разместились кафедры композиции, рисунка и живописи, а на первом этаже - учебные аудитории.

Электричеством пользовались даже днем. Но ребята учились упорно, вдохновенно, овладевая тайнами мастерства. Преподавателями были не только известные художники и скульпторы, но и мастера-ковроткачи. Практику студенты проходили на сувенирных и ковровых фабриках, где изучали технологию производства.

Подготовка будущих специалистов была продумана всесторонне и основательно. Первый выпуск художественного факультета будет на высоте. А с сентября художественный факультет займет два этажа нового студенческого общежития на Мусабеково. Слава Богу, у ребят будут нормальные условия для работы. Комнаты - светлые и просторные,

специально оборудованные мастерские...

Гюля проходила мимо парка пионеров, с его многолетними фруктовыми деревьями. Сейчас они расцвели и создавали нежную цветовую гамму: бледно-розовые, желтые, белые цветочки чередовались с ярко-зелеными листьями.

Почему-то захотелось пройтись по тенистым аллеям. Навстречу попадались малыши, катавшиеся на велосипедах, детских машинах, игравшие в «ловитки». Справа, на эстраде гремел духовой оркестр, и ребятишки весело танцевали «чобаны».

- Ну-ка, орлята, балерины, танцоры, веселей! Веселей! - подбадривала неугомонная «тетя Вера». И ребятишки с еще большим азартом продолжали танец.

Когда парк пионеров находился в бывшем Губернаторском садике, теперешней Зоне здоровья, куда школу водили на праздник пионерии страны, Гюля была еще маленькой, а Вера Петровна - «Верочкой». И сейчас она проводила викторины и массовки с не меньшим темпераментом и мастерством.

Гюля прошла дальше, к бассейну белых лебедей. Она могла подолгу стоять и наблюдать их изящные движения, нежность, с какой они ласкались друг к другу. Хорошо сейчас им стало, спокойно. Территорию бассейна обнесли сеткой. Теперь уже мало находилось «охотников» швырять в них шишки, чтоб увидеть, как, грозно хлопая крыльями, самец вытягивает шею и налетает на обидчика. Так лебедь защищал свою подругу.

Гюля вытащила из сумки печенье, разделила на четыре части и просунула сквозь сетку. Лебеди с достоинством подхватили печенье клювом. «Больше нет», - с сожалением подумала Гюля. Лебеди вопросительно смотрели на нее, видимо, все еще ждали угощения. Но потом кто-то рядом протянул им кусочек бублика, и они проплыли мимо Гюли. Она усмехнулась. «Вот так всегда. Поманят другие, и о тебе забудут», - вздохнула она и пошла по аллее.

Возвращалась Гюля из парка другой дорогой. По обеим сторонам тропинки сплошными рядами стояли деревья, образуя туннель. Солнце никогда не проникало сюда, сквозь густую завесу листьев, и поэтому здесь было прохладно даже в самый знойный день. Гюля любила эту аллею за тишину, прохладу, за то, что здесь чувствуешь себя ближе к природе, как бы сливаешься с ней. Тропинка внезапно кончилась у главной аллеи, как раз напротив танцевальной площадки. И сразу Гюлю оглушили звуки духового оркестра, «мегафонный глас» Веры Петровны и ребячьи голоса. Веселый гомон очень гармонировал с ослепительным солнечным днем и цветущими деревьями.

Гюля жила напротив парка. Ее двор казался тенистым сквером с уютными полукруглыми скамейками посередине и кольцевой асфальтовой дорожкой, обрамленной множеством деревьев. Часто не только жители дома, но и прохожие присаживались здесь отдохнуть и полюбоваться раскидистыми кронами.

Гюля зашла во двор. На площадке дети играли в «круговую лапту», а молодые мамы гуляли по асфальтовой дорожке. Одни катали перед собой коляски, другие вели за руку малышей. Казалось, в этот солнечный весенний день все вышли на воздух.

Гюля прошла мимо пожилых женщин, сидящих на скамейке, поздоровалась с ними. Ей так хотелось спросить Фатьму-хала о здоровье, поговорить с ней. Но рядом сидело гадкое существо - Тарлан-ханум, которое испортило немало судеб. Гюля почувствовала, как за ее спиной та зашептала.

Ну ее! Сегодня вряд ли кому-то удастся испортить настроение Гюли. И что только может сделать один весенний день с человеком?!

Гюля открыла дверь и зашла в темный коридор. После яркого солнечного света и ароматного воздуха квартира казалась мрачной, душной. Темнота гнетуще действовала на Гюлю. Она быстро зажгла свет. Оглядела

стены, вешалку. До чего все знакомо и чуждо сейчас. Домашняя обстановка постоянно напоминала Гюле о том, что в доме больные. Она не должна радоваться, громко смеяться, жить, как все. Это покажется кощунством, если она засмеется, почувствует огромную радость...

Гюля медленно сняла пальто. Повесила сумку и одежду на вешалку и прошла в комнату бабушки.

- Нэнэ-джан, как ты себя чувствуешь? - Гюля положила ладонь на лоб бабушке. Температуры не было.

Гюля очень любила эту добрую старушку. Ведь с детства она заменила ей мать, отца и всех родных.

- Хорошо, дитя мое. Я скоро совсем поправлюсь, - слабым голосом отозвалась Наргиз-хала.

- Дай Бог, нэнэ-джан, дай Бог.

Гюля часто произносила эту фразу из любви к бабушке. Старушка всегда сердилась, когда небрежно отзывались о Боге. Она с детства внушала Гюле уважение к нему. Когда внучка подросла, она многое поняла. Но никогда не спорила с бабушкой, не смеялась над ее верой. Да и к чему было сердить больную женщину? Ведь хорошо, что у бабушки есть вера и надежда, пусть в Бога. Жестоко разбивать иллюзии человека к концу жизни.

- Да, дитя мое... Да поможет Бог твоей матери... - голос ее задрожал. Голова начала трястись.

Откуда у нее берутся силы для жизни? От большой радости человек может внезапно умереть. Так было с дедушкой Гаджи Ага. А вот страдания делают людей стойкими, вырабатывают в них силу сопротивления.

Бабушка, казалось, уже не поднимется после гипертонического криза. И жизнь тяжелую прожила, и возраст такой. А старушка, выбиваясь из последних сил, выжила.

Гюля села на краю кровати и осторожно положила голову бабушки себе на плечо.

- Ну, не надо... Тебе нельзя волноваться, - говорила она глухим ровным

ГОЛОСОМ.

- Как же так? Бедная моя дочь... Несчастливая... - причитала сквозь слезы старушка.

Гюля молчала и тихонько гладила волосы бабушки, чувствовала, что надо ей выплакаться, выговориться. У бедняжки даже сил не было плакать. Беззвучные слезы катились по морщинистым щекам...

Наконец, она подняла голову и медленно откинулась на подушки.

- Иди, Гюля, поешь. Фируза что-то приготовила.

- Не хочется, нэнэ-джан.

- Поешь, родная, пока Фируза во дворе.

- Хорошо.

- А я посплю немного.

Старушка устало закрыла глаза и глубоко вздохнула. Гюля поднялась с кровати, поправила подушки, и пошла к двери.

На кухне она поела немного довги. Убрала со стола, вымыла посуду и прошла к себе в комнату. Устало опустилась на диван. Некоторое время смотрела на портрет отца и тщетно пыталась представить, как сложилась бы ее жизнь, если бы отец был жив.

Она его так хорошо изучила, что, казалось, помнила, каким он был. Высоким, широкоплечим, с сединой на висках. Бабушка ей часто рассказывала о матери, о нем. Вспоминала его жесты, мимику. Говорила о том, как он похож на Гаджи Ага, дедушку Гюли, своим благородством, щедростью, трогательной чуткостью к окружающим. «Как он любил Фирузу! Боготворил!» - восклицала бабушка, и глаза ее всегда влажнели. - «Царство ему небесное».

В комнате висели два портрета - отца и матери Гюли, но несколько лет назад один из них оказался разбитым и изорванным в клочья. Бабушка ничего не говорила о том, что произошло тогда, перед приездом Гюли из Ленинграда. Но портрета матери больше не было. Отец на стене казался одиноким, грустным и таким дорогим!

Гюля часто видела его во сне, и обязательно в тот день ей везло. Всегда случалось что-то хорошее, приятное.

Гюля перевела взгляд с портрета отца на окно. Уже сумерки. За окном покачиваются ветви олеандр. Они почти закрывают окно первого этажа. Кажется, поднимается ветер. Олеандры заволновались. Ветви покачиваются, иногда постукивая в окно. Гюле казалось, что они мечутся и страдают из-за своей немоты. Они не могут высказать горечь существования. Они жаждут немного чуткости, но не требуют ухода, в отличие от розы - избалованной любимицы человека.

Буйные, выносливые ветви, красивые цветы... Только их не любят. Говорят, они ядовитые. Говорят...

Гюля вспомнила, как вылепила ветку олеандра с единственным цветком. Вся ветвь была причудливо изогнута, как от сильного ветра. В ее сгорбленной позе было чувство трагической покорности судьбе. И только цветок на тоненьком стебле не сдавался. Чем ниже гнулись ветви, тем выше, казалось, он старался держать головку. И выстоял. Эта работа называлась «Достоинство».

Хлопнула входная дверь - мать пришла. Гюля поспешно встала и тихонько повернула ключ в замке.

Зажгла настольную лампу. Взяла с полки томик Нагибина и углубилась в чтение...

Бесшумно, как могла двигаться только она, Фируза прошла мимо комнаты дочери. Приостановилась. Что-то прошептала. Вошла в соседнюю комнату.

- Есть хочешь, мама? - тихо спросила она.

- Нет, дочка.

- Что принести?

- Ничего, родная. Ложись спать. Ты совсем не спишь. Старушка

беспокойно поднялась на локтях.

- Лежи, - коротко приказала Фируза и уложила мать. - Я пойду на кухню. Проверю...

Старуха горько вздохнула. Устало закрыла глаза. Губы ее шептали молитву.

Осторожными шагами Фируза подкрадывалась на кухню. Сначала заглянула, затем несмело вошла.

- Никого.

Подошла к окну. Проверила щеколду. Поглядела в окно. Все было спокойно. Только фонарь покачивался, и от этого тень столба двигалась по земле. «Опять они», - подумала Фируза. В памяти, в который раз мелькнула картина пустынной, заснеженной тропинки и тени, преследующей ее. Сердце забилося. «Бежать! Бежать!» - Фируза вздрогнула, очнулась. Кто распахнул форточку? Надо сейчас же закрыть. С бьющимся сердцем Фируза протянула руку к форточке и остановилась. Надо было высунуть руку, чтоб захватить крючок. Нет! Нет! Они схватят ее за руку! Схватят! «Опять преследуют».

Фируза достала из-за шкафа длинную палку с крючком на конце, зацепила за форточку, резко захлопнула ее. Облегченно вздохнула. Тихонько засмеялась. «Ну, кто кого?». Подошла к шкафу, отворила дверцы и начала выкладывать продукты на стол. Тщательно проверив, она сложила все обратно. Ну, слава Богу, ничего не подсыпали. Устало присела на табурет. Свет падал на ее бледное лицо с провалившимися щеками. Огромные глаза были уставлены в одну точку. Вдруг она беспокойно поднялась и замерла. На стекле чей-то силуэт! Зажмурился глаза, она медленно приблизилась к окну. Взметнувшиеся в самозащите руки коснулись холодного стекла. Она вздрогнула и увидела в стекле свое отражение. Фу! Фируза усмехнулась.

Выходя из кухни, она заглянула в кастрюлю, подумала. Ища подтверждения своим догадкам, она поспешила к матери.

- Мама, ты ела довгу?

- Нет, дочка.

- Кто-то ее трогал.

- Это Гюля пообедала.

Фируза нахмурилась, Немного подумала, затем спросила.

- Она ничего туда не насыпала?

- Что ты? Что ты? - всплеснула руками старушка.

- Она отравила обед. Я чувствую.

Фируза говорила медленно, скрестив руки.

- Ну, что ты, дочка! Разве можно...

- Зачем она не обедает при мне? А потому, что я слежу за каждым ее движением.

- Фируза! Опомнись! Что ты говоришь?!

- Я ненавижу ее.

Старушка задрожала. Она почувствовала, что у Фирузы начинается приступ. Ведь уже несколько дней ее мучит бессонница. «О, Аллах, пронеси и на этот раз», - молилась старушка.

- Я ненавижу ее, - с убийственной холодностью произнесла Фируза.

- Что она тебе сделала?

- Не родись она, со мной бы ничего не случилось, - спокойно продолжала Фируза.

- Не говори так.

- Она хочет отравить тебя. Неужели ты сама не чувствуешь это? Но я не допущу. Ты должна жить.

- Спасибо, дочка.

- Ты должна жить, чтоб вечно мучиться.

Старушка молчит. Только голова ее начинает сильно трястись.

- Чтобы видеть, что ты со мной сделала.

- О, Аллах! Убей меня! - простонала старушка.

- Нет, нет! - испуганно вскрикнула Фируза. Она закрыла дверь, побежала к окну, заслоняя его собой.

- Ты не умрешь. Я не хочу! Это она хочет! - Фируза показала пальцем

на комнату дочери.

- Она-то при чем?

- Ты одна у меня. Она хочет убить тебя, чтобы отнять у меня все. Все! - выкрикнула Фируза. Глаза ее горели ненавистью.

- Но я, я не допущу. Я задушу ее. Задушу! - сквозь зубы процедила она, сжав кулаки.

- Я умру, если ты не перестанешь, - застонала старушка.

Фируза вздрогнула.словно какая-то мысль мелькнула в ее сознании.

- Значит, ты все-таки поела? Отравилась... Мама! Мамочка... Родная... - захлебываясь слезами, Фируза бросилась к матери. Она в отчаянии целовала ее лицо, руки, волосы. Старушка уже задыхалась. Она просила воды.

- Сейчас, сейчас... - заторопилась Фируза.

Она побежала на кухню. Налила из чайника кипяченую воду и принесла матери. Та трясущимися руками взяла стакан и жадно потянулась к нему губами.

По лицу Фирузы пробежала судорога. Она вдруг выхватила стакан у матери, расплескав воду.

- Нет! Не пей. Она и воду отравила!!!

Старушка бессильно откинулась на подушки. Она тяжело дышала. Шершавым языком она облизывала губы. Язык прилипал к губам. Она ничего не могла сказать. Только глаза ее тускло смотрели на дочь.

А Фируза стояла, терзаясь.

- Боже мой! - шептала она, мучаясь сомнениями. Надо дать воды... Дать воды... Нет, нет. Вода отравлена... Дать воды. Надо. Она умрет! Нет. Не могу!

- Воды, - прохрипела старушка.

Фируза, наконец, решилась. Залпом отпив несколько глотков, она боязливо приблизилась к матери. Приподняла ее голову. Старушка пила, судорожно глотая. Стало немножко легче. Ей хотелось заснуть, но она боялась даже закрыть глаза. Еще Фируза подумает, что она умерла, и что-

нибудь натворит. «Бедная внучка!» - думала она. - Что-то с ней будет после меня?».

Старушка попросила Фирузу лечь, наконец, в постель.

- Я лягу здесь, мама. Чтоб никто сюда не вошел. Она легла поперек двери на голом полу.

- Дочка, положи хоть подушку под голову.

- Нет, мама. Так хорошо. Не бойся... Никто не войдет.

- Погаси свет, дочка.

- Нет, в темноте я их не увижу. Слышишь, как стучат в окно? Они хотят добраться до тебя. Ничего. Окна у нас крепкие. Я не пущу...

Фируза замолчала. Через некоторое время она дышала уже ровнее. Очевидно, холодный пол успокаивающе подействовал на нее.

От яркого света была нестерпима резь в глазах. Наргиз-хала тихонько пошевелилась. Прислушалась. Села. Еле дотянулась до выключателя, с трудом улеглась. Она лежит неподвижно. Смотрит в потолок, на полоску света, падающего от уличного фонаря. Вспоминает...

... Пятнадцать лет прожила Наргиз-хала с мужем, прежде чем родилась ее единственная дочь Фируза. Много пришлось пережить ей горьких дней из-за своего бесплодия. Муж был добрым, внимательным, никогда не говорил о детях при ней. Жили в достатке, а вот счастья в доме не было. Да и разговоры соседей, родственников портили жизнь. Особенно одолевала свекровь. Но что было делать? Приходилось терпеть. Людям не закроешь рты. В Азербайджане эмблемой семейного дома должны быть дети. И каждый считал своим долгом интересоваться, советовать:

- Гаджи Ага, пора тебе подумать о наследнике.

- Бесплодная женщина, что ветка без листьев.

- Торопись иметь детей, пока способен их производить.

Гаджи Ага отшучивался:

- Не хочу обременять жену. Она еще молодая. Успеется.

А для более назойливых и циничных находил такое словцо, что те уже не приставали.

Конечно, сам Гаджи Ага думал, много думал о ребенке. Ведь все, что он нажил, должен кто-то унаследовать. А без ребенка зачем умножать богатства? К чему стремиться? На жизнь ему хватит и того, что он сейчас имеет. Иногда ему казалось, что он слишком стар для жены.

Жили они уже десять лет, а Гаджи Ага все надеялся...

Как-то раз, убирая в спальне, Наргиз-ханум услышала раздраженный голос свекрови, которая сидела с сыном в гостиной.

- И чего ты держишься за нее? Возьми вторую жену. Совсем не думаешь о продолжении нашего рода. Или нет возможности содержать ребенка? Погляди на наших слуг. Чем беднее они, тем больше плодят детей. А ты, слава Богу, хорош собой. За тебя любую сосватаю. Гаджи Ага вздохнул.

- Я все помню, мама. Но как я смогу? Живем мы с Наргиз душа в душу. Во всем она повинуется мне. Никогда не перечит.

Тут Наргиз-ханум почувствовала, что так больше продолжаться не может. Грех, если нет детей. И как бы больно ни было ей, она решила женить Гаджи Ага. Ведь в конце концов его заставят сделать это.

Когда Наргиз-ханум заговорила с ним на эту тему, он рассердился и сказал, чтоб она не смела и думать. Но Наргиз-ханум нашла девушку для Гаджи Ага и пошла сватать. За ее спиной смеялись кумушки. Говорили, что она с ума сошла. Неужели собирается жить в доме с новой женой?

Сыграли свадьбу, и она собственноручно застелила новобрачным постель. А сама до утра проплакала в своей комнате.

Было ей двадцать три года, родители давно умерли, а жить у замужней сестры приживалкой она не смогла бы. Да, она останется нянчить ребенка своего мужа.

Так прошел год. А родственники все приходили, все спрашивали.

- Ну, как с наследником?

- Опять не повезло?

А свекровь больше всех беспокоилась. Ведь это она хотела вторично женить сына. Однажды невестка плохо себя почувствовала. А еще через месяц объявила, что ждет ребенка. Гаджи Ага сразу растерялся, засуетился. И в этот же день дал роскошный обед в честь будущего наследника. Теперь и Наргиз повеселела. Наконец-то в доме будет ребенок! Аллах услышал ее мольбы!

Она ходила к мужу в магазин, выбирала тонкий ситец, батист для пеленок и рубашечек будущего наследника. И заранее сказала Гаджи Ага, что будет сама нянчить ребенка.

- Поставлю кроватку к себе в комнату. Ты не забыл заказать? - спрашивала она беспокойно.

Наргиз заботливо относилась к невестке. Особенно следила за ее аппетитом, не допускала до грязной работы. А та становилась все капризней, грубее, бестактнее. Но Наргиз глотала обиды, приписывая все беременности.

- Не тронь меня. Еще сглазишь! - недружелюбно требовала она, не пуская Наргиз в свою комнату, где теперь дневали и ночевали мать и сестра молодки.

Вскоре она и мужу не разрешила спать в ее комнате. Он был согласен на все, лишь бы родился ребенок. В доме разговаривали полусшепотом, чтоб не беспокоить будущую мать.

Как-то Наргиз заметила, что невестка давно не была в бане. Но Гаджи Ага только всплеснул руками.

- Ради Бога! Что ты говоришь?! Какая баня?! Пусть дома купается. А в баню пойдет после...

Невестка уже тяжело ходила. Живот ее был большой, раздавался вширь. И все в один голос твердили, что родится девочка, так как на мальчика живот всегда резко выдается вперед. А будущий отец счастливо улыбался.

- Двойня будет - и мальчик, и девочка!

В последние дни беременности теща отозвала Гаджи Ага в сторону и сказала, что дочь ее будет рожать в Михайловской больнице. Дескать, там уже об этом договорились, и это безопасно. Но Гаджи вдруг заартачился. Он ответил, что его наследник должен родиться у себя в доме. А насчет повитухи нечего беспокоиться. Он не пожалеет денег, пригласит самую лучшую.

В роду у него еще такого не было, чтоб шли в больницу, когда есть собственный дом. Не пристало ему такое. Пусть уж доктор приедет к нему. Теща попыталась уговорить его, даже расплакалась. Но он был упрям.

- Что тебя волнует? Хочешь, чтоб принимал доктор? Пожалуйста, приглашу. Только в этом доме.

Теща сникла и ушла. А наутро поднялся переполох. На крик невестки «Скорей! Маму! Сестру! В больницу!» прибежала Наргиз. А Гаджи Ага послал своего нукера за доктором и повитухой, с которыми заранее договорился. Но невестка остановила его криком. Она твердила, что умрет, если ее сейчас же не отвезут в больницу. Мать и сестра плакали, уговаривали выполнить ее волю. Гаджи Ага не мог больше вынести это. Собрался ехать, но подкатил фаэтон.

Доктор попросил всех выйти из комнаты. За дверью раздавались крики.

- Не троньте меня! Не надо! Я сама. Не на...

Внезапно наступила тишина. Слышалось только женское всхлипывание, перешептывание. Гаджи Ага стоял бледный. Мать и сестра исступленно молились. А Наргиз не знала, куда ей деться. От слабости она опустилась на корточки у стенки.

Дверь отворяется. Доктор отзывает Гаджи Ага в сторону. Что-то тихо сообщает. Тот молчит. Бледнеет.

Наргиз-ханум, испуганная таким состоянием, бросается к нему с вопросом: «В чем дело?».

Доктор покачал головой и зашел к роженице. Наргиз-ханум в

недоумении. Она чувствует, что произошло что-то ужасное. Мимо нее засеменили к двери мать и сестра невестки. Гаджи Ага даже не глянул в их сторону. А Наргиз-ханум остановила их:

- Куда же вы?! Не волнуйтесь, родные. Все будет хорошо. Аллах поможет.

Но ее никто не слушал. Она удивленно повернулась к мужу, но не решилась спросить. Опустилась на ковер и стала молиться.

Доктор и повитуха вышли из комнаты. Попрощались.

Наргиз встала и пошла к невестке. Муж вдруг резко окликнул ее. Она вздрогнула. Замерла. Гаджи Ага прошел мимо и распахнул дверь. Посреди комнаты молилась невестка, а возле нее валялись четыре огромные шали. Увидев мужа, она громко вскрикнула. Он молча схватил ее за косы. Дважды ударил по лицу и брезгливо отшвырнул:

- Убирайся, и чтоб ноги твоей...

Наргиз впервые видела мужа в ярости. Когда он, пошатываясь, вышел из комнаты, Наргиз пошла за мужем. Она уложила его на свою кровать. Накрыла одеялом. Принесла воды. Гаджи Ага выпил залпом, и только зубы его мелко-мелко стучали по стакану...

Какой позор пал на его голову, Наргиз-ханум узнала потом. Невестка боялась, что оказалась бесплодной. Обвязываясь шалью, она создавала иллюзию беременности. А в клинику просилась потому, что мать договорилась взять там ребенка.

Гаджи Ага долго не мог прийти в себя. Стал раздражительным. И когда при нем кто-нибудь неосторожно заговаривал о детях, он резко вставал и уходил. А за его спиной смеялись соседи, близкие. Распространяли анекдот, как почтенный Гаджи Ага принял шаль за беременность. Но в лицо все сочувственно вздыхали. Спрашивали о здоровье. И это бесило его. За каждым сочувственным вздохом ему чудилась насмешка, издевка. Он велел жене выбросить из комнаты все, что напоминало о его позоре...

Благодаря нежной заботе, такту Наргиз-ханум, муж постепенно стал

приходить в себя.

Прошло пять лет. Жизнь протекала спокойно, размеренно. Гаджи Ага оставил мысль о наследнике и покорился судьбе. Свекровь умерла, а остальные родственники не заговаривали о детях. Боялись разбередить старую рану.

Дела в магазине шли как нельзя лучше. Правда, ковры и паласы не пользовались таким же спросом, как раньше. Зато мануфактура и галантерея давали немалую прибыль, так как с началом мировой войны поднялись цены на мыло, соду, поташ и другое. В город прибывали все новые и новые толпы беженцев, создавали дешевую рабочую силу на нефтепромыслах и в зажиточных домах.

Гаджи Ага был самым уважаемым среди частных владельцев магазинов. Время было беспокойное, тяжелое. Война, внутренняя борьба рабочих нефтепромыслов с их хозяевами, тревожные вести из России. А тут и цены поднялись на товары первой необходимости. Люди возмущались и уходили из магазинов с пустыми кошельками.

Гаджи Ага был человеком набожным, справедливым. Он вел дела так, чтоб иметь больше дохода, но никогда не поступал жестоко, нечестно. Он тоже повысил цены на товары, но по-божески, только так, чтоб не остаться в убытке. Поэтому, у Гаджи Ага могли купить дешевле, чем в других магазинах. Вскоре со всех концов приходили только к нему в магазин, на «Кемюр мейданы». Торговля шла бойко. Пришлось нанять двух продавцов и расширить помещение.

«Человек рожден, чтоб творить добро!» - говорил Гаджи Ага, когда его благодарили покупатели как своего благодетеля. То же самое он говорил и своим недругам, владельцам частных магазинов, которые старались силой склонить его к сообществу. Но, увидев, что он делает по-своему, старались насолить ему. Так продолжалось долго. Гаджи Ага не поддавался на провокации и козни частных владельцев, а они злились. Хорошо, что у него был дом, Наргиз, с которой он отводил душу, когда было особенно тяжело...

Как-то раз ночью Гаджи Ага обнял свою жену. Та вскрикнула. Боль пронзила ее живот. Она сильно побледнела. Гаджи Ага встревоженно сел на кровать.

- Что с тобой, Наргиз-джан?

Она ничего не могла ответить. Лежала с широко раскрытыми глазами и жадно глотала воздух. Гаджи дал ей воды, но она не смогла ее выпить. Она боялась даже пошевелиться. Муж позвал нукера и велел пойти за доктором. А сам сел у изголовья и стал успокаивать жену.

- Сейчас... Сейчас придет доктор. Потерпи еще немного. Очень больно?

Слезы Наргиз-ханум текли на подбородок, шею. Гаджи Ага вытирал их платком и просил:

- Ну, не надо... Сейчас пройдет. Где болит?

- У меня водянка, Гаджи, Я боялась сказать тебе.

- Что ты говоришь?! - рассердился он. - Тоже мне, вбила в голову.

Откуда ты знаешь?

- Живот вон как вздулся. Уже сколько времени мне тяжело ходить.

Гаджи Ага встревожился не на шутку, схватился за голову. Он страшился болезни жены:

- Ай, Наргиз-джан, ты рушишь мой дом! В тебе же вся моя жизнь. Себя не жалеешь, так меня пожалей. У меня никого нет, кроме тебя.

Пришел доктор.

- Ну, что здесь у вас, почтенный Гаджи Ага? - спросил он, снимая пальто.

- Доктор, она говорит: «водянка».

- Водянка? Ох уж эти женщины! - Врач улыбнулся. - Сейчас выясним.

Стоя у дверей спальни Гаджи Ага загадывал: «Только бы все обошлось. Завтра же закажу молитву в честь Хазрета Мухаммеда в Таза-Пире».

Врач прервал его молитвы. Гаджи Ага вздрогнул и на негнущихся ногах подошел к кровати. Он приготовился к самому худшему. Увидев растерянное лицо жены, он перевел взгляд на врача.

- Ну, будущий папаша, поздравляю. Рад за тебя. Доктор крепко пожал ему руку и расхохотался. Гаджи Ага так и сел. Улыбнулась Наргиз-ханум. А Гаджи Ага бессмысленно лепетал:

- Как? Ребенок? Или я ослышался? Ребенок? Да нет... Какой ребенок?

- Самый обыкновенный, твой ребенок. С головой, руками, ногами и всем прочим.

Гаджи Ага смотрел то на доктора, то на жену.

- Да, да. Я теперь уж больше не нужен. А беременность у нее вполне нормальная, - добавил он. - И чего только не бывает в жизни.

Врач попрощался и вышел из спальни. Гаджи Ага побежал следом. Он положил ему в карман один золотой. Доктор отказался взять.

- Да что вы, почтеннейший Гаджи Ага? Это много.

- Магарыч, доктор. Не обижай меня. Я от чистого сердца.

Доктор пожал плечами, поблагодарил и ушел. Гаджи Ага вернулся в спальню. Он все еще не мог прийти в себя от волнения. Ему хотелось смеяться громко, на весь дом. Но он улыбался сквозь слезы. Наргиз-ханум впервые видела его таким. Гаджи Ага был из тех мужчин, которых горе не может заставить плакать. А неожиданная радость вырвала скупые слезинки из глаз, высветила благородные черты. Он был все еще красив, строен.

Он тихонько лег рядом с Наргиз, осторожно обнял ее. Стал покрывать благодарными поцелуями ее счастливые глаза, шею. «Как он поседел», - заметила про себя Наргиз-ханум, когда губы мужа коснулись ее груди. Она вдруг почувствовала такую легкость, как будто спал груз, давивший ее вот уже несколько месяцев. Как будто муж впитывал в себя все ее тревоги и волнения. И Наргиз порывисто прижалась к нему...

Наргиз-ханум глубоко вздохнула и удобнее устроилась на кровати. Гаджи Ага погладил ее живот, и в порыве нежности потерся щекой. А затем приложило ухо, послушал.

- Стучит, - со счастливой улыбкой произнес он...

В тот вечер долго не мог заснуть Гаджи Ага. Время от времени он

целовал жену в щеку. «Аллах услышал мои мольбы и вознаградил меня. Иншаллах, родится ребенок, я поеду в Мекку отдать дань Хазрет Мухаммеду. Ла иллах иллаллах Мухаммед Расул аллах. Аминь».

Наргиз-ханум давно уже спала, а муж все смотрел на ее полное красивое лицо и никак не мог поверить в счастье. Так он и пролежал до утра, не сомкнув глаз...

... Наргиз-ханум должна была разрешиться под самый Новруз-байрам 1915 года. Она ходила уже тяжело, но сознание того, что она носит под сердцем ребенка, придавало ей силы, бодрости. Ее нельзя было узнать. Раньше она выглядела обделенной, в глазах отражалась тоска. Да и жила она, будто извинялась постоянно за свою бесплодность. Словно не имела права жить. Словно был у нее непростительный изъян. Но теперь она ожила, повеселела. Гаджи Ага видел, как часто она улыбается своим мыслям.

- О чем думаешь, Наргиз-джан? - спрашивал он жену.

- Благодарю Аллаха за то, что наградил меня за все мои страдания, - отвечала она задумчиво.

Наргиз-ханум взяла в дом несколько женщин-беженцев. Она не могла безучастно смотреть на них, полураздетых, голодных: со всей душевной щедростью кормила их, дарила одежду. Дом Гаджи Ага был большой, двух-этажный, с подвалом. Он стоял справа от «Голубой мечети», напротив бани. Второй этаж занимала Наргиз-ханум с мужем, на первом жила служанка с семьей, а в подвалах хранились продукты. Женщины-беженки помогали по хозяйству, стирали, убирали, трусили ковры, гладили белье. Им не надо было дважды повторять, что надо сделать по дому. Они были досыта накормлены, одеты, обуты и благословляли свою хозяйку. «Дай Бог тебе благополучного освобождения, - говорили они часто, - для такой хозяйки хоть в огонь, хоть в воду!».

Гаджи Ага с улыбкой наблюдал за благотворительностью жены. Он

любовался ее чуткой заботой о людях. Аллах не зря наградил ее материнством. Часто рано утром он выходил на балкон, слушал озан моллы, смотрел на купол «Голубой мечети» и благодарил Аллаха за милость к нему. Несколько раз он прерывал свои мысли церемонией «Салават чеюрмэ»¹. Раньше, когда он ежеутренне смотрел на купол «Голубой мечети» и видел золотистую руку на ее вершине, с мольбой протянутую к небу, он думал, что это символ всех несчастных людей, с мольбой обратившихся к Богу. Но теперь, когда Аллах смилостивился над ними, послал ему ребенка, эта рука воспринималась как знак благодарности небесам. «Да буду я жертвой Аллаха, клянусь Кораном и двенадцатью имамами, пойду паломником в Мекку. Сделаю дорогие жертвоприношения, - шептал он. - Иначе как мне отблагодарить Аллаха за милость? Я теперь самый счастливый человек на свете. А для наследника привезу «турбет»² и Коран из самой Мекки».

Иногда Гаджи Ага шутил над щедростью жены.

- Ну, Наргиз-джан, а магазин не захочешь подарить людям?

- Нет уж, - с улыбкой отвечала Наргиз. - Магазин оставим нашему наследнику.

- Наследнику, - повторил Гаджи Ага. - Сыну. А откуда ты знаешь, что будет сын, кого нам Бог пошлет?

- Должен же быть наследник?! - воскликнула Наргиз.

- А знаешь, если Бог пошлет девочку, и то неплохо. Будем наряжать ее, как куколку. А потом выдадим замуж, сыграем сорокадневную свадьбу. Поняничим внуков... - размечтался Гаджи Ага.

Жена со счастливой улыбкой слушала его.

- Эх! - вздохнул он, - дожить бы мне. Одним хоть глазком увидеть внуков. Эх-эх-эх.

- Увидишь, увидишь. Еще надоест тебе слушать их крики.

- Ну, как он, не балует? - спрашивал Гаджи Ага. Жена смущалась,

¹ Специфический жест мусульман. Молящийся полураскрытой ладонью очерчивает овал лица сверху вниз, смыкая пальцы на подбородке при слове «Аминь».

² Священный камень.

краснела, но все же отвечала:

- Стучит ножками так, что дышать порой трудно.

- Я договорился с доктором. В больнице устроят отдельную палату. Все будет хорошо.

- Нет! Нет! Что ты?! - испуганно замахала руками Наргиз. - Я из дому никуда не пойду!!!

Она всегда боялась врачей, их белые халаты, блестящие инструменты. А при слове «больница» ее охватывал панический страх. Гаджи Ага знал ее слабость. Он только улыбался и соглашался с ней.

Но она не помнила, как попала в больницу. Потом няня рассказала, что привезли ее почти в бессознательном состоянии. Чуть было «кесарево» не сделали. Но обошлось. Спасли и мать, и... дочь. Гаджи Ага, несмотря на солидный возраст, радовался, как ребенок. Несколько раз в день он навещал жену и дочь. Одаривал сестер и нянь сладостями, деньгами и подарками. А когда привез, наконец, из больницы обеих, устроил пышный обед в честь наследницы. Гости веселились до самого утра. Молодая мать лежала в постели (ей не разрешали подниматься), с улыбкой прислушивалась к голосам гостей. Часто Гаджи Ага заходил к ней, спрашивал, не скучно ли? Целовал ее и спящую дочь и опять уходил к гостям. У мусульман такой обычай. Новорожденного можно видеть только через сорок дней, дабы уберечь от «дурного глаза».

Через год Гаджи Ага в честь дня рождения своей любимой дочери пожертвовал крупную сумму для семей, чьи кормильцы погибли при пожарах скважин на нефтепромыслах.

Частые забастовки на нефтепромыслах приводили в негодование хозяев. Полицейские патрулировали промыслы Балаханов, Биби-Эйбата, Сураханов. Проводили частые аресты среди активистов рабочего движения за повышение заработной платы, улучшение условий труда, соблюдение правил технической безопасности. Особенно охотились за так называемыми «политическими». За теми, кто прибывал на промыслы нелегально, кто

распространял листовки, призывающие к объединению всех рабочих в борьбе за свои экономические и политические права.

Гаджи Ага задумывался над тем, что слышал от покупателей. О партии большевиков, которые отстаивают интересы рабочего класса и хотят установить такой строй, при котором не будет хозяев и слуг. Все фабрики, заводы, магазины станут государственной собственностью, а управлять таким государством будет весь народ. Значит, у него отнимут магазин, который является источником материального благополучия его семьи, отдадут государству и народу? А он как же? Станет нищим, что ли? Выходит, опять одним будет хорошо, а другим - плохо?! А ведь Гаджи Ага никого не притеснял, не разорял. За доброту и благородство покупатели его уважали, даже считали «своим». Понося «хозяев» при нем, они забывали, что он тоже хозяин.

Его старались образумить «коллеги» - владельцы магазинов, предсказывая ему банкротство. «Сдались тебе эти голодранцы? Корми, корми их, - грозились они, - тебе же первому они пустят пулю в лоб».

Гаджи Ага никак не мог себе представить, как сумеет управлять государством безграмотный народ. Его не покидало чувство тревоги и беспокойства за будущее, ибо теперь у него была Фируза, которую лелеяли, носили на руках. Каждое ее движение, каждое новое слово было для родителей чудом. Радость их была беспредельной.

Революцию 1920 года в Баку Фируза встретила пятилетней девочкой. Она стала первой ученицей, переступившей порог народной школы. Трудно было приобщить девочек-азербайджанок к учению. Отцы, братья грозились поджечь школы, где должны были получать образование их дочери и сестры. Пускать девочку без чадры, и еще одну на занятия?! Позор! Бесчестие для главы семьи! Что скажут близкие? Будут судачить и обливать грязью дочь. Трудно было сразу отбросить все условности. Однако были и такие, которые мечтали дать образование своим детям: сыновьям и дочерям. Сделать их инженерами, учеными. Это ли не гордость для отцов?! Ведь сами они и

подписываться, как следует, не умели, а их дети будут читать умные книги, станут уважаемыми в обществе людьми. И как ни старались мусульманские фанатики препятствовать этому, им не удалось отбить у людей тягу к свету, к знаниям. Свою неоценимую роль сыграла печать: сатирические рисунки Азим-заде, разоблачительные стихи Сабира, пьесы-призывы «Сатир-агит-театра». Гаджи Ага с интересом смотрел представления этого театра и рассказывал содержание жене.

Отец ежедневно провожал на занятия Фирузу. Беседовал с педагогами, спрашивал о нуждах школы. После занятий заходил за ней. И по дороге домой, и за обедом она делилась впечатлениями. Наргиз-ханум гордилась своей дочерью, радовалась ее успехам. Фируза росла серьезной, трудолюбивой и восприимчивой девочкой.

Летом 1930 года Фируза отлично окончила седьмой класс. Отец взял блестящую похвальную грамоту, посмотрел повлажневшими глазами. Нежно обнял дочь, поцеловал ее и... охнув, присел на стул. Бледность мужа испугала Наргиз-ханум. Она хотела послать за врачом, но Гаджи Ага остановил ее. Попросил уложить в постель. Взял руку жены в свою:

- Тебе доверяю дочь. Ничего не пожалей, дай ей образование... высокое... Наргиз со слезами выбежала в галерею, послала служанку за доктором.

А Фируза сидела, широко раскрыв глаза, и смотрела на отца. Она обожает его и считает частью самой себя. Она привыкла ему все рассказывать, с ним советоваться. А как теперь? Фируза не могла и подумать, что отец прощается с ними. Что он вот так, сразу, умрет. Фируза перевела взгляд на мать. Та шептала молитву и плакала. Фируза видела восковую бледность, которая покрыла лоб, щеки, подбородок отца. И только почувствовав холод его руки в своей, очнулась. Ей стало страшно. Она вздрогнула, когда услышала крик матери, и увидела, как та иступленно рвет волосы на голове...

Трудно было Наргиз-ханум растить дочь одной. Но она упрямо

выполняла завет мужа. Продала дачу. Затем стала продавать ожерелья, кольца, серьги. Лишь бы дочь жила в достатке и продолжала образование. Ведь Фируза - это единственное, что у нее было в жизни. Дочь была ее дыханием. Она молилась о счастье ее, гордилась красотой, умом дочери. А сколько книг перечитала Фируза, кончая рабфак! Правда, она стала замкнутой. Наргиз-ханум не слышала ее звонкого смеха. Старалась расспрашивать ее об учебе, но Фируза отмалчивалась. И если что-то начинала рассказывать, то вдруг останавливалась, задумывалась, глаза ее влажнели.

Сначала Наргиз-ханум нравилось, что дочь чтит память отца. Но со временем она не на шутку заволновалась. Эта замкнутость может перейти в угрюмость, и дочь утратит обаяние. Она предлагала пойти в гости, к родственникам, развеяться, но Фируза не любила эти хождения.

Единственное, чем она увлекалась, это был театр. На рабфаке часто организовывали культпоходы в театр. Фируза брала два билета, и Наргиз-ханум приходилось ходить с ней на все спектакли. Дочь, казалось, не замечала присутствия матери. Она вся была во власти пьесы, ее персонажей. Каждый спектакль был для нее маленьким праздником. Такая любовь к театру пугала Наргиз-ханум. Она боялась: а вдруг дочь пойдет в актрисы?! Но Фируза подала документы в АЗИИ. Она отлично сдала экзамены на физико-математический факультет и была одной из первых девушек-азербайджанок на этом трудном факультете.

На третьем курсе она завоевала первую премию на конкурсе студенческих работ по высшей математике. Уже тогда профессор Гольдберг отметил, что в Фирузе есть жилка ученого. Радостная возвратилась она с подругами. Они смеялись, громко разговаривали. Наргиз-ханум залюбовалась дочерью, которая была ярче подруг. Разве это не гордость для матери?! И веселилась она так по-детски, так искренне, как будто вырвалось, наконец, то, что сдерживалось годами.

- Мама! Мамочка! - целовала она ее в обе щеки. - Я самый счастливый человек на свете!

Наргиз-ханум улыбалась сквозь слезы и спешила на кухню готовить плов...

После этого в доме стало шумно. Часто собирались друзья и подруги Фирузы, чуть ли не вся группа, и долго о чем-то беседовали, спорили. Громче всех звучал голос Фирузы, то иронический, то спокойный, уверенный, то гневный, раздраженный. Былая скованность оставила Фирузу. Она так и горела желанием поспорить, доказать правоту свою.

С мнением дочери считались не только студенты, но и некоторые преподаватели. А с одним из них, кандидатом наук (!), Фируза даже поспорила. Наргиз-ханум одергивала дочь:

- Ну, спорь со студентами, сколько душе угодно. А с педагогом опасно, - осторожно внушала она. А Фируза отвечала с улыбкой:

- В спорах рождается истина, мама! И опять садилась за свой письменный стол, который был завален конспектами, книгами и чертежами. «Отца уже не вспоминает», - думала Наргиз-ханум. Однажды она поставила на письменный стол портрет Гаджи Ага, а Фируза убрала его на комод. Она все реже бывала с матерью. Они почти не разговаривали, как чужие. А еще горше делалось Наргиз-ханум, когда дочь оживленно разговаривала, смеялась с друзьями...

В конце года Фирузе сделал предложение педагог-физик, тридцатипятилетний кандидат наук. Фируза не знала, что ответить.

- Я ... не считаю себя достойной такой чести.

Она подумала это искренне, но прозвучала фраза с легкой иронией. Мирза извинился и ушел. Фирузе было неловко за свою бестактность, но вскоре она об этом позабыла. А Мирза пришел к Наргиз-ханум, рассказал о себе, сказал, что будет жить у них и станет ее сыном. Мирза чем-то напоминал ей мужа: размеренный разговор, гордая осанка, седина в кудрявых волосах, расчесанных на прямой пробор. Только нет рыжих усов и вместо кальяна - «Казбек». Наргиз-ханум сразу расположилась к нему. Рассказала о своей жизни, о муже, о Фирузе. Немного расстроилась.

Угостила его сладким чаем с шекер-бурой. Пообещала поговорить с дочерью.

Ей не терпелось сделать это, когда Фируза пришла из института.

- Некогда, мама. Тороплюсь в библиотеку. Вечером поговорим.

- Нет, дочка. Вечером ты будешь тоже заниматься. А у меня не праздный разговор.

- Ну, хорошо... Скорей. - Фируза нетерпеливо села на стул. Наргизханум проглотила обиду и сказала:

- Ты уже взрослая, дочка. Занятия, институт - это все хорошо. Друзья кругом – тоже хорошо. А вот близкого, родного человека нет. Фируза насторожилась. К чему клонит мать?

- Он - порядочный человек, - продолжала мать. - Серьезный, хорош собой, педагог...

- Мама!

- погоди. Не перебивай. Я все знаю. Он любит тебя и хочет создать семью.

- Зато я не люблю... - пожала плечами дочь.

- Полюбишь. Ведь и я не знала, что такое любовь. Двенадцати не было, как замуж выдали. А с отцом прожили душа в душу не один десяток лет!

- Мама. Так это ведь «тогда» было.

- Доченька. Я добра тебе желаю. Счастья. Ведь ты одна у меня. Я уже не молода. А вдруг случится несчастье, как будешь жить, Фируза? Я хочу отдать тебя в честные руки и потом спокойно умереть.

Фируза попыталась объяснить:

- Я только уважаю Мирзу. Как педагога, талантливого физика. Понимаешь? И куда мне торопиться? Я буду еще в аспирантуре учиться. Посвящу себя науке, понимаешь? А мать продолжала настаивать. Изо дня в день она плакала, просила, заклинала. Говорила с подругами Фирузы, умоляла их воздействовать на дочь.

Фируза сдалась. Вскоре состоялась свадьба. Мать выглядела

помолодевшей. Она, наконец, сняла траур. И была очень нарядной, счастливой. А Фируза натянуто улыбалась. Скучала. Она не могла выносить вынужденного безделья. Ну и радость, нечего сказать! Сиди за столом, ешь, пей, демонстрируй улыбку и смотри на жующие физиономии!

Прошел год. В доме Наргиз-хала воцарилось миролюбие. Фируза с мужем лишь к обеду приходили домой, голодные, усталые. Говорили о делах, спорили. А мать влюбленно смотрела на обоих и только подливала им в тарелки. В одни из споров Мирза вставил:

- А знаешь, мама, я ведь полюбил Фирузу после того, как она осмелилась со мной поспорить.

- Так это ты был, сынок?! А я все боялась, как бы ее не срезали на экзамене... – Все трое засмеялись. Наргиз-хала еще не успела убрать со стола, но уже думала о том, чего бы вкусенького приготовить завтра на обед. А как же? Наука требует сил.

Фируза готовилась стать матерью. Жаль, что придется прервать занятия на несколько месяцев. Мысль об этом ее удручала. А Наргиз-ханум думала: «Вот и хорошо, и мне найдется занятие. О-о-ой, не довелось Гаджи Ага увидеть счастье дочери...»

Родила Фируза тяжело. Врачи боролись за жизнь ее и ребенка. Мать с Мирзой всю ночь простояли под окнами родилки, и каждый крик отдавался болью в груди. После родов у Фирузы началось нервное расстройство. Впечатлительность, присущая ей с детства, еще больше обострилась. Ей нужен был особый уход.

Наргиз-ханум целые дни проводила с Фирузой, которая жила в ее комнате. А крошку держала Мария-беженка. Фируза начала поправляться только через три месяца. Мать предупреждала все ее желания. Росла крошка Гюленька. Мирза завершал докторскую диссертацию. Всюду хвалили его - талантливого молодого ученого и скромного человека. Соседи только и говорили о счастье Фирузы. А Наргиз-ханум все беспокоилась, как бы не сглазили. «Не из зависти, а из любви иной раз могут сглазить человека».

Но так уж написано на роду Наргиз-ханум. Жизнь то возносила ее к вершине счастья, то низвергала к подножью горя.

В лаборатории, которой заведовал Мирза, произошел взрыв. Двое сотрудников, непосредственно связанных с экспериментом, погибли, остальных оглушило. Мирза в это время отсутствовал. Он читал лекцию в АЗИИ. Экспертиза показала, что взрыв произошел из-за оплошности одного из погибших сотрудников. Но мертвый не в ответе. Мирзу как руководителя лаборатории без конца допрашивали.

- Почему вас не было именно в это время?

- Разве вы не обязаны присутствовать при опытах, опасных для жизни?

- Почему вы именно в это время назначили дополнительную лекцию?

Он объяснял следователю, что эксперимент этот должны были провести после работы он и два старших научных сотрудника. Почему они сами это сделали, он просто не может понять.

- Это чистая случайность.

- Случайность ли? - многозначительно хмыкнул следователь. - Уж слишком подозрительны факты...

Забрали Мирзу прямо с работы. Только однажды разрешили свидание. Наргиз-ханум ввели в приемную и попросили подождать. Вскоре ввели осужденного. «Осунувшийся, бледный, усталый». Она бросилась к нему, обняла, заплакала. Много приготовила она ему теплых слов, но только шептала:

- Сын мой... Сы-ночек...

Мирза тихонько гладил ее по седым волосам, склонив к ней голову. Вскоре им сказали, что время истекло. Наргиз-ханум еще крепче обняла Мирзу, поцеловала в глаза:

- Береги себя, сынок ...

Мирза глухо прошептал:

- Мама, береги Фирузу, Гюленьку. Прости меня. Я принес горе в ваш дом.

- Не говори так, сынок! - закричала Наргиз-ханум. - Ты не виновен! Я знаю! Я не пущу тебя!..

- Прости, мама, береги Фирузу, дочку. - Он мягко отвел ее руки и быстро ушел из приемной. Она стояла и сквозь слезы смотрела, смотрела на дверь, в которую вышел Мирза. К ней подошел мужчина в штатском и приказал освободить помещение...

Наргиз-ханум долго ходила по улицам Баку. Посидела в садике 26-ти, пока успокоилась. Домой пришла подавленная. И прежде, чем зайти к дочери, она умылась. Пришла в себя.

Фируза, лежа в постели, читала наброски дипломной работы.

- Все занимаешься? - спросила мать.

- Конечно. Уже пора. Мам, где Мирза пропадает? Мне кое-что надо спросить у него, - сказала она, не отрываясь от бумаг.

- Он уехал.

- ?

- В срочную командировку, - добавила мать и стала убирать в комнате.

- Странно, - Фируза пожала плечами.

- Гюля спит? - спросила мать, чтоб перевести разговор.

- Гуляет с Марией.

- Ты обедала?

- Я не обедаю без тебя, мама.

- Конечно, конечно. Я сейчас.

Наргиз-ханум поспешила из комнаты. В коридоре она прислонилась к стене. Передохнула. Слезы душили ее. Она быстро прошла на кухню. Выпила залпом стаканн воды и стала подогревать обед. Позвонили. Это Мария с Гюлей возвратились с прогулки. Наргиз-ханум взяла внучку на руки, поцеловала.

- Накорми ее, Мария, и сама пообедай.

- Хорошо, хозяйка.

Наргиз-ханум взяла поднос с обедом и понесла в комнату дочери.

Фируза лежала на спине и смотрела в потолок. «О чем она думает? О, Аллах, только бы не задавала вопросов», - молилась мать. Наргиз-ханум поставила поднос, хотела подать тарелку ей в постель.

- Нет. Я пообедаю за столом.

Фируза училась ходить после болезни. Ей казалось, что ноги какие-то ватные, дрожащие, голова кружилась от слабости. Но когда мать просила ее не утомляться, она оправдывалась:

- Мне в институт скоро, мама.

Наргиз-ханум сервировала стол. Движения ее сковывал взгляд Фирузы. Несколько раз она выходила из комнаты. То за ножом, то за зеленью. Наконец, принесла хлеб. Стала нарезать неровными ломтиками, руки ее дрожали от напряжения. Казалось, что глаза дочери заглянут ей в душу и вот-вот обнаружат рану. Наргиз-ханум не знала, как выдержать эту пытку - сидеть напротив дочери и есть. Нет. Она не вынесет взгляда Фирузы. Расскажет все. И станет легче. До еды ли? Как же быть? Дочь не должна ничего знать. Ей опасно малейшее волнение. Надо взять себя в руки. Легко сказать. Ну за что так наказал ее Бог? За какие грехи?

Фируза ела с аппетитом.

- Очень вкусно, мама. Спасибо, - с улыбкой сказала она. - Почему ты плохо ешь?

Мать не ответила, с трудом глотая «шорпу»¹, как неразжеванный твердый комок.

- И все же, почему он мне ничего не сказал? - словно у самой себя спросила Фируза, ложась лицом к стене.

Наргиз быстро сложила все на поднос. Подошла к ее изголовью. «Скажу». Фируза спала. Наргиз-ханум облегченно вздохнула и тихо вышла из комнаты.

Может быть, все и обошлось бы. Постепенно Фируза свыклась бы с мыслью, что Мирза задержался в командировке. А окончательно выздоровев,

¹ Постный суп.

она бы сама узнала всю правду. Но надо было Всевышнему послать еще одно испытание.

Как-то под вечер к Наргиз-ханум пришли двое в штатском: коренастый, средних лет мужчина и совсем молодой. Мать почувствовала недоброе и провела их на кухню.

- Извините, сынки. У меня в комнате больная дочь.

Эти двое показали удостоверения и сказали, что Фируза Гаджи Ага кызы Сеидова должна покинуть город в течение двадцати четырех часов. Ее вместе с несколькими семьями осужденных ждала ссылка.

- Послушайте, ради Всевышнего. Моя дочь тяжело больна, - взмолилась мать. - Она не сможет с грудным ребенком.

- В дороге поправится, - процедил коренастый.

- Она не выдержит... Вы можете это понять?! - гневно вскрикнула мать.

Двое уже уходили. Мать поняла, что это - конец. Ее дочь увезут навсегда! Ее дочь погибнет!

- Погодите! - окликнула она их. - Я умоляю вас... - Голос матери сорвался. Судорога сковала ей губы. Мать упала на колени.

Пришедшие вздрогнули.

- Встаньте, это нехорошо, - попросил молодой человек и помог ей подняться. А коренастый нерешительно сказал:

- Ребенок пусть останется. Только молчите об этом. А жена арестованного должна быть выслана. - Он развел руками мол: «что поделаешь?» и заторопился к выходу.

Наргиз-ханум бессильно опустилась на табурет. В голове стоял звон. Все казалось пустым, никчемным. Слезы высохли, неприятно стягивая кожу лица. Все происшедшее за неделю казалось страшным сном. А сама она была, словно сторонний человек.

- Что делать? - покорно произнесла она. - Такова воля Аллаха. За что карает? За что?!

Наргиз-ханум прошла в комнату дочери, остановилась в дверях.

Фируза посмотрела на нее поверх исписанных листков и спросила:

- Кто приходил?

Мать молчала.

- Мам, кто же?

- Тебя высылают.

- Куда?

- Не знаю.

- За что?

- Не знаю.

- Ты шутишь? - попыталась улыбнуться Фируза, но улыбка застыла на ее лице. Она заметила, как трясется голова матери. Это бывало при сильных волнениях.

- Ты знаешь, мама. Ты все знаешь. В чем дело?

Когда Наргиз-ханум рассказала все, что случилось за последнюю неделю, у нее как будто гора спала с плеч. Фируза сидела на кровати, крепко сцепив пальцы. Молча смотрела в одну точку отсутствующим взглядом. А потом спросила, медленно выговаривая каждое слово:

- А меня за что? А как же институт? Ведь мне защищать дипломную работу, понимаешь? - подчеркнула она, глядя на мать.

- Что делать, дочка? Такая судьба, - глухо и покорно произнесла мать.

- Как ты легко говоришь - «судьба». Да ты хоть понимаешь, что это для меня, что для меня институт? Наука?! Что ты так бессмысленно смотришь? Как ты спокойно все это воспринимаешь. Как будто тебе это безразлично. Да! Да! Тебе это безразлично! - зло выкрикнула Фируза. У Наргиз-ханум передернулось лицо, как будто ее наотмашь ударили.

- Откуда тебя знать, что значит учеба для меня?! Да я не могу жить без этого. Столько трудов... Почти закончила работу... Фируза оглядела исписанные листы, разбросанные на кровати.

- Ты! Ты виновата! Я не хотела выходить замуж! Ты! Ты настояла! Ты «осчастливила» меня! Ну, что, видишь меня счастливой? Довольна? Ха! Я же

счастлива! Ха-ха-ха... - громко засмеялась Фируза.

- Ты плачешь, - нежно спросила дочь. - А я вот не могу. Не выходит у меня. Мне смешно. Понимаешь? Смешно! - И Фируза тихонько рассмеялась. Матери стало жутко. Мурашки пробежали по спине. А Фируза смеялась все громче и громче. Раскачиваясь из стороны в сторону, она хохотала и не могла остановиться. Вдруг она смолкла, посмотрела на исписанные листки, собрала их в охапку и подбросила в воздух.

- Смешно, не правда ли? Мои мысли - в мусорный ящик.

Фируза жалобно посмотрела на мать.

- Я хочу плакать, мама, но не могу. Заставь меня, мама. Вот здесь что-то душит, - показала она на горло, и опять волна смеха потрясла ее.

- Судьба, говоришь? Нет! Это все она! Ее «тяжелая нога». Слышишь, как смеется надо мной?

В соседней комнате плакал ребенок.

- Она плачет, - дрожащим голосом сказала мать.

- Нет! Смеется. Ей весело. Ведь она принесла в дом несчастье. Слушай, мама, - лихорадочно зашептала Фируза. - Не родись она, я была бы здорова, и с Мирзой ничего бы не случилось. - И вдруг глаза ее загорелись ненавистью.

- Это она, она принесла несчастье! Надо ее выбросить! Мама, мамочка выбрось ее. Ну! Иди! Иди! - требовала она. Мать не двигалась.

- А-а-а... Не идешь? Значит, тебе хочется, чтоб меня выслали?!

- Что ты говоришь, доченька-а-а... — Наргиз-ханум схватилась за голову.

- Тогда я сама ее выброшу! - Фируза рванулась с постели. Мать бросилась к ней и силой уложила.

- Ты не пускаешь меня?! Ты бьешь меня? Она тебе дороже? А я... Я... — Фируза задохнулась. - Все против меня! Убийцы! - кричала Фируза в исступлении. - Я ненавижу тебя. Ненавижу ее! Это все она... она... Ненавижу... Не... на...

Фируза захлебнулась. Голова ее откинулась. Глаза закатились. Судорога несколько раз сводила ее тело. Затем она вытянулась, затихла. Стала ровно дышать. С уголка губ стекала белая пена...

На следующий день ее увезли. Фируза даже не простилась с матерью. Совершенно спокойно села в машину и даже не повернула головы.

А Наргиз-хала с того дня не могла находиться дома. Бесцельно бродила по улицам. Сидела в сквере, неподалеку от дома. Раньше она по четвергам ходила на кладбище, рассказывала мужу о счастье своем - успехах дочери, словно отчитывалась. Теперь же она бродила неподалеку от кладбища, но пойти на могилу мужа не решалась. Если б она знала, что уготовит судьба. Лучше бы бездетной осталась. Видеть гибель единственного ребенка. Видеть, и не суметь помочь...

Эта мысль не давала ей покоя в течение долгого времени. На внучку она и не смотрела. Спасибо Марии. В этом грузном теле таилась тонкая натура, сыгравшая роль в формировании ребенка. Мария относилась к Гюле, как родная мать. И на базар ходила, и готовила. Она, фактически, была хозяйкой дома. Прекрасно все понимала. Умела молчать...

А время шло. Началась война 1941 года. Наргиз-ханум продавала оставшиеся золотые вещи: кольца, кулоны, браслеты. На вырученные деньги они скромно жили втроем. А когда продавать стало нечего, Наргиз-ханум, пересилив стыд, попросила жильцов платить за квартиру. Она словно окаменела. Жизнь проходила мимо нее. Нередко она смотрела на внучку, стараясь в ней найти черты Фирузы. Но Гюля все больше походила на Мирзу.

В первый послевоенный год Гюля пошла учиться. Мария проводила ее в школу. А вскоре получила письмо из-под Киева от дочери, у которой случилось несчастье, и уехала к ней.

Заботы о Гюле постепенно заполняли жизнь Наргиз-хала. Она, казалось, оживала, возвращалась к жизни. Ведь внучка была единственным существом, связывавшим ее с жизнью. Иногда Наргиз-хала думала: «Как же

это получается, что она все еще живет? Столько перенести горя и жить - просто какое-то недоразумение. Наверное, Бог, испытывая ее, посылает несчастье, но оставляет маленький просвет, а именно – живое существо, ради которого стоит жить». После смерти мужа таким просветом была Фируза, а после потери Фирузы и Мирзы она жила ради Гюли. Ей казалось, что, останься она одна, давно бы умерла. Правда, она редко и мало говорила с внучкой. Та выросла неразговорчивой, не по годам серьезной, самостоятельной. Сама после школы сдала документы в художественное училище им. Азим-заде. Родственников к тому времени почти не осталось, а соседям просто не верилось, что эта угрюмая, хрупкая девочка может быть художником.

Но о Гюле заговорили, правда, не так скоро, на последнем курсе. В 1960 году состоялась выставка выпускников училища. Гюля представила свою дипломную скульптуру, которую отметили известные скульпторы: М.Сабсай и Ф.Абдуррахманов. Она вылепила старую женщину, задумчиво склонившую голову. Каждая морщинка на лице выстрадана нелегкой судьбой. Пристальный взгляд усталых глаз. Жидкие пряди волос уныло свисают. Но лицо такое благородное, что обреченность позы вызывает не жалость, а уважение. Это была сама мудрость, прошедшая все превратности жизни.

Гюлей заинтересовались журналисты. Появилась статья в «Молодежи Азербайджана» с ее фотографией. А после окончания техникума ее направили учиться в Ленинградскую академию художеств. Сами скульпторы материально помогли ей. Ведь средств у бабушки уже не было. Дом свой она сдала государству и поселилась в двухкомнатной квартире восьмизэтажного дома на улице Самеда Вургуна.

Гюля не решалась ехать. Она боялась оставить бабушку одну. Но Наргиз-хала настаивала:

- Поезжай, внученька. Обо мне не беспокойся. Соседи доглядят. Поезжай. Может, хоть ты будешь счастлива...

Гюля успешно училась в Ленинграде. Ей часто писали бывшие учителя по художественному училищу, помогали в трудную минуту. А она из стипендии ежемесячно отсылала деньги бабушке.

Весной 1962 года неожиданно-негаданно приехала Фируза. С маленьким чемоданчиком в руке и с бумажкой о реабилитации. Зашла, как будто возвратилась с работы. Наргиз-хала не сразу узнала дочь. Перед ней стояла худая поседевшая женщина, чей возраст невозможно было определить. Худая, но какая-то железная. Щеки ее образовали на лице глубокие впадины из-за отсутствия зубов. Цинга оставила память о себе. Глаза стали огромные, мутные. Взгляд неопределенный. Будто она смотрела и ничего не видела. Смотрела не на человека, а сквозь него, на воображаемый предмет.

Когда Наргиз-хала сообразила, что перед ней Фируза, что-то кольнуло в грудь. Ноги подкосились. Она не смогла даже слова вымолвить. Все эти двадцать пять лет она считала дочь погибшей. Да что и говорить, немногие кавказцы выдержали суровую ссылку... А Фируза спокойно вошла, обняла мать, поцеловала. Поставила чемоданчик и прошла в комнату. Она окинула взглядом стены, потолок, мебель, мельком взглянула на мать.

- Ты постарела, мама... Уже старушка... А где я буду жить?

- Где хочешь, доченька, - наконец промолвила старушка, крепко вцепившись в косяк.

- Здесь. - Фируза указала на Гюлину комнату. Наргиз-хала кивнула. Она хотела расспросить у дочери, как ей удалось приехать. Как она жила все эти годы? Но промолчала. Ждала, когда сама расскажет.

- Я спать хочу... и есть, - добавила Фируза.

Старушка прошла на кухню. Приготовила наскоро яичницу и подала Фирузе. А дочь села за стол, подозрительно оглянулась и тихо спросила:

- Здесь никого не бывает?

- Нет...

- Ты проверила масло?

- А зачем, доченька?

- Оно может быть отравлено. Они могут узнать, что я здесь. Нет... Я не поем... Дай лучше воды.

Матери стало жутко, от пристально-подозрительных взглядов Фирузы. Она поняла, какой стала ее дочь. «Боже мой! Боже мой! - шептала она. - Еще одно испытание ты мне посылаешь. Но этого я не вынесу. Бедная моя дочь!». Подала воды. Фируза выпила. Затем прошла в комнату. Легла на диван. Взгляд ее упал на портрет мужа, висевший напротив, над письменным столом. Фируза нахмурилась, сосредоточилась. Видно, что-то старалась вспомнить. Мать присела рядом с ней. Провела рукой по ее лицу. Фируза вздрогнула и отпрянула.

- Ты что?!

- Доченька моя... Ну скажи что-нибудь. Скажи, родная, - простонала мать.

- Я спать хочу... Очень хочу... Там было холодно... Очень холодно... Кругом снег... снег...

Фируза закрыла глаза и вмиг заснула. А мать сидела у ее изголовья и смотрела на дочь. Почему-то вспоминала скульптуру Гюли «Жизнь»...

Летом, закончив учебу, приехала из Ленинграда Гюля. Бабушка рассказала, что вернулась ее мама. Фирузы не было дома. И Гюля с нетерпением ждала ее прихода. Даже побежала открывать дверь. Взволнованно подошла к матери.

- Мама... Мама...

- Что? Вы мне? - рассеянно спросила Фируза.

- Это Гюля, дочь твоя.

- А... Дочь... Ну, здравствуй, - усмехнулась Фируза и ушла в свою комнату.

Гюля взглянула на бабушку и вдруг бросилась ей на грудь.

- Нэнэ-джан! Как же это? Почему... Как мне жить теперь? Что делать?... Почему я такая несчастная?... Лучше б мне не родиться... Ведь я... в первый раз сказала «мама»... - всхлипывала Гюля. Старушка никогда не слышала

жалоб из уст Гюли, не видела слез. Бабушка гладила внучку по голове. Дала выплакаться. Это облегчает. Больше они не о чем не говорили.

Гюля пыталась наладить контакт с матерью, но Фируза ее не признавала. Не отвечала на вопросы дочери, а когда садились обедать, Фируза ничего не ела. Просто сидела за столом и в упор смотрела на Гюлю. О, этот мутный взгляд огромных глаз! Гюле становилось жутко. Она не могла проглотить и кусочка хлеба. Этот взгляд просто парализовал ее движения. Она стала обедать в отсутствие матери, которую постоянно преследовала мысль об отравлении. Фируза никому не доверяла. Говорила, что все намеренно хотят отравить ее и мать. Вырывала кусок из рук. В гастрономе она подозрительно оглядывала продавца, прежде чем купить что-либо. Затем просила кого-нибудь из соседей попробовать прежде, а потом уже ела сама...

Как она изводила мать своей подозрительностью! Днями ничего не ела, не пила. Наргиз-хала умоляла ее:

- Ты ведь умрешь от истощения, доченька.

- Нет, мама. Я не допущу, чтоб они отравили меня. Я не умру. А как же ты будешь?

Из чувства безопасности бабушка вынуждена были перенести кровать Фирузы в свою комнату. Она боялась, что Фируза из ненависти к дочери что-нибудь натворит во время очередного приступа.

- И комнату отняла... ты виновата!.. - кричала Фируза на мать. - Ты отдала! Вот увидишь, отравит она тебя, чтобы отнять у меня все! Все!

Фируза не ложилась в кровать, а спала на голом полу поперек двери. Чтоб никто не мог проникнуть к матери.

«Тяжело мне», - призналась Гюля бабушке. А потом как-то свыклась, покорилась, поклялась, что сделает все, только бы Фирузе было хорошо.

- Пусть мама спит в моей комнате, а я с тобой.

Но Наргиз-хала понимала, что этого нельзя делать. Ведь Фируза почти не спит ночами, когда у нее начинается... В любой момент может зайти к ней.

Увидит Гюлю спящей и Бог знает, что может случиться. Тогда Гюля решила уйти в общежитие. Но Наргиз-хала и слышать об этом не хотела. Она заклинала Гюлю всеми святыми, чтобы внучка бросила думать об этом. Что люди скажут? Имея дом, семью?!

- Да и потом, как я смогу отпустить единственную радость в жизни?

И так судьба не баловала внучку, а тут еще в самые молодые годы остаться бездомной?! Нет! Нет! Ни за что!..

Хорошо, что болезнь порой отступала. У Фирузы прояснялось сознание. Она начинала приходить в себя. Подолгу сидела во дворе на скамейке, беседуя с людьми. И все удивлялись, насколько она умно и рассудительно вела беседу. Особенно любила говорить со студентами, с детьми, школьниками старших классов, помогая им в решении задач по математике и физике.

Поздняя осень, зима и ранняя весна были благоприятными для Гюли. Фируза хорошо относилась к ней. Заботливо готовила по утрам завтрак. Спрашивала, что приготовить на обед. Гюля всегда отвечала: «На твой вкус, мама». И радостная, собиралась в мастерскую. Возвратившись с работы, с удовольствием обедала. Ведь они сидели за столом втроем. Тихо беседовали. Гюля рассказывала о последней художественной выставке, о картинах и скульптурах. Фируза вспоминала годы учебы, ее увлечение театром. Много и интересно рассказывала о спектаклях 30-х годов. И всегда начинала с вопроса: «А помнишь, мама?» - обращаясь к Наргиз-хала. В эти вечера Наргиз-хала уходила спать пораньше, оставляя чаевничать мать и дочь. И засыпала с улыбкой на лице, под звук родных голосов. Но только наступала жара, как все начиналось сначала.

«О Аллах! Пошли мне смерть, чтоб не мучиться больше! Только пожалей мою единственную внучку!»... - шепчет Наргиз-хала и начинает читать молитву о спасении души...

Светает. Комната наполняется едва различимым светом. От этого стены, окна, потолок кажутся зыбкими, прозрачными... Куда-то уплывают...

Гюля зашла в студию и оставила дверь открытой. Энергичным шагом прошла к окну. Распахнула обе ставни. Сразу стало прохладно. Приятная свежесть ласкает шею, руки. Трепещут на сквозняке пышные волосы.

Она стоит у окна и смотрит на широкий проспект Нариманова. Улица уже пробудилась. Беспрерывно ходят автобусы, троллейбусы, такси. Слышны шаги прохожих. Их голоса.

В хорошем месте выстроили дом художников. Постоишь немного у раскрытого окна, посмотришь на бурлящую улицу, глотнешь утренней свежести, и энергии хватает на целый день. Кажется, можешь горы свернуть! И стремишься заняться любимым делом. И до боли хочется выразить то, что ощущаешь. Выразить это естественно, тонко, конкретно, ненавязчиво.

Окрыленность, прозрачность, мимолетность легче отобразить в музыке, живописи, литературе. Попробуй-ка в скульптуре изобразить эти светотени чувств!

Гюля села за рабочий стол. Огляделась. Надо было закончить два бюста. Они почти готовы, выполнены по заказу. Гюля работала над ними машинально. Она ощущала себя фотографом, который размножает копии. И поэтому стремилась быстро закончить бюсты, чтобы начать свою, давно задуманную работу. Как-то она прочитала в книге выражение «светлая скорбь». Она задумалась над тем, можно ли изобразить это состояние. Скорбь несет в себе трагедийность, тяжесть утраты, печаль. Светлая скорбь - это трагедия в прошлом, воспринимавшаяся сквозь призму счастья в настоящем.

В воображении Гюли возникал туманный образ человека с откинутой головой, полураскрытыми губами... Этот штрих покажет состояние возбуждения. Когда человек счастлив, чувства душат его. Человек дышит полной грудью, жадно глотая раскрытыми губами свежую струю воздуха...

Итак, человек с откинутой головой и полураскрытыми губами. Тень

улыбки на лице... Как изобразить эту тень? Изменить форму губ и дать улыбаться только ими, - это стандартно. Нет! Тут надо, чтобы лицо изнутри светилося улыбкой, чтобы выразить трепет души.

Гюля отошла от рабочего стола к окну. Хотелось самой почувствовать, как выглядит человек, испытывая трепет в душе.

Она представила себе это, откинула голову, чуть приоткрыла губы, и, вздохнув, придержала дыхание: так вот оно что! Трепет души можно выразить именно так. Только так! Задержанное дыхание... Оно подчеркивает, что человек боится потерять мгновение душевного подъема. Боится выдохнуть, что ли?

Гюля возвратилась к столу, отложила в сторону готовый бюст и принялась за обработку второго.

Ну, а скорбь, уже пережитую... выразит взгляд... Он смотрит вглубь, в прошлое. В нем горечь, утихшая боль. Брови чуть собраны у переносицы... Итак, человек счастлив в какой-то момент, и вдруг... вспомнил горечь утраты. Взгляд уходит в прошлое, но лицо счастливо...

Гюля откинула со лба волосы тыльной стороной ладони и заработала энергичнее. В этот момент отворилась дверь.

Гюлю раздражало, когда отвлекали от работы. Однажды, когда она в резкой форме попросила не мешать, дверь захлопнулась, Наза небрежно бросила: «Чокнутая!» После этого ее не беспокоили. Но что это? Забыли закрыть дверь, что ли? Гюля, не поворачивая головы, спокойно спросила:

- В чем дело?

- Здравствуйте! - раздался мужской голос.

- До свидания.

Гюля продолжала работать.

- Простите...

- Охотно, - Гюля не поворачивает головы.

- Видите ли...

- Пока не вижу ничего интересного, - Гюля, наконец, повернулась к

двери. На пороге стоит высокий светловолосый парень с небольшим портфелем.

- Я из Москвы...

Гюля поднялась. Ей было неловко перед приезжим за свою бестактность.

- Вы уж извините, - примирительно сказала она. - Не люблю, когда мешают. Я думала, что это кто-нибудь из наших... шутников.

- Ничего, ничего... Я понимаю. Не буду Вам мешать.

- Раз уж пришли, заходите. Я снимаю копии, - усмехнулась Гюля. - Присаживайтесь. Вы - скульптор? Художник?

- И да, и нет. Я искусствовед. Вот, приехал в командировку ознакомиться с работами азербайджанских коллег.

- Что Вы уже посмотрели?

- Немного. Был в студии у Фуада и еще, рядом с Вашей комнатой... Имя такое трудное... двойное... - Молодой человек сконфузился.

- Али-Гейдар, - напомнила Гюля.

- Вот-вот, Али-Гейдар, - старательно повторил он.

- Ну и как?

- Мне понравилось кое-что. Ну, к примеру, «Пастух» Фуада. Его же групповая работа «Строители». Почерк его широкий, может быть, несколько грубоватый, но в современном стиле. Отличное чувство времени.

- Ну, а Али-Гейдар? - Гюля отошла к окну и прислонилась к подоконнику.

- Этот - лирик. Масштабы его скромные. Но зато портреты - психологические, характерные. Особое впечатление произвели его лирические скульптуры «Обиженная», «Кокетка».

- Он - талантливый скульптор, - задумчиво произнесла Гюля.

- Если Вы не возражаете, я посмотрю и Ваши работы.

- Видите ли...

- Только не смущайтесь, - заторопился молодой человек.

Гюля нахмурила брови.

- Простите, - спохватился он. - Я случайно зашел в первую же комнату. Там сидели две девушки и мило беседовали. Я сказал, что приехал из Москвы ознакомиться с работами. Они так смутились, что я испугался. Видите ли, я впервые в Баку и не знаком с обычаями...

- Глупости, - прервала Гюля.

- Да, да... Конечно.. Они сразу же отвели меня к Фуаду, и к этому, другому, скульптору...

- Я могу показать Вам только одну работу, которая особенно дорога мне. «Достоинство».

Гюля прошла к шкафу, открыла дверцу и со второй полки достала бронзовую миниатюру. Еще раз осмотрела ее, поставила на стол и отошла к окну.

Молодой человек, по привычке пригладив рукой волнистые волосы, отодвинул стул подальше и стал внимательно рассматривать причудливо изогнутую ветвь олеандра. Затем взглядом коснулся цветка. Он сидел чуть ссутулившись, подавшись вперед. А Гюля стояла, прислонившись к подоконнику, и изучала его: белоснежная рубашка гармонирует с гладко выбритым продолговатым лицом, прямой короткий нос, пухлые губы. Небольшие серые глаза внимательно взглянули на Гюлю.

- Достоинство, - повторил он, немного погодя, как бы вникая в глубокий смысл названия. Он подошел к Гюле. Крепко пожал ей руку:

- Позвольте поблагодарить Вас.

- Пожалуйста, - просто ответила Гюля.

Он находился под впечатлением скульптуры. Длительное молчание сконфузило его. Наконец, он задал традиционный вопрос.

- Ну, а сейчас над чем Вы работаете?

Гюля задумалась. Как бы ему это объяснить? Ей вдруг захотелось поделиться своими раздумьями. Выговориться. Просто так, от переполнявших ее душу размышлений, споров с собой. Захотелось вдруг

представить словесно будущую скульптуру. Как это ей необходимо сейчас!

- Видите ли... - медленно, как бы размышляя вслух, начала Гюля. - Как бы все это объяснить? Думаю над воплощением психологического состояния человека. Скорбь, но светлая... Понимаете?

Гюля обрисовывала свой замысел, постепенно возбуждаясь. Ее бледное лицо стало покрываться ярко-красными асимметричными пятнами. Это был не обычный румянец. Скорее - пламя вдохновения сжигало ее лицо. Это же пламя тронуло глаза Гюли, придав им блеск и оживление. Пластичные руки ее лепили в воздухе скульптуру: заостренные пальцы то сжимались, как бы сдерживая чувства, то энергично показывали контуры будущей скульптуры...

Молодой человек удивленно смотрел на Гюлю. Он не проронил ни слова, боясь перебить ее вдохновение. Он пристально всматривался в нее, только что казавшуюся такой педантичной, и не мог понять, откуда взялась такая страсть. Трудно представить себе трепещущую душу, обрамленную столь холодной, аристократичной внешностью.

- Знаете, иногда мне кажется, что я просто физически ощущаю эту скульптуру. Чувствую, как... - Гюля осеклась на полуслове.

Отворилась дверь, и в мастерскую с шумом влетели Гюлины коллеги - Наза и Севда.

- Куда это Вы запропалились, Саша? Мы заходили к ребятам, искали Вас, - шутливо упрекнула Наза.

- Да вот, задержался здесь... Смотрел работы, - извиняющимся тоном доложил Саша и с сожалением подумал: «Как некстати они появились.» Он взглянул на Гюлю и поразился: «Да, ничего себе перевоплощение». Она стояла спокойная безразличная. Казалось, ее прервали в утомительной работе, и она ждала, когда уйдут. Саше даже показалось, что он и сам только недавно открыл дверь. А она снисходительно простила его и ждала, когда он удалится. Он почувствовал себя лишним.

- Мы будем Вашими гидами, - решительно заявила Наза.

«Странно, - подумал Саша, - неужели девушки не замечают

оскорбительного безразличия Гюли? Или они привыкли к этому, или не хотят виду показать».

- Сейчас проводим Вас в другую мастерскую, - предложила Севда.

- Нет, нет! На сегодня хватит, - вмешалась Наза. - Лучше покажем наш город и... - она с усмешкой посмотрела на Гюлину работу, - зеленый пейзаж в натуре...

Саша понял скрытый смысл фразы Назы и увидел, как Севда осадила ее своим взглядом. А Гюля безучастно стояла и смотрела в окно.

Девушки энергично взяли под руки Сашу и потянули к выходу.

- Одну минуточку, - спохватился Саша. Он остановил девушек и обратился к Гюле. - А мы так и не представились друг другу. Александр Крылов... Нет, просто Саша.

- Гюля, - усмехнулась она и прошла мимо него к рабочему столу, тем самым демонстрируя, что разговор окончен.

Наза сердито взглянула на Севду. «Видишь? - как бы говорили ее глаза. – Какая бестактность! Это же «подите вон!»»

Наза хотела что-то съязвить, но Севда крепко сжала ее локоть. «Неудобно при нем», - прошептала она. «А ей удобно?» - прошипела та.

- Может быть, и Вы с нами пойдете? - неуверенно спросил Саша.

- Эрудицией гида не блещу. - Гюля не поворачивала головы.

- Очень остроумно! - вспылила Наза.

- Я прошу Вас... - настаивал Саша, но уже как-то неуверенно.

- Нет, я работаю! - Гюля была тверда.

- Что ж, извините, - попрощался Саша.

- Всего хорошего.

Хлопнула дверь. Это, наверное, Наза. Тоже мне, «гид». Гюля облегченно вздохнула. Улыбнулась. Прошла по мастерской. Подошла к окну. И посмотрела вниз. Все трое спешили к троллейбусной остановке. «Едут в парк Кирова, - подумала она. - Обычный маршрут приезжих. Штамп. Сначала посмотреть общий вид города, а затем - частности... Все же,

напрасно я так грубо... Почему так съязвила?» Обычно все отлетает, ударившись о стену ее спокойствия. А сегодня... Просто она так хорошо представляла эту будущую работу, и ее прервали. Втиснулись своими сияющими физиономиями. «Да ну их!» - Гюля тряхнула головой и продолжала прерванную работу.

С Кировского парка открывается объемная панорама города. Полукругом выделяется бакинская бухта. И дома расположились вокруг друг над другом. И город казался зыбким, невесомым из-за негустого тумана.

- Так всегда бывает? - спросил Саша.

- Нет, только по утрам... Иногда... - задумчиво ответила Севда. А Наза уже тянула их к фуникулеру.

- Хватит обобщений! Перейдем к частностям!

- Не торопись, Наза, дай всмотреться в панораму города. Знаете, Саша, сколько я ни смотрю отсюда на город, даже в разное время, никак не могу насладиться великолепием бакинской бухты. Оригинальной архитектурой домов, красотой скверов и особенно бульвара.

- Наш красавец Баку не любить нельзя! - с гордостью и каким-то еле уловимым кокетством сказала Наза.

- Каждому дорог свой город, это вполне естественно, - ответил Саша. - Я не могу с Вами не согласиться, хоть я коренной москвич.

- Ой, Москва - это прелесть! - всплеснула руками Наза. - Я часто бываю там у дяди.

- Он тоже художник?

- Нет. Он - постоянный представитель республики.

- О-го! - многозначительно протянул Саша. - С Вами опасно шутить.

Наза рассмеялась своим рассыпчатым как бисер, смехом.

- Ну, ладно, не задавайся, - остановила ее Севда. - Не пугай нашего гостя.

- Ну, идемте же, идемте к фуникулеру! Знаете что, Саша, сейчас мы спустимся вниз и пойдем к нам. Я живу рядом, в доме «академиков». Послушаем музыку, попробуем маминых угощений, - предложила Наза. А Севда спросила:

- Как Вы думаете, лучше осмотреть достопримечательности города, нежели антиквариат академической квартиры?

Наза недовольно метнула на нее взгляд и тут же исправилась:

- Да что Вы, я не настаиваю. Ведь Вы здесь пробудете еще много времени? Вот и прекрасно! В любой день можете быть моим гостем...

Они спустились на фуникулере вниз, и Севда остановила их у самых лестниц.

- Вот отсюда посмотрите. Какой ансамбль.

Саша отметил про себя оригинальное архитектурное решение у основания фуникулера. По одну сторону - левый склон горы фуникулера, по другую - пышный приморский бульвар. Напротив, на фоне этой яркой флоры масштабные дома с типично восточным орнаментом. И эти украшения придают монолитному дому легкость, изящество. Между бульваром и домами, напротив фуникулера, громадная чаша – бассейн с фигурой Бахрам-Гура посередине. Мускулистые руки душат чудовище, из пасти которого вырывается фонтан.

- Это воспринимается как символ народа-богатыря, удушившего своих поработителей, - тихо пояснила Севда.

Вокруг этой чаши-бассейна Саша заметил низенькие скамеечки, изящные аллейки, кажущиеся игрушечными. В первое время Саше показалось, что они не соответствуют ни богатырской скульптуре, ни дому. Но стоило присесть на одну из скамеек, как впечатление менялось. Все становилось сказочным, милым, уютным...

- А вот здесь живу я! - подчеркнуто доложила Наза, кивнув на дом с ажурными украшениями.

- Ну это мы уже слышали, Наза, - оборвала ее Севда и, обратившись к

Саше, добавила: - Назин папа - академик. У них пять комнат, превосходная библиотека. Назина мама блестяще готовит, печет, и все это на высшем академическом уровне. Не так ли?

- Очень приятно, рад слышать, - заверил Саша.

Наза надулась, сердито глядя на Севду. Она не понимала, шутят они или издеваются.

- Думаю, что я отведаю из знаменитой азербайджанской кухни? А?

- Хоть сейчас! - воскликнула просиявшая Наза.

- Немного повременим, как договорились, - ответила за Сашу Севда, и тут же повела его к бульвару.

Как красивы изящные мостики на бакинской Венеции. Это часть приморского бульвара, зеленые островки которого прорезаны каналами. Эти островки кажутся сказочными, когда мимо них проплываешь на лодке. Мелькают сквозь зелень то избушка на курьих ножках, которая оказывается водяным киоском, то печка с трубой, из которой валит аппетитный шашлычный дым. Часто, чтоб проплыть дальше, приходится раздвигать нависшие с двух сторон к самой воде ветви ив.

Бульвар поразил Сашу своей протяженностью, светящимися фонтанами в виде тюльпана, асимметричной формы бассейном с золотыми рыбками, скульптурным ансамблем грациозных лебедей, помещенных прямо в бассейне. В воде.

Особенно присматривается Саша к архитектурному стилю города. Он был знаком с архитектурой Баку по книгам. Знал, что Баку выделяется причудливым сочетанием стилей. Это и готика древних памятников Крепости, и барокко старинных жилых домов со сфинксами, с атлантами и кариатидами, которые «подпирают» могучими плечами балконы зданий. Это и хрупкие восточные орнаменты современных построек, и модерн кафе, ресторанов и гостиниц.

- Роскошно! - улыбнулся Саша. - Намного превосходит то, что я читал об этом.

- А как Вам нравятся девушки Баку? - последовал Назин вопрос.

- Ну, об этом достаточно красноречиво поет Ваш квартет «Гая» в песне «Девушки Баку», - ответил Саша.

Они засмеялись. А Севда подтвердила:

- Еще в прошлом веке бытовала народная песня. «Армения горда садами, а Грузия горда горами, Азербайджан, Страна огней, горд красотой дочерей». Вот так! – сделала экскурс в историю Севда. А Наза тут же спела песню. Необычно прозвучала для Саши гибкая тонкая мелодия, богатая мелизмами. Мелодия соединялась с мягким и нежным азербайджанским языком, создавая неповторимую гармонию. Саша отметил, что украшения в мелодии соответствуют орнаменту в мозаике и архитектуре. Голос Назы звучал так нежно, так задушевно, что ему не мыслилось услышать песню по-другому.

Они еще долго ходили в тот день по городу, осматривали скульптуры, памятники. Не забудется благородный Низами, в котором ощущаешь исполинскую силу поэтического гения, и гневный взгляд Сабира, который сидит, склонив голову под тяжестью раздумий, и романтическая натура Самеда Вургунна, распахнувшего свою душу народу!

Особенно запечатлелась статуя освобожденной азербайджанки. Пьедестал статуи был очень высок, и на нее надо было смотреть, запрокинув голову. Когда Севда отвела их в сторону, он внимательно взгляделся и понял логику композиции. Именно на такую высоту поднялась женщина Азербайджана! Как тонко схвачено состояние ее, смело решившей порвать с прошлым! Она отбрасывает вместе с чадрой свое бесправие! Рука, держащая чадру, еще сжата в кулак. Еще бы! Нелегко расстаться с тем, что покрывало ее веками. А чадра, как будто цепляясь за ее плечи, медленно, нехотя спадает. Лицо женщины одухотворено высокими идеалами. Мысленно - она в грядущем! Над нею парят облака. В ее позе столько непреклонности, достоинства... «Достоинство». Саша вспомнил о Гюле.

- Знаете, Саша, она очень талантливая и столь же странная, - сказала

Севда.

- Странная? Отчего? - заинтересовался Саша.

- Любопытство - грех большой! - Наза со смехом погрозила Саше пальцем. – И потом, как можно интересоваться какой-то Гюлей, когда рядом такие девушки!

- Наза! - Севда укоризненно покачала головой.

- Ну что, Наза, Наза!? Что я сделала? Правильно говорю, да?! Она «улитка»! Замкнулась и творит в тиши мастерской цветочки, листочки, ягодки... И это серьезный скульптор? Изобразить человека, личность в быту, в противоречиях; наконец, героя-труженика - не это ли призвание настоящего скульптора? А она, видите ли, утверждает якобы новое течение в искусстве. «Пейзаж в скульптуре». - Наза разгорячилась. Щеки ее пылают, глаза сверкают. Она стала еще привлекательнее.

- Ты не права, - возразила Севда. - Ведь можно выразить глубокий человеческий смысл и через природу. Правда, мы привыкли видеть это больше в живописи.

- Ну, сдаюсь! Только у каждого свой взгляд на искусство, и ты меня не переубедишь!

Саша не мешал девушкам спорить. Жаль только, Наза, так быстро воспламенившаяся, сразу сдалась... оставшись при своем мнении.

Саше вдруг захотелось побольше узнать о «странном» скульпторе. Так, значит, Гюля ни с кем не бывает откровенна? Никто не знает о ее замыслах? И только он, Саша... Неужели они и не догадываются, какой творческий темперамент скрыт в этой «улитке»? Что мешает им разглядеть душу Гюли? Отчего ее замкнутость, большую требовательность к работе они называют странностью? Неужели нет у Гюли близкого человека, с которым она могла бы поделиться? «Надо с ней еще раз встретиться, поговорить», - решил про себя Саша, а вслух произнес:

- Она что же, закончила художественное училище?

- Она успела закончить и Ленинградскую академию художеств, -

сказала Наза.

- Ого! Это серьезно! - сказал Саша удивленно. - И что же, она ни разу не выставляла свои работы?

- Нет, почему же. Я забыть не могу ее вещи: «Жизнь», «Гармония», «Не судьба»! - сказала Севда.

- Да, - согласилась Наза. - «Не судьба» меня тоже глубоко взволновала. И на выставке о ней были отклики, как о лучшей работе психологического плана. Но все это...

- А что это за работа? - перебил ее Саша. - Можно поподробнее?

- Как-нибудь в другой раз, Саша. Мне уже скучно! - закапризничала Наза. Саша подхватил под руки обеих девушек...

Они простились у дверей гостиницы «Интурист». Он приглашал их к себе на чашку кофе. Право, ему было неудобно так просто попрощаться с ними. Ведь они посвятили ему весь день!

Но Севда и Наза ни за что не хотели зайти в гостиницу, мотивируя тем, что он за целый день устал от ходьбы и впечатлений.

- Прогулка такая длительная... Впечатления... Это же все надо переварить, - лукаво заметила Наза.

- Ведь мы завтра увидимся? - спросила Севда.

- Иначе быть не может! - ответил Саша.

- Ну вот и хорошо. Отдыхайте, - сказала Севда.

- До завтра, - очаровательно улыбнулась Наза. Саша еще раз пожал руки девушкам и прошел к портье.

- Простите, нет ли телеграммы на имя Крылова Александра?

Портье удивленно вскинул густые брови. «Только вчера приехал и уже спрашивает о почте». Он окинул взглядом ящичек аккуратно сложенной корреспонденции.

- Нет, молодой человек. Пока нет. Прошу, - и протянул Саше ключи от комнаты.

Саша понял его недоумение. «Эх, старина, не знаешь ты такой

беспокойной матери, как Вера Андреевна». Саша с улыбкой представил себе, как мать, получив телеграмму о благополучном прибытии, торопится отправить ответную: «Все равно беспокоюсь, скучаю, целую, жду». Так всегда бывало, когда Саша уезжал в командировки.

Войдя в номер, Саша отворил дверь балкона. Снял плащ и повесил его на вешалку. Взял стул и сел на балконе. Почти весь день он провел в обществе девушек и было неудобно нарушать гармонию, курить. Сейчас он с удовольствием делал глубокие затяжки, чувствуя, как приятный аромат проникает глубоко в легкие.

Саша всегда старался поменьше курить. Он терпеть не мог рассуждений о том, что курят, когда нервничают, курят по случаю, по привычке. Само слово «привычка» было отвратительным для Саши. Если курение вошло в привычку и не приносит никакого удовольствия, можно и вовсе бросить. А если испытываешь приятное ощущение, тогда стоит испытать легкие. Пусть вредно, зато удовольствие!

Саша смотрел на море. Он наблюдал за игрой волн. Его поражала палитра красок. Он видел различные оттенки голубого, зеленого, серого моря, когда он бывал в Крыму и Прибалтике. Но Каспий ослеплял огненно-фиолетовыми вспышками. «Очевидно, солнечные лучи в этот момент падают на волну с жирными нефтяными пятнами», - догадался Саша.

Он отбросил догоревшую сигарету. От усталости ему не хотелось даже есть. Он зашел в комнату, прилег, чтоб отдохнуть, и незаметно для себя заснул...

Сквозь архитектурные наслоения откуда-то появилась одинокая ветвь олеандра. Но цветка на ней не было. И Саша мучительно раздумывал во сне, почему же нет цветка. Неужели его ветром сорвало? И вдруг среди переливающихся на солнце морских волн всплыл цветок. Саша потянулся за ним с берега, удивляясь, какой длинной становится его рука. Но цветок не приближался. Он уплывал все дальше и дальше...

С утра бакинский норд кружил сорванные с расцветших деревьев цветки и озлобленно швырял их в лица щурившихся прохожих. По небу проносились тучи. Ощущалась тяжесть и казалось, что дождь вот-вот неистово польет эту своенравную бакинскую землю.

Саша не надел плана, так как прислушался к предсказаниям бакинцев: «Ты не верь, если с утра погода хмурится. К полудню все равно покажется солнце, будет жарко. В Баку так». ...А теперь, уже подъезжая к Дому скульпторов, он пожалел об этом. Выскочил из троллейбуса - и тут же бегом в подъезд.

Фуад сидел в мастерской, курил и смотрел в окно на проспект. Когда вошел Саша, он вздрогнул от неожиданности.

- Что грустишь? Или меланхолия нашла на тебя? - потирая руки и ежась от холода, спросил Саша.

- Да нет. Так просто сижу... курю... работа что-то не клеится сегодня, - махнул рукой Фуад.

- Надо узнать причину. Шерше ля фам?

- Да нет, что ты? Это у меня все в прошлом.

- А что в настоящем?

- Семья, дети. Две девчушки. И 32 года.

- Да ну? И большие они у тебя?

- Три и полтора.

Саша подошел к окну и проследил за взглядом Фуада. К троллейбусной остановке шла девушка в темно-синем японском плаще и берете. Когда она подошла к остановке и повернулась к дому скульптора, Саше показалось знакомым ее лицо.

- Твой взгляд на прекрасную незнакомку необоснован, - шутя заметил Саша. Ему захотелось узнать, кто же она. - Это и есть причина твоей меланхолии? Тогда спустись быстрее, беги к остановке, пока она не села в троллейбус.

- Зачем?..

- Ну, как зачем? Узнай, как зовут, где живет, чем дышит?

- А... а. Да я и так все знаю.

- Тогда в чем же дело? Понимаю. Безответная любовь...

- Ну, ладно, хватит об этом. - Фуад отошел от окна, сел на стул и снова зажег спичку, вытащил сигарету.

- Ну что ж, сегодня у тебя так называемый непродуктивный день. Не хочу мешать. Пойду к Али-Гейдару. - Саша направился к двери.

Фуад сделал движение к Саше.

- Не обижайся на меня, старик. погоди, я хочу тебе показать одну репродукцию. Что ты скажешь? Оцени.

Саша внимательно смотрел на репродукцию. Два совершенных тела, мужское и женское. Одухотворенные, красивые лица. Она и он стоят в полуоборот друг к другу, будто только что поссорились. Единственное, что их связывает - руки. Отвернувшись друг от друга, они все еще держатся за руку. Пальцы их сплетены, но чувствуется, что они вот-вот разойдутся.

- Догадываешься о названии? - спросил Фуад, глядя на Сашу и стараясь узнать, какое впечатление на него произвела работа.

- И не предполагаешь даже? - интриговал он.

Саша неопределенно пожал плечами и ответил:

- «Каприз», «Такая любовь»... А зачем тебе мои предположения? Это явно психологическая работа... Так чья же она?

- Гюли Сеидовой, и называется «Не судьба».

- Жаль очень, что «не судьба». Ведь они так прекрасны оба, так гармоничны... так подходят друг другу... погоди, погоди. Я где-то слышал об этой работе. Ах, да, от ваших девушек-коллег, - вспомнил Саша. - Да, кстати, они назвали еще какую-то скульптуру. «Гармония», по-моему. Ты не покажешь? - Саша посмотрел в окно на остановку троллейбуса. Девушки в берете уже не было.

- Так все же, Фуад, какая связь между скульптурой и таинственной

незнакомкой?

- А это она... Гюля... - открылся Фуад и протянул Саше иллюстрацию «Гармонии».

Две человеческие фигуры сплетались в объятии. Мужская – воплощала непреклонность: мощный торс, будто налитый геркулесовой силой, лицо мужественное, волевое. Женская фигура, необыкновенно тонкая, стройная, обвивалась, как вьюн. Узкий профиль, продолговатое лицо. Большие глаза смотрели, хитро прищурившись.

- Да... - протянул Саша, - ничего себе гармония... А ты что – коллекционируешь репродукции Гюлиных работ?

- Нет... Только то, что касается меня лично...

Саше показалось, что Фуаду необходимо остаться одному.

В коридоре он встретил Али-Гейдара, который куда-то спешил.

- Саша, Вы не ко мне случайно? - спросил тот.

- Вообще-то, к Вам...

- Вот здорово! А мне в Союз надо, гонорар получить - радостно потирая руки, подмигнул Али-Гейдар.

- Пошли. Вы на машине?

- Хэлбэттэ! (Конечно).

- Саг ол, - старательно произнес Саша.

- Ай, машаллах!

- Это все Вы. Скоро я в совершенстве овладею азербайджанским.

Они быстро спустились по лестнице, сели в «Жигули», Али-Гейдар повел машину по проспекту Нариманова до парка Кирова, а затем по Коммунистической к бульвару. Тут Саша попросил остановить машину и забежал в гостиницу. Али-Гейдар включил магнитофон, и машину стали сотрясать звуки джаза. Дождь накрапывал все сильнее и сильнее. Ветер швырял в лицо пригоршнями дождевые капли. Люди шли мимо машины, согнувшись от ветра. Али-Гейдар включил печку. Стало тепло и уютно.

Вернулся Саша.

- Ох, как тепло, а то я уже прямо замерз у вас тут.

- Это же Баку. Через час-другой покажется солнце, станет так жарко, что ты снимешь плащ добровольно.

- Ну, пока что, я одел его «принудительно», - улыбаясь, подыграл Саша.

Они проехали мимо бульвара, музея Ленина, кафе «Матери и ребенка», свернули к Русской драме. И тут у перекрестка, где кончается сад «9 января», они чуть не задавили девушку.

- Па, атоннан! - Али-Гейдар чертыхнулся, сильно нажав на тормоз. Машина заскрежетала, а девушка отпрянула назад.

Сердце Саши оборвалось. Он зажмурился, дернувшись вперед по инерции. И только услышав восклицание выскакивающего из машины Али-Гейдара: — «Бир бах гер! Жить надоело, э...э! Лезет прямо под колеса!» - открыл глаза и увидел в окне испуганное лицо.

Девушка машинально стряхивала поднятый с земли берет. Али-Гейдар отчаянно жестикулировал. Видимо, он так просил о чем-то, что отказать не было никакой возможности.

Вот он открывает заднюю дверцу, и в машину садится... Гюля.

Саша повернулся к ней вполоборота. Его охватило непонятное волнение, когда он увидел влажное от дождя лицо, миндалевидные карие глаза, слегка растрепавшиеся волосы.

- Здравствуйте, Гюля. Очень рад Вас видеть.

- Не могу разделить Вашей радости, - холодно ответила она, вытирая платком мокрое лицо.

Сашу как будто обдало кипятком. Он не знал, как вести себя. Было неудобно ни повернуться к ней спиной, ни смотреть на нее. Выручил Али-Гейдар.

- Гюля, мэн олум, прости. Саша заболтал, да...

- Ничего. Плохому танцору места мало, - напомнила поговорку Гюля.

- А может, туфли жмут... - поправил балагур, многозначительно

подмигивая Саше.

- Ладно. Выяснишь позже. Вперед смотри. Я тороплюсь, - отчеканила Гюля.

- Так здесь уже два шага. А ты не за гонораром случайно?

- Нет. У меня более серьезное дело.

- Но как ты здесь оказалась? Ведь троллейбус останавливается возле главпочты? Оттуда ближе до Союза. А? Как ты думаешь, Саша? - спросил Али-Гейдар.

- У меня были дела в институте, - опередила Гюля.

- Не понял?!

- Там уже несколько лет как открыли художественный факультет, и я преподаю. Зашла сегодня по делу в ректорат.

- Вот здорово! Как это ты все успеваешь? А что там за факультет?

- Прикладного характера.

- А точнее? Мой брат через год заканчивает художественное училище, и мне следовало бы подумать, куда его устроить.

- Там специализируются художники по стеклу, металлу, декоративному искусству, ковру, гобелену.

- А что, хорошо, да! Во всяком случае, работа будет! Устроишь? Бачымсан ахы. (Ты же моя сестра).

Гюля усмехнулась и посмотрела в окно.

- А я Вас видел на остановке троллейбуса, - между прочим сказал Саша.

- К сожалению, Вас я не заметила...

- А Вы и не могли заметить. Мы смотрели на Вас из окна Фуада.

Гюля нахмурилась. Али-Гейдар бросил на нее взгляд в смотровое зеркало.

- Знаете, он показывал репродукции Ваших скульптур. Мне бы хотелось посмотреть их в подлиннике.

- А что, он теперь коллекционирует репродукции? Новое хобби? -

спросила Гюля.

- Я то же самое сказал ему, а он ответил, что держит при себе только сугубо личное... Он сегодня был что-то не в духе, - пояснил Саша.

Али-Гейдар недовольно посмотрел на Сашу и нарочито закашлялся.

Гюля опять замкнулась. Ушла в себя. Будто ее здесь нет. Саша понял: «Опять не то ляпнул!»

- Приехали! - обрадованно прервал гнетущее молчание Али-Гейдар. - Саша, поухаживай за дамой, а я отведу машину на стоянку.

Саша вылез из машины, открыл дверцу и помог Гюле выйти. Затем они прошли в Союз.

- Вы, наверное, подождете Али-Гейдара? - спросила Гюля. - Мне сюда к «первому».

- Гюля, я Вас очень прошу уделить мне время, - начал Саша. - Мне необходимо поговорить о Ваших работах.

- Каких?

- «Не судьба», «Гармония»...

- Дела давно минувших дней... Эти работы старые, а я не люблю воспоминаний... печальных.

Саша заметил грусть в ее глазах.

- И все же, я прошу Вас, в любой день, в любой час.

- Хорошо. Дня через два-три, - неопределенно пообещала Гюля.

- Спасибо! Я зайду к Вам в мастерскую, - сказал Саша и протянул Гюле руку.

- До свидания, - попрощалась Гюля, ответив на рукопожатие, и пошла в сторону кабинета первого секретаря Союза художников.

Али-Гейдар, запыхавшись, подбежал к Саше.

- Ну пошли, скорей, а то эта красавица куда-нибудь смоеется.

- Кто? - поинтересовался Саша.

- Да кто же еще? Кассирша, конечно.

И они пошли в бухгалтерию.

Али-Гейдар все время балагурил. Кассирша с удовольствием слушала его остроумные анекдоты, считая и пересчитывая деньги. И тут Саша увидел архивариуса Союза художников, старичка Гельмана, который нужен был ему позарез.

- Одну минуточку, Абрам Соломонович, Вы так мне нужны.

- Молодой человек, сначала принято здороваться, а потом уж говорить о делах, - закартавил худошавый старик.

Саша смущенно улыбнулся и протянул руку.

- Здравствуйте, дорогой Абрам Соломонович.

- Здравствуйте, Александр... как Вас по бабушке?

- Просто Саша.

- Пора бы занять отчество.

- Я постараюсь. Можно мне сегодня у Вас поработать?

- Бога ради, сделайте одолжение. Я сейчас, секундочку.

- Спасибо, очень Вам признателен. Жду у дверей архива.

Саша вернулся к Али-Гейдару, чтоб попрощаться. А тот все продолжал веселить кассиршу.

- Али-Гейдар, я должен идти.

- Куда, дорогой? Я тебя не пущу!

- Дела, дела... Сегодня поработаю у Абрама Соломоновича, - сказал Саша.

- Да что ты, работать?! Поедем обмывать мой гонорар.

- В другой раз, как-нибудь.

- Нет, я тебя не пущу. Работа не волк, и в лес... что? - обратился он к кассирше.

- Не убежит, - со смехом закончила та.

Но Саша мягко высвободил свой локоть и серьезно сказал:

- Мне надо работать. Надо все успеть. Понимаешь? Если очень хочешь, можем встретиться после семи вечера.

- Честно? После семи ты у меня?

- Что за разговор? Располагай мной до утра.

- Вот это по-мужски. Олды, чао! - поднял он руку и пошел по коридору. - В шесть пятьдесят я тебе звякну! - уже издали крикнул он.

Было уже около восьми, когда Саша приехал к Али-Гейдару, где собралась сугубо мужская компания. Тут был Фуад, несколько художников, композитор и двое актеров из драматического. Кутеж был в самом разгаре.

- О...о! Тебе штрафной! Шараб, шараб, шараб долдурун! - пропел Али-Гейдар, как только увидел Сашу.

- Друзья мои! Наливайте бокалы. Выпьем за нашего московского друга – немного художника, немного скульптора, а в общем настоящего киши! Александра Крылова!

- Ура! Ура! Ура! - дружно подхватили собравшиеся. Саша сел в низкое кресло, которое ему освободили. Взял предложенный бокал и выпил до дна.

- Браво! Браво!

- Пить, так пить!

- Не то что некоторые, по глоткам!

- Закусывайте, прошу, икру, осетрину, балыг, - учтиво предлагал седовласый мужчина с благородной внешностью, «премьер драмтеатра», как отрекомендовал его Али-Гейдар.

- Да ничего, я сам. Только чуть освоюсь, - сказал Саша и, откинувшись в кресле, огляделся.

Гостиная была непомерно большой для новых домов; «Наверное, убрали стену и соединили две комнаты в одну», - подумал Саша. Одна стена была в стеллажах, где находились книги, аппаратура, телевизор. Напротив - мебель красного дерева - «стенка». Недалеко от двери в коридор - кабинетный рояль. По другую сторону от двери - диван и четыре кресла напротив него. Между ними - маленький столик, заставленный коньяком, столичной, шампанским и закусками. На полу огромный ковер. Красивый

орнамент, яркие краски привлекли внимание Саши больше, чем мебель и аппаратура.

На ковре полусидели, полулежали собравшиеся с бокалами в руках. Саша почувствовал неловкость от того, что вошел в комнату в туфлях. Он просто не знал, куда девать ноги, когда обратил внимание, что все, кроме него, в носках. Еще бы! Такой мягкий, ворсистый ковер - редкость в наше время, когда всюду ковры машинного плетения. Все же машина никогда не заменит искусность рук человеческих.

Саша вышел в прихожую, снял туфли и поставил их у вешалки. Али-Гейдар предупредительно последовал за ним.

- Ну, что ты? Не нужно снимать! - сказал он, но Саша взял его под руку и ввел в комнату.

По телевизору показывали репортаж с чемпионата страны по футболу. Голоса беседующих постепенно смолкли, и только изредка вырывались выкрики: «Эх! Бей! Промазал!»

Саша с удовольствием ел осетрину. Она была двух видов: жареная и копченая. Вкус - «специфический».

Саша присматривался к окружающим людям. Все они очень отличались друг от друга, но, безусловно, их объединяла одна общая черта - душевная открытость, гостеприимство. Он знал, что восточные люди гостеприимны. Но то, что увидел в Баку, превосходило все его представления. Вечерами обязательно кто-нибудь зовет его в гости, предупреждают все желания.

Талантливый народ - азербайджанцы! Во всех видах искусств ярко выражена неповторимая индивидуальность национальной культуры. Это касается не только живописи, скульптуры, архитектуры, но и музыки, поэзии, философии и эстетики...

В этом он убеждался, знакомясь и с архивными материалами.

Старик Гельман был одним из первых зачинателей архивного дела в Азербайджане. Будучи еще в 20-х годах большим поклонником театра, он

собирал у себя дома все программы и рецензии на спектакли тогдашнего БРТ, русского сатир-агит-театра. У него была одна из трех сохранившихся афиш первого спектакля сатир-агита «Попугай» Городецкого.

Увлечшись коллекционированием, Абрам Соломонович «заболел» историей культуры Азербайджана. Он собирал труды по искусству, музыке, поэзии, литературе.

Когда организовали театральный музей им. Дж.Джабарлы, что находится в здании музея Низами, он передал уникальную коллекцию в руки дирекции. Причем, часто посещал музей и интересовался, в каких условиях хранятся документы.

С ним так приятно было беседовать, вернее, слушать воспоминания о личных встречах с видными деятелями культуры Советского Азербайджана: Уз.Гаджибековым, М.Магомаевым, Дж.Джабарлы, Гусейн Джавидом, дочери которого он и передал свой архив, когда она стала директором театрального музея...

- Саша! Что-то ты пассивен. Это мне не нравится. Может, девочек пригласим? - предложил Али-Гейдар. Саша пожал плечами.

- Не стоит, - махнул рукой Фуад, - нарушим гармонию сугубо мужской компании.

- Отчего же? Гармонично многообразие жизни. Однобокость - ее дисгармония, - глубокомысленно изрек безнадежно толстый композитор. - Хотите, я Вам об этом спою? - И перенес свое грузное тело к роялю.

- Пой, только не увлекайся. Саша ведь не привык к восточному мелосу.

- Да что вы, что вы! Пойте. Мне будет очень приятно, - попросил Саша.

- Я с удовольствием слушал вашего тенора в «Севили». Талантливая опера, и музыка мелодичная, распевная. А что касается «востока» - то это нам, русским, давно уже дорого и близко еще с Глинки, Бородина, Рахманинова.

- Конечно же, Саша, Вы правы, - согласился композитор и запел, сопровождая на рояле.

Фуад много пил и становился мрачнее и угрюмее. Саша нередко бросал

на него взгляд и видел, что его что-то мучает.

- Ну, как тебе работалось после меня? - спросил его Саша, чтоб немного отвлечь от размышлений.

- Да, черта с два, работалось. Домой пришел, а там малышка заболела: кричит, плачет. С ума можно сойти! Хорошо хоть Али-Гейдар позвонил, а то повесился б с тоски, - угрюмо бурчал он себе под нос.

- Когда же ты успеваешь создавать своих могучих духом, сильных, волевых героев?

- Да брось ты! - махнул рукой Фуад и снова потянулся за рюмкой.

- Может, хватит? - осторожно спросил Саша, стараясь не обидеть его.

- Может, хватит, - согласился он, налив себе в рюмку коньяк. - Выпьем, Саша, за несбывшиеся желания, за вечный поиск истины! - сказал Фуад и резко запрокинул голову. Затем, поставив рюмку на стол, он поднялся, пошатываясь.

Саша подумал, что его не мешало бы проводить.

- Сам дойдет. Тут рядом, в соседнем доме живет, - отмахнулся от его предложения Али-Гейдар. Но Саша пошел с Фуадом. Вышли они в блок, захлопнув дверь. Спустились вниз.

Небо было чистым, без единого облачка. Луна светила ярко. Деревья блестели чистыми листьями. Как будто замерло все вокруг. Как будто на мгновение умиротворилась природа. Разбушевавшись поутру, она теперь наслаждалась покоем.

Саша держал Фуада под руку.

- Какая благодать, - сказал он. - Будто не сегодня утром сумасшедший ветер трепал деревья и швырял дождем в лицо.

- Вот и мы, все бакинцы, такие. Горячие. Взбесимся ни с того, ни с сего и потом умиротворяемся. Хм, - философствовал Фуад. - Домой что-то не хочется.

- А надо бы. Ведь дочка больна.

- На это жена дома. Это ее обязанность, - буркнул Фуад.

«Ничего себе, хозяин дома», - подумал Саша. - А странно все-таки, как будто современный мужик, интеллигент, творческая натура. Да, дорогие женщины-азербайджанки, представляю себе, как трудно было вам швырнуть мужчинам в лицо чадру, если даже через столько лет сохраняется такое».

Поднялись на третий этаж и позвонили в дверь. Послышался плач ребенка и вопрос: «Кто там?»

- Открывай.

Дверь отворилась, и Саша увидел острое лицо, большие глаза и копну рыжих волос.

- Заходи, Саша, - пригласил Фуад.

- Нет, нет, я пойду, меня ждут. Добрый вечер, - поздоровался он с женой Фуада.

Она кивнула, взяла с пола плачущую девочку и отошла от двери.

- Может, посмотришь, как я живу? - нерешительно настаивал Фуад.

- В другой раз, когда выздоровеет дочка. - И Саша сам закрыл дверь, как только втолкнул Фуада в квартиру.

Только он отошел на два шага, как услышал раздраженный женский голос:

- Где ты пьянствовал? Лучшего времени не нашел? Я с ног сбилась с ребенком. Чуть ли не «скорую» вызывала! А ты опять за свое? Алкоголик проклятый!

- Замолчи, змея! Я был у друзей. Мне что, нельзя ходить к друзьям?

- Как же? Весь день пропадал в мастерской. Весь вечер пьянствовал у друзей. А мне что остается? Сидеть с больным ребенком и ждать захмелевшего мужа? Фу! Как нализался! Свинья!

- Молчи, змея, не оскорбляй! Не то получишь, как в тот раз.

- Попробуй только! Я маму вызвала! Она сейчас придет сюда, и ты живо уберешься ко всем чертям!

- Молчи! Дай мне спокойно раздеться.

- Что, опять начинается? Опять встретил свой кумир? Никак не

успокоишься. Ведь не судьба тебе с ней. Не судь...ба...!

- Зато с тобой полная «гармония».

Саша только сейчас вспомнил, кого же напоминала ему эта рыжая женщина. Он поспешил к Али-Гейдару...

- Ну, что, все в порядке? - спросил тот.

- Как будто. Но он очень много пил. Ни к чему это, все-таки надо себя контролировать.

- А ему трудно бывает иногда. Пойдем на кухню. Я приготовлю кофе.

Они там смотрят детектив.

- О чем?

- Да, по-моему что-то из Шерлока Холмса, английская экранизация.

- А тебе не интересно?

- Зачем же? Просто, кто-то должен подавать на стол? Как ты думаешь?

- Ну, давай, помогу тебе.

Они пошли на кухню и стали вместе варить кофе.

- И все-таки, что-то с ним творится неладное. И с женой у него, по-моему, не клеится.

- Да, это он не сам женился.

- Странно. А кто же вместо него?

- Просто у нас бывает и так, когда родители сватают девушку.

- Вот уж, никогда б не женился поневоле, - заметил Саша.

- Понимаешь, бывает, сосватают родители девушку, глядишь, а она тебе понравилась. Повстречаешься, походишь в женихах и вроде любишь ее. А женишься – о лучшей жизни и не мечтай! Впрочем, кому как повезет. Когда она шелковая – он ершистый. Когда он покладистый - она сварливая. И такие живут, в чем-то дополняя друг друга, вечно недовольные, но все-таки живущие вместе. Одних связывают дети, других - страх, что раз не повезло однажды, то во второй раз будет еще хуже.

- Ты прямо целый кодекс семейной жизни изобрел.

- Сама жизнь подсказала.

- Что ж ты сам до сих пор холостой? - спросил Саша.

- А что, тебе плохо, что мне хорошо? Пока кайфую!

- Ну, ну, - улыбнулся Саша. - Что же все-таки с Фуадом?

- Только между нами. Ладно? Лет пять назад, когда Гюля только приехала из Ленинграда, Фуад втрескался в нее безумно, сох по ней. Он, как мальчишка, ходил по пятам, но не мог открыться. Короче, он сказал родителям, чтоб посватали. Ну, а у нас как начинаются хождения по знакомым, соседям девушки...

- Как это, соседям? - недоумевал Саша.

- А вот так. Придут к соседям по этажу. Поздороваются. Спросят, а какая по характеру соседская девушка. Чем дышит, с кем дружит? Кто ее родители, чем занимаются? Какие они во взаимоотношениях? - пояснил Али-Гейдар.

- Так если эта девушка не ладит с соседкой по какой-то причине, та может и оболгать ее, натрепаться с три короба! - воскликнул Саша.

- Погоди, одну минуту, отнесу. - Али-Гейдар налил кофе Саше и себе, взял в руки поднос с кофейником и чашками, понес в гостиную. Затем вернулся, сел за стол и продолжил:

- И так узнают от совершенно посторонних людей о семье будущей невестки.

- Так это же смехотворно! - возмутился Саша. - У нас есть соседка, которая терпеть меня не может. Представляешь, какую она выдаст мне характеристику, если начнут интересоваться?

- Ну, во-первых, ты не девушка, - начал Али-Гейдар. - В общем, какая-то там соседка что-то сказала родственникам Фуада. Мать встала на дыбы: «Только через мой труп!» Отец - ни в какую: «Чтоб единственный сын был женат на дочери бывшей ссыльной. Разве вокруг мало девушек с образованием, но из хороших семей?» Это имеется в виду: из престижных. И тут же подсунули ему тонкую, как чинар, остроносую рыжуху, с такими «фарами».

- А что, он сам не мог решить?

От смеха Али-Гейдара зазвенела чашка в блюдце.

- Разве в таких семьях у нас парень сам решает? Сосватали подходящую и точка. Какое там сам?! Ты представляешь, они с Гюлей живо общались, дискутировали. Я свидетель, - ударил он себя в грудь. - А вот как дело доходило до объяснения, тут он пасовал. Я как-то раз намекнул Гюле о его чувстве. Она холодно отрезала: «Я, мол, не принимаю объяснений через второе лицо». Ну, ты знаешь, как она может осадить, - подмигнул Али-Гейдар.

- Да, имел удовольствие, - подчеркнул Саша. - А Гюля как же?

- Ой, забыл. Еще до его обручения с рыжей Гюля выставила скульптуру «Не судьба», которая вызвала споры. Одни говорили, что это интимная тема, а не обобщение. Другие, что это обобщение через глубоко личное, интимное. Короче, работа не оставила равнодушных. Ну, а Фуад, конечно, понял по-своему, что это ее ответ, переданный через скульптурный образ.

- Ну, а «Гармония»? - допытывался Саша.

- После обручения Фуада и женитьбы он пригласил всех к себе. Там были и девочки с нами. Наза, Севда, ну и Гюля. Мы сообразили вчетвером купить дорогой фарфор.

- Ну и...? - нетерпеливо заерзал Саша.

- Ну и... наша Наза, как всегда, отличилась. Все говорила колкости, подтексты в адрес Гюли. Она ее терпеть не может! За талант! Я хотел ее, было, остановить, но разве заткнешь фонтан?! Ну... и жена его что-то чухнула. А когда Фуад пригласил на танец Гюлю, через минуту Наза подвела к нему молодую жену со словами: «Танцуй же со своей судьбой. Это куда гармоничней!» А сама подхватила Гюлю за талию и повела в танце. Я видел, как Гюля побледнела и опустилась на диван рядом со мной. Через мгновение я услышал ее шепот: «Ради Бога, уведи меня отсюда!» Я тут же вспомнил о якобы срочном междугородном заказе по телефону и, извинившись, стал

одеваться. Затем спросил Гюлю: «Может, и тебя подброшу по дороге?» Она обрадованно встала, попрощалась, и мы ушли. Через несколько месяцев появилась «Гармония». Ты обратил внимание на лицо женщины? Она, как змея, обвивает его, безглазого, будто говорит хитрыми глазами: «Мне видней». Фуад воспринял эту скульптуру как личное оскорбление. А жена на выставке чуть не устроила скандал. Вот и все.

- Веселая история, - задумчиво произнес Саша. - Выходит, Гюля отомстила за себя, что ли? А он ей нравился?

- Кажется, наверняка бы понравился. Но когда ей стало известно хождение его родственников по соседям, она как-то отгородилась от него. Да и вообще, после этой истории Гюля стала замкнутой, молчаливой. Обмолвится приветствием, и все. Вот я ее знаю пять лет, а еще ни разу не был у нее в гостях. Говорят, она живет с матерью, бабушкой и не любит распространяться о своей семье.

- Да... история... Мне пора, Алик. Спасибо за угощение и за доверие, - сказал Саша, надевая туфли и плащ.

- Ты что это так, сразу? Может, посидишь еще? - останавливал его Али-Гейдар.

- Да нет. Поздно уже... Устал я от всего этого, - попытался улыбнуться Саша.

В течение многих дней Саша работал в архиве у «старика Гельмана». Абрам Соломонович показывал все новые и новые материалы из истории древней живописи, скульптуры Азербайджана, дореволюционные репродукции живописцев, советский период. Много увлекательно рассказывал, вспоминал случаи из жизни именитых мастеров кисти.

Саша не только собрал большой материал, но, казалось, побывал в тех далеких временах. Старик Гельман описывал так подробно свои встречи и беседы с интересными людьми, что Саша чувствовал себя участником тех

событий.

Вот и сейчас старик неторопливо раскладывал материалы военного времени, а Саша привстал, чтоб получше рассмотреть полуистертый автограф, поставленный карандашом.

- Чья же это подпись?

Дверь приоткрылась. Сначала заглянули. Старик тут же встал, подошел к вошедшему, поздоровался и начал негромко говорить по-азербайджански. Это было настолько неожиданно для Саши, что он отметил про себя: «Молодец, старик, как свободно говорит». Но тут же услышал женский голос, ответивший ему на русском.

- Да нет же, дед, ты напрасно так беспокоишься. Все будет хорошо. Принимай по 3 раза. Запомнил?

Саша выпрямился и взглянул на беседующих. Гюля стояла, склонив набок голову, держа в руках небольшую коробку, очевидно, с лекарством.

У Саши было предчувствие, как будто сейчас произойдет что-то непредвиденное. «Да что это со мной?» - подумал он и решил напомнить о себе.

- Здравствуйте... - он осекся.

- О, простите, батюшка, - засуетился старик, - я сейчас. Прошу познакомиться - оригинальный талант, большая работоспособность, серьезность и полная самоотдача в искусстве - Гюля Сеидова, - представил ее старик с такой гордостью, будто это была его внучка.

- Очень приятно. Я безмерно рад и счастлив, - ответил Саша с улыбкой и протянул руку Гюле. Она не приняла его шуточный тон и по-деловому сказала:

- Дед, мы с ним уже дважды знакомились. Нет надобности представляться в третий раз.

Саша, не выдавая своей неловкости, предложил Гюле присесть.

- Нет, нет. Я не могу. Спешу. Пока, дед, - обратилась она к Абраму Соломоновичу.

- Передай привет Наргиз-ханум и скажи, что на днях навещу ее, обязательно, - попросил он.

- Ладно, дед, передам, - сказала Гюля и, чмокнув его в щеку, добавила.
– Береги себя, а то ведь замучают тебя «веды».

- Да ну, что ты? - шутливо отмахнулся старик. - Ты же знаешь, что мне все это в радость.

- Да, но тебе уже не семьдесят, - напомнила Гюля и собралась уходить.
Саша не знал, как быть. Он вдруг представил, что Гюля сейчас уйдет, и он ее больше не увидит. Вечно она ускользает от него.

- Вы обещали побеседовать со мной через дня два-три, - нерешительно начал Саша. - Ну, так как же?

- Гюленька, побеседуй с ним. Очень интересный молодой человек. Интеллектуал. В твоем вкусе, - порекомендовал старик.

- Хорошо, дед. Только у меня сейчас в институте две двухчасовки. Может потом, после, встретимся в мастерской? - обдумывала свои планы Гюля. Но, как представила, что в любую минуту могут войти Наза и Севда, пожала плечами.

- А, может, я с вами пойду на занятия? - предложил Саша. Он тоже знал, что в мастерской ему не удастся обстоятельно поговорить с ней.

- Хорошо, - решила Гюля. - Через полчаса я зайду за Вами. У меня еще дела в Союзе.

Она ушла. Саша и архивариус продолжали работу. Саша не мог сосредоточиться. «Непонятно, каким образом старик приходится ей дедом? - думал он. Она так заботится о нем. А кто же Наргиз-ханум? Мать ее, бабушка?»

- Вы, молодой человек, меня не слушаете совсем, - покачал головой Гельман. - Может, устали? Хватит на сегодня?

- Да, да, - согласился Саша, - скажите, а Гюля и взаправду Ваша внучка?

Старик хитро сощурился. «Кажется, заинтересовала московского гостя

наша Гюля».

- А... это давняя история. Когда я в начале века приехал сюда, снял комнату в двухэтажном частном доме у уважаемого Гаджи-Ага, дедушки Гюли. Он владел небольшим магазином, был добрым, порядочным, прогрессивно настроенным человеком. Он часто интересовался моей работой, иногда приглашал меня к себе, на второй этаж, «поболтать о том о сем». Вам это интересно, Саша?

- Пожалуйста, продолжайте, - нетерпеливо попросил Саша.

- Ну так вот. После 1920-го года, когда многие эмигрировали в Иран и Турцию, он никуда не двинулся, так как считал, что Родину, как мать, не выбирают. Гаджи-Ага был одним из немногих мужчин, определивших в только что открытые школы своих детей. Его единственная дочь Фируза - мать Гюли.

- На Востоке редко ребенок бывает единственным, - сказал Саша.

И старик поведал ему историю Гаджи-Ага и его жены. Вдруг он умолк, как бы уйдя в воспоминания. Встряхнул головой.

- Как друг семьи я часто навещался с женой к ним, давая Фирузе книги. Она очень любила театр, музыку...

Саша не торопит его. Но ему не терпится узнать, что же было дальше. Отчего Гюля такая разная: восторженная и замкнутая, нежная и резкая, откуда исходят корни этих превращений?

- Знаете, Саша, никогда не забуду, как в 30-х годах я их видел в театре. Тонкая, стройная девушка в белом и рядом с ней дородная красивая женщина в закрытом черном платье. Голову покрывал тонкий «орпег». Это шелковый платок с кистями. Во всем траурном наряде Наргиз-ханум выделялись белое лицо и кисти рук. Вы знаете, они довольно часто бывали в театре и концертах и всегда привлекали взоры присутствующих...

Дверь распахнулась, и вошла Гюля.

- Я закончила. Мы можем идти? - спросила она. Лицо ее было радостным, а на щеках горел румянец.

- Да, конечно, - встал к ней навстречу Саша и поспешил попрощаться со стариком.

Когда они вышли из Союза художников, погода была отличная, Саша с удовольствием прошелся бы пешком, но Гюля опаздывала. Он остановил такси, и они поехали на Мусабеково, в здание художественного факультета института искусств.

Придя на кафедру, Гюля быстро сняла плащ. Саша взял его и повесил вместе со своим на вешалку. Поздоровавшись с присутствующими, Гюля открыла табель посещаемости, расписалась. Затем взяла журнал и предложила Саше идти в аудиторию. Пока они шли по коридору, опустевшему после звонка, они встретили нескольких преподавателей, с которыми Гюля обменялась приветствиями. Саша заметил разительную перемену в ее поведении. Здесь она была раскована, приветлива со всеми. Держалась легко и непринужденно.

Пока студенты работали с натурой, Гюля могла обмолвиться с Сашей впечатлениями о недавней выставке, о старике Гельмане, о работах последних лет. Гюля иногда проходила по классу, кое-где подправляла студенческие работы, объясняя полусшепотом, почему исправлено. Затем садилась неподалеку от Саши и продолжала беседу.

Саша никогда не мог смотреть в лицо собеседнику, когда находился вблизи от него. Он всегда смотрел в сторону, искал точку, на которой можно сосредоточиться. И здесь, беседуя с Гюлей, окидывал взором студенческие работы, натурщика, затем смотрел в окно.

Гюле не нравилась такая манера. Ну что это? Не знаешь: к тебе обращается человек или к подоконнику? Ей казалось, что он как-то скован, неуверен в обращении с людьми. Неужели он такой и с «ними»? Какая же скука проводить время в присутствии такого «индивида»! А, может, он с ней так держится? Ну да, эти двое успели настрекотать ему про «угрюмость» и «мрачность» ее натуры, язвительность языка и еще Бог знает что. Ах, да ладно! А в общем-то Саша приятный мужчина. «Порода» чувствуется.

Когда закончились занятия, Гюля поспешила домой. Саша предложил проводить ее. Она категорически отказалась.

- Извините, может, я излишне навязчив? Но Вы торопитесь. Я отвез бы Вас на такси.

- Ничего, сама дойду. Пока, - заторопилась Гюля и пошла вниз к остановке троллейбуса.

Саша не знал, как это понимать. Может, она не хочет, чтоб кто-то ее видел с провожатым? Но она ведь не маленькая? Достаточно самостоятельный и в жизни, и в суждениях человек, чтоб обращать внимание на такие мелочи. А, впрочем, здесь он впервые, и у каждого народа свои привычки и традиции.

Саша поднялся по кругу к памятнику Мусабекову, чтоб остановить такси. Отсюда открывался отличный вид на город, море. Ведь поселок им.Мусабекова - самая высокая точка террасы амфитеатра, по которому поднимаются дома Баку: от партера у самого моря и до нескольких сот метров над его уровнем.

Саша остановил, наконец, такси и попросил проехать мимо остановки троллейбуса, чтобы убедиться, что Гюля уже уехала. А она стояла на остановке, перекинув сумку через плечо, заложив руки в карманы, задумавшись. Затем, подняв голову, решила и остановила такси.

Шофер взглянул на Сашу, дескать, можно ли взять пассажирку? А Саша взглядом указал ему на зеленый огонек, который тот забыл выключить. Шофер покачал головой, включил счетчик. Огонек погас.

- Вай, совсем забыл... Ну, так возьмем?

- О чем разговор?! - согласился Саша. Гюля открыла заднюю дверцу и...

- Ой, извините, у Вас же пассажир.

- А он не против, - сказал шофер.

- Только я тороплюсь. Пожалуйста, если можно, сначала подбросьте меня, - торопливо произнесла Гюля.

- С превеликим удовольствием, - самодовольно обернулся Саша. - Так куда ехать?

- Да... Бывает... Самед Вургуна — угол Бакиханова. Дом артистов.

- Понял, - сказал шофер и дал газ.

- В веселом доме живете, - заговорил Саша, немного погодя.

- Не жалуясь.

Говорить вроде было не о чем. Только когда подъехали к красивому восьмизэтажному дому, Гюля попросила остановиться. Открыла дверцу и, прежде чем уйти, оправдалась:

- Простите, что не приглашаю домой. У нас так не положено, но... у меня причина уважительная. Бабушка тяжело больна.

- Ну, что Вы, что Вы! - засуетился Саша. - Я Вас провожу...

- Нет, нет, ни в коем случае. Поезжайте, Саша. До свидания.

Она вышла из машины, хлопнула дверцей и пошла к дому. Таксист вопросительно посмотрел на Сашу:

- А теперь куда?

- «Интурист».

Машина плавно двинулась с места и влилась в общий поток транспорта. А Саша мысленно перебирал в памяти все, что ему было известно о Гюле, и поражался многообразию ее эмоциональных состояний. «Восточная женщина, черт побери! Обжигающая то страстной восторженностью, то холодным равнодушием. Раба и повелительница!»

Саша отметил ее утонченный вкус, интеллект в суждениях, отзывах о произведениях искусства. И чем продолжительнее была их беседа, тем яснее он понимал, как много у них общего во взглядах и вкусах. Но Саша почему-то чувствовал себя в ее присутствии скованным, неуклюжим, неумелым. Он мог смотреть на нее издалека, когда она ходила между рядами сидевших в аудитории студентов. Но, когда она садилась напротив него, он не мог заставить себя взглянуть на нее. Отводил глаза, смотрел на подоконник, для того, чтобы сосредоточиться. На самом же деле какая-то непонятная сила за-

ставляла его отводить взгляд.

Он нетерпеливо ждал окончания беседы. «Скорее бы!» И в то же время сожалел, что она скоро окончится, и Гюля уйдет. Он каждый миг боялся, что вдруг выскажет то, что ей может не понравиться...

Он облегченно вздохнул, когда, наконец, они расстались, но тут же почувствовал пустоту в себе. «В ней есть какая-то «тайна», как в каждой незаурядной женщине».

Резкий звонок разбудил Сашу. Он по привычке протянул руку и взял трубку, не открывая глаз.

- Что, старик, спишь? - раздался голос Али-Гейдара.
- Сплю. А что?
- Да разве можно до сих пор спать?
- Так ведь я работал допоздна!

- Ты ездил вчера на Нефтяные Камни?

- Ага...

- Ну и как?

- Послушай, дай мне досмотреть сон, «мян олюм»! Я даже глаз не успел продрать.

В трубке раздался хохот Али-Гейдара:

- Нет, дорогой, «сэн ол», ты сейчас не только откроешь глаза, но и оденешься по тревоге, понял?

- А в чем, собственно, дело?

- А в том, что мы сейчас поднимаемся к тебе.

- Кто это «мы»? - приподнялся на локте Саша.

- Я, Севда, Наза...

- Да ну?! Я сейчас! Задержись внизу минут на десять. Я должен еще побриться.

- Ладно. Ради такого дня можно.

- А что за день?

- Потом узнаешь.

Саша повесил трубку. Вскочил. Застелил постель и побежал в ванную. Тщательно умылся. Переоделся. И только включил в розетку электробритву, как постучали в дверь. Саша крикнул: «Не заперто!» - и закрылся в ванной.

С шумом, смехом ворвалась удалая компания. Расселись на диване и креслах. Кто-то включил приемник. Передавали искрометную танцевальную музыку. «Ого, - подумал Саша, - если передают по радио танцевальную музыку, то это уже около полдвенадцатого. Как же я долго спал!»

Когда Саша вошел в комнату, он широко раскрыл глаза. На его столе стояла необычная ваза. Вся сплошь зеленая, и снаружи и внутри, а в ней - разноцветные яички. А рядом два больших подноса, завернутые в голубые атласные платки и переплетенные голубыми лентами.

Саша поздоровался со всеми. Сел, испытывая неловкость.

- Наза, - загремел голос Али-Гейдара, - сделай потише музыку. Вот так!

Раскрывай «хончи». Обе, обе. Теперь открой там две коробки, - он показал на сверток, лежавший в кресле. - Бокалы подавай сюда. И стаканы рядышком!

Саша молча наблюдал за действиями Али-Гейдара. Он ничего не понимал. Что происходит?

Наза расставила бокалы и армуды в подстаканниках. Раскрыла одну за другой «хончи», и Саша поразился красоте и изысканному вкусу, с которым были уложены в один поднос печеные сладости, а в другой - орехи, миндаль, фисташки, сушеные фрукты, кишмиш и другие восточные яства. Через определенные интервалы на втором подносе стояли свечи.

Али-Гейдар откупорил шампанское в ванной и осторожно налил в бокалы, а Севда разливала в армуды шербет.

- Итак, дорогой Саша, ты избрал для своей командировки самое подходящее время - Новруз-байрам, то есть праздник Весны и Новый год у азербайджанцев. Прими от нашей четверки эти подношения. Да будет светел твой жизненный путь! Пусть с этого дня, 21 марта 1967 года, твоя жизнь будет яркой, радостной, сладкой, как эти сладости: пахлава, шекер-бура, шекер-чорек...

- Ну, что ты перечисляешь? - дернула его Наза.

- Не встречай, «фонтан», когда мужчина говорит! Да будет светить тебе на жизненных перекрестках только такой зеленый свет, как этот «сэмэни». Выпьем за Новый год, за то, чтоб сбылись желания каждого. За дружбу между народами! Ты ведь знаешь: мы славимся интернациональными традициями и гордимся этим!

Саша поднял бокал, чокнулся с девушками, а с Али-Гейдаром выпил на брудершафт. И когда они обнялись по-братски и поцеловались, девушки захлопали в ладоши.

- Bravo! Ура!

- Ну, а теперь ты выкладывай, Севда, - сказал Али-Гейдар и стал закусывать шекер-бурой.

- Мы тоже присоединяемся к тосту Али-Гейдара. И я хочу передать

Вам, Саша, пожелания всего наилучшего от наших коллег, Фуада и Гюли. Кстати, это «сэмэни» сделала она. Только не разбейте, внутри хрустальная ваза.

- Да что Вы? - воскликнул Саша. - А как же делается это? Что за трава?

- Это пшеница, которую посыпают на смоченную вату, и она прорастает через определенное время, как раз к Новруз-байраму.

- Как красиво сделано! Спасибо Вам за все! Очень вкусно!

- А это моя мама пекла, - похвасталась Наза, - и сегодня вечером, после народных гуляний, Вы - мой гость.

- Да, действительно, Саша. Назины отец и мать пригласили тебя в гости, ну и нас заодно.

Вдруг зазвучал танец, и Али-Гейдар восторженно встрепенулся. Раскинул руки в стороны и стал танцевать.

- А ну, сделай громче, - нетерпеливо попросил он. - Умираю за «мирзеи»! Только за один этот танец можно согласиться на свадьбу.

- А что это за танец? - спросил Саша, пробуя пахлаву и запивая ее шербетом.

- А это танец для жениха и невесты, когда их увозят со свадьбы домой.

Али-Гейдар танцевал посреди комнаты и задумчиво улыбался. Пальцами согнутой левой руки он чуть касался затылка, а правую широко раскинул. Голова его была гордо приподнята вверх, и все тело вытянулось в струнку. Ногами он еле касался земли.

Тут Наза не удержалась, быстро накинула на голову свой белый шарф и пошла в танце к нему. Севда засмеялась и зааплодировала.

- Прекрасная пара, не правда ли?

- Да, красиво танцуют, - восхищенно прошептал Саша.

- Вставайте, танцуйте, а то скоро кончится музыка! - закричал Али-Гейдар.

- Но я не умею, - смущенно сказал Саша.

- Севда, веди его. А ты на меня смотри. Держи руки так и смотри

взволнованно на подругу.

Севда со смехом пошла танцевать с Сашей. Он смущенно переминался, и руки его как-то неуклюже торчали.

- Держись, Сашок, крепче за голову, а то отвалится! - захохотал Али-Гейдар. – Что ты рукой вцепился в свой затылок?

Наза резко переключила приемник на «Маяк» и стала плясать с Сашей русский танец. Севда и Али-Гейдар присоединились к ним.

- А у тебя ловко получается, - сказал ему Саша.

- Так, милый мой, я не зря учился в Суриковском.

- Так вот чему ты выучился! - со значением сказала Наза.

- И этому тоже, - довольно парировал Али-Гейдар.

- Хорошие у тебя были «учителя», - подчеркнуто отметила Наза.

- Не жалею, - Али-Гейдар сделал поклон Севде и, запыхавшись, плюхнулся в кресло.

- Ой! - раздался его крик.

Все испуганно остановились и посмотрели на него. Он, кряхтя, поднялся с кресла и взглянул на спресованные им коробки.

- Ну и медведь же ты, - заметила Наза. - Сломать подарочные наборы. Надо же!

- А тебе жалко вещи? Нет, чтоб спросить у меня, не порезался ли я, - закусив губу от боли, стонал Али-Гейдар. Севда беспокойно посмотрела на Сашу.

- А вдруг, действительно, что-то порезал, - сказала она, волнуясь.

Наза посоветовала Саше отвести Али-Гейдара в ванную и проверить, не поранился ли он. Али-Гейдар в сопровождении Саши отправился в ванную со словами:

- Только, чур, не подглядывать.

- Очень надо, - безразлично протянула Наза. - Такого добра полно у натурщиков!

- Наза! Прекрати, - недовольно оборвала Севда. - Как жаль, что

разбились бокалы и армуды.

- А мы его заставим новые купить, - решительно заявила Наза и подошла к дверям ванной. - Ну, что Вы там застряли, Саша? Штопаете нашего бедного мальчика?

Дверь ванной открылась, и мужчины, заговорщически улыбаясь, вышли оттуда.

- Так они ушли курить, Севда, а мы тут волнуемся понапрасну.

- Ну, граждане, пошли гулять по городу. Послушаем концерты на открытых площадках и заодно зайдём в сувенирный. Я должен купить эти две коробки, иначе себе не прощу, - поклялся Али-Гейдар.

Они стали собираться, Саша ещё в ванной спросил у Али-Гейдара, почему не пришли Фуад и Гюля.

- Фуад выехал в район на свадьбу своего деверя, а Гюля отговорила тем, что занята. И послала тебе привет и подарок.

- Неужели так уж и занята? - допытывался Саша.

- Ты же знаешь: она не ходит туда, где бывает Наза, «с тех пор», - шепотом сказал Али-Гейдар.

Когда они вышли из гостиницы, солнце ослепило. Али-Гейдар перевёл их через дорогу, и они вышли к бульвару. Пошли по направлению к «Венеции». Не доходя до нее, слева от летнего кинотеатра, они увидели деревянный помост для концертных выступлений на открытом воздухе.

- Эти импровизированные сцены сейчас стоят на нескольких площадях города, - пояснил Али-Гейдар Саше. - Новруз-байрам празднуется широко. Проходят народные гулянья, концерты самодеятельности, смотры-конкурсы народных певцов, выступления профессиональных музыкальных и театральных коллективов.

- Это вроде наших «проводов масленицы»? - спросил Саша.

- Да, что-то в этом роде.

- Между прочим, в филармонии симфонический концерт из произведений молодых композиторов, а в опере - премьера балета тоже

молодого композитора.

- А почему произведения только молодых? - машинально спросил Саша.

- Потому что молодо-зелено. И «сэмэни» - символ Весны - тоже, между прочим, зеленый, - смеялся Али-Гейдар от неожиданного своего вывода.

На эстраду один за другим поднимались певцы, пели народные песни. Их сопровождали ансамбли народных инструментов.

- Смотри. Видишь, канон? Его недавно, несколько лет назад, ввели в состав народных ансамблей, - пояснил Али-Гейдар.

- А это - большая балалайка? - спросил Саша.

- Да нет, это называется уд, - тоже недавно прописался в народных ансамблях. Придает своеобразное архаичное звучание.

Друзья прошли по бульвару, повернули к кинотеатру «Азербайджан», прошли мимо памятника Натаван.

- А это знаменитая поэтесса Азербайджана XIX века.

- Я знаю, мне в первый же день Наза и Севда показывали скульптурные памятники города.

Когда они проходили мимо кафе «Наргиз», Саша увидел, как прямо на улице, перед кафе, выстроились в ряд столы с белыми скатертями, и на них лежали всевозможные сладости, печеное, сушеные фрукты, очищенный орех, миндаль в шоколаде, финики. Продавцы стояли в белых халатах и колпаках и бойко вели торговлю. Украшением на столах были «сэмэни» разнообразной формы: бутылки, кувшины, корзинки.

Народу было много, и все шли по одному излюбленному маршруту: от бульвара по «Торговой» до кинотеатра «Низами» и обратно.

Возвращаясь назад, Али-Гейдар вспомнил о «Сувенирном». Они тут же зашли в магазин, и сколько ни отговаривал его Саша, все же купил обещанное. Пока Али-Гейдар платил в кассу, Саша с девушками смотрел на прилавок, делясь впечатлениями от выставленных сувениров.

И тут он увидел Гюлю с пожилой женщиной, которая стояла спиной к

Саше. Гюля ей что-то говорила, показывая на какой-то сувенир. Увидев Сашу с девушками, она намеренно отвернулась. Саша дождался, когда она пошла к кассе, и приблизился к ней. Наза и Севда продолжали рассматривать коралловое ожерелье.

- Здравствуйте, Гюля! С праздником Вас! - Саша и сам не понимал, почему у него дрожит голос и сухо в горле.

- Здравствуйте, - холодно поздоровалась Гюля. - Спасибо, желаю Вам всего наилучшего.

- Гюля, я был огорчен, когда узнал, что Вы не пришли вместе с ними, - кивнул он на девушек.

- А разве была такая необходимость?

- Но... Вы сделали такую искусную вещь...

- А... речь идет о коллективном подношении?

- Ну, почему Вы так? Я действительно очень хотел Вас видеть!

- Идите к ним! А то они хватятся Вас и придут еще сюда, - сказала она недовольно.

- Ну, придут, и что из этого?

- А то, что мне это будет неприятно. Я не одна и не хочу никаких встреч! - категорически отрезала она.

В это время Саша увидел, как к нему направляются Севда, Наза и Али-Гейдар с коробками в руках. Он не знал, что ему делать. Отойти от Гюли или стоять рядом с ней?

- Ну идите же, - гнала она нетерпеливо. И когда он отошел, весь покрасневший, добавила:

- А вообще, я рада была Вас видеть.

Саша не знал, как расценивать ее последнюю фразу. Очевидно, она просто увидела его растерянность, и ей, наверно, стало жалко его... А если не это?..

Али-Гейдар подошел к Саше, вручил ему две коробки со словами:

- Люблю делать подарки.

А девушки взяли под руки Сашу и хотели выйти из магазина. В это время Гюля отошла от кассы. Она прошла мимо них, негромко поздоровалась. Али-Гейдар от неожиданности вздрогнул.

- Ба...! Гюля? Ты?! Уж не в корзине ли с неба спустилась к нам? - Али-Гейдар радостно пожал ее руку.

- Я тебя огорчу. Не в «корзине с неба», а пешком из дому. Привет, девочки, с праздником Вас.

- Спасибо, так же тебя, с пожеланием здоровья, счастья, творческих успехов, - доброжелательно поздравила ее Севда.

- Здоровья и творческих успехов у тебя в избытке! А вот я хочу пожелать тебе человеческого счастья! А оно не каждому дается в этом мире, - сказала Наза и поцеловала Гюлю в щеку.

Казалось, говорила она от всего сердца. Но Сашу кольнула мысль, что поцелуй был воспринят Гюлей, как укус змеи.

- Я счастлива творчеством, а это куда выше житейского. Тебе этого не понять! - отбилась Гюля, и Саша увидел, как бледное ее лицо покрывается асимметричным румянцем.

- Где уж нам, простым смертным?! Вдохновение - это единственное, чего мне не хватает в жизни ...

- Ладно, «фонтан», пошли по улице.

- Нет, вы только представьте себе, «счастье в творчестве», - не успокаивалась Наза. - А это что за кикимора рядом с ней?

- Где? - спросил Али-Гейдар.

- Вон, у прилавка, - показала пальцем Наза. - Мефистофель в юбке!

Али-Гейдар засмеялся.

- Ох, уж эта Наза. И чего только не придумает.

Они вышли из магазина. Саша шел последним. Ему так неприятен был этот «обмен любезностями».

Девочки спешили помочь матери Назы, а Али-Гейдар торопился к своей «Дульсинее». Поэтому, проводив Сашу до гостиницы, они не

поднялись к нему в номер, а пошли на стоянку, где Али-Гейдар оставил машину.

Гюля быстро подошла к Фирузе и протянула чек продавщице. Она так боялась, что Фируза вдруг подойдет к ней во время разговора с Сашей, а потом и с этой неразлучной тройкой. Фируза спросила:

- С кем ты разговаривала?

- Это мои коллеги, - кратко объяснила Гюля.

Она еще немного задержалась у прилавка, тщательно рассматривая сувенир, чтобы эти трое ушли подальше. Затем положила купленный подарок в сумку, и, взяв мать под руку, вышла из магазина.

Гюля шла и наслаждалась солнцем, праздничным весельем, царящим вокруг. Наслаждалась тем, что сегодня мама вдруг сама предложила Гюле пойти с ней в магазин и купить подарок бабушке. Она повела мать мимо кафе «Наргиз», где они купили немного сладостей, прямо на бульвар. Они спустились к самому морю, сели на свободную скамейку, и Гюля наконец расслабилась. Она откинула голову, закрыла глаза, подставив лицо яркому солнцу.

- Какая прелесть! - раздался голос Фирузы. - Как переливается Каспий под солнечными лучами! Посмотри!

- Да. Очень красиво, когда он спокоен, - не открывая глаз, подтвердила Гюля.

- Что ты имеешь в виду? - подозрительно спросила Фируза.

Гюля вздрогнула. Она открыла глаза, посмотрела на мать. Лицо Фирузы выражало крайнее напряжение, будто она пыталась найти разгадку Гюлиным словам.

- Да ничего, мам. Просто Каспий ведь не всегда... бывает таким... умиротворенным, - запинаясь, говорила Гюля. Она старалась не смотреть на

Фирузу. - Посмотри, мам, сколько чаек! - Гюля постаралась отвлечь Фирузу от размышлений.

Фируза посмотрела на чаек и вдруг низко склонилась, будто пряча лицо.

- Может, поедим сладости? - предложила Гюля. Открыв сумку, вытащила целлофановый мешочек. Она достала из него шекер-буру и стала с удовольствием есть.

Фируза сидела, опустив голову, и что-то шептала. Тревожное состояние Гюли росло с каждой минутой. Но она старалась улыбаться.

- Ешь, мам, очень вкусно, - и Гюля взяла пригоршню очищенного фундука вперемешку с кишмишом. - Попробуй, необыкновенный вкус!

Глаза Фирузы были уставлены в одну точку.

- Ты знаешь, они ведь не просто летят.

- Ну, конечно, они высматривают добычу. Хотя здесь, у берега, вряд ли найдутся рыбы, - сказала Гюля.

- Именно, высматривают добычу. Именно высматривают... преследуют...

- Ну, при чем здесь «преследование»? Им тоже надо питаться, - просто сказала Гюля, стараясь отвлечь мать от навязчивой идеи.

- Значит, ты их оправдываешь? - недовольно проговорила Фируза.

- Да нет же, мама, при чем здесь мое оправдание. Но ведь они питаются рыбой? Это естественно.

- Значит, одни должны погибнуть потому, что другие должны ими питаться?

- Ну, так природа создана. На то это животный мир. Они не размышляют.

- В этом их счастье. Ты права. Они не размышляют, - повторила Фируза.

У Гюли отлегло от сердца. «Слава Богу! Хотя в чем-то она согласилась. А я-то думала, что у нее начинается...»

- Мам, возьми, поешь шекер-буру, - и Гюля протянула ей печеное.

Фируза отшатнулась от нее. У Гюли мурашки поползли по телу.

- Они стали высматривать, а ты мне предлагаешь есть... это? - глаза Фирузы уставились на Гюлю. Они были огромные, смотрели с тревогой, недоверием.

- Ну, зачем ты так? Мы ведь купили сладости, чтоб поест их. Видишь, я поела.

- Я уверена, «их» предупредили, что я здесь. - Фируза еще ниже склонила голову.

- Мама, может, пойдем? - спросила Гюля, чувствуя, что надо немедленно идти домой.

- Куда? Куда ты хочешь увести меня? Я не буду есть то, что ты мне даешь. Это «они», - она ткнула в пространство пальцем, - тебя научили... Все отравленное... все отравленное.

Фируза зашептала что-то про себя. Гюля не знала, что делать. Она боялась, что у матери начнется приступ здесь, на бульваре, и ее могут забрать в лечебницу.

- Мама, мамочка, я тебя очень прошу, пойдем домой, - упрашивала Гюля. Но Фируза, видимо, ничего не хотела понимать. Тогда Гюля сделала последнюю попытку.

- Мама, ведь нэнэ-джан больна, она лежит одна и ждет тебя. Ты ведь должна ее спасти, она на тебя надеется.

По лицу Фирузы прошла тень недоверия. Она как будто что-то вспомнила, услышав о матери. Беспокойство охватило ее. Она сразу же поднялась и решилась.

- Идем скорей, на такси, надо успеть... Надо успеть... - твердила она, когда они бежали к остановке такси.

Кулек со сладостями так и остался лежать на скамейке.

Когда они зашли домой, Фируза бросилась в комнату Наргиз-хала и со слезами на глазах остановилась у ее кровати.

Наргиз-хала полусидела, откинувшись на подушки, и пила чай. Возле нее на стульях сидели две соседки, Захра-хала и Фатьма-хала. Они о чем-то оживленно говорили и смеялись, попивая свой чай. Увидев Фирузу, они обратились к ней.

- Салам-алейкум, Фируза-ханум. С праздником тебя! Вот пришли поздравить твою маму с Новруз-байрамом.

Фируза кивнула им, подошла к матери, отобрала у нее стакан с чаем и ушла на кухню. Наргиз-хала с тревогой взглянула на внучку. Гюля пожалала плечами.

- Мы гуляли, сидели на бульваре, под солнцем... И она как-то сразу...

- Иди в свою комнату, Гюля. Иди, - настойчиво попросила ее Наргиз-хала.

Гюля прошла к себе. Прилегла на диван. Посмотрела на портрет отца: «Вот такие дела, отец. Вот чем кончилось наше гуляние».

Гюля стоит у окна. Бурно разросшиеся кусты олеандр почти закрывают вид во двор. Но она хорошо слышит голоса резвящихся детей. А под окном, как всегда, «на посту» стоит Тарлан-ханум и разговаривает с тетей Сусанной, соседкой со второго этажа.

Гюля хорошо знала дочерей и сына тети Сусанны, а с младшей дочерью Элей дружила, учась еще в школе и художественном училище. Но потом, после пяти ленинградских лет, они как-то отдалились друг от друга. Скорее всего, от нее отгородилась сама Гюля после первых же приступов матери. Гордость не позволяла ей, чтоб ее жалели, видя мать в моменты психического кризиса.

Гюля вспомнила, как однажды во время страшного землетрясения в семь баллов, когда дом довольно сильно качало, все жильцы этого четырехблочного здания выскочили среди ночи во двор. Она тогда училась на последнем курсе училища. Почти два с лишним часа простояли и

просидели на скамейках соседи, страшась, что снова будут подземные толчки. Вначале все находились под страхом, но потом, когда немного отошло волнение, управдом дядя Хосров, что жил на предпоследнем этаже, большой мастак по части высмеивания людских пороков, начал рассказывать, что он видел, сбегая по лестнице вниз.

Двери квартир, настежь распахнутые, обнажали драматические и комические ситуации. Женщины держали в руках свое богатство, детей, и торопились вынести их быстрее во двор.

- Отец одного большого семейства, - рассказывал дядя Хосров, - дал каждому в руки по чемодану, а детям по хрустальной вазе, и еще ворчал и грозился, что прибьет детей, если они разобьют. А дом качало довольно сильно, и как комично выглядел этот пузатый, жирный человек, спешивший от одного ребенка к другому, вручавший каждому ценную вещь.

...А Тарлан-ханум вообще воевала с ящиком комода, пытаясь вытащить застрявшую шкатулку с драгоценностями и деньгами.

Соседи смеялись, и звонче всех был смех тети Сусанны. Она сразу же узнала своих соседей. Те сидели на скамейке дальше всех, будто собирались уезжать всей семьей...

Вот и сейчас о чем-то рассказывала тетя Сусанна и громко смеялась. Гюля представила себе лицо Тарлан-ханум, ее снисходительную усмешку; мол, смешно, да не очень.

Как она противна Гюле, Господи! И вечно выбирает место для простаивания возле подъезда. Все ей надо знать, все увидеть, а потом, интерпретируя на свой лад, рассказывать соседям. Другого дела у этой кумушки нет. Сын не знает, как ее от этой привычки отучить. И как не борется с ней, ничего не может поделать. Гюле нравится его спокойный, уравновешенный характер, его серьезность и солидность. Но, имея такую мать (!), он, наверное, останется холостяком. Во всяком случае, он не раз об этом говорил девочкам еще в юности.

Дочка Тарлан-ханум была смышленной и веселой девчушкой, когда

играла во дворе. Но уже много лет, как мамаша не разрешает выходить вечерами, общаться с подругами. Ягут покорились матери, потому что боялась ее как огня. Единственной надеждой ее было, как она говорила Эле по телефону, это выйти замуж и сбежать из этого ада.

Гюля постояла еще немного у окна, слушая веселый смех тети Сусанны и шепелявый говор Тарлан-ханум, взяла свою сумку и села за письменный стол. Она нашла у себя кое-какие записи, относящиеся к занятиям в институте, просматривает их. Слышит голоса женщин, которые, попрощавшись с бабушкой, выходят в коридор. Одна из них предложила Фирузе выйти во двор, посидеть с ними. Но Фируза не согласилась. Она сидела на кухне и опять, в который раз, перебирала продукты.

Гюля вышла из своей комнаты, проводила женщин, закрыла за ними дверь и прошла к бабушке.

- Ну, как мама? - спросила Гюля.

- Ты иди, иди, внучка, занимайся своими делами. Все хорошо, кажется.

- Ну, слава Богу, - у Гюли отлегло от души. — Нэнэ-джан, а мы с мамой купили тебе подарок, знаешь?! Сейчас принесу.

Гюля принесла из комнаты сувенир и вручила бабушке. Наргиз-хала поцеловала внучку. Глаза ее повлажнели, и она, легонько оттолкнув от себя Гюлю, сказала еле слышно:

- Ну, иди же.

Гюля послушалась.

Она прилегла на диван и вспомнила встречу в сувенирном. И лицо Саши, и его волнение, и дрожь в голосе, когда он обращался к ней. «Отчего он так волнуется? Боится меня, что ли?» Гюля вспомнила, как она дважды резко обрывала беседу с ним. «Еще бы. Он, наверное, думает, что я какая-нибудь псишка. А что это он все время в компании Назы и Севды? Ну, ладно, один раз можно город показать. Но кружиться все время рядом с ними... А, может, ему кто-то из них нравится? Ну, хотя бы Наза. А что? Красивая, модная. Кокетливая, капризная? Но это даже привлекает. Или Севда?

Рассудительная, спокойная, внушающая доверие. Во всяком случае, с ними легко.

Когда Али-Гейдар предложил сделать московскому гостю сувениры на Новруз-байрам, Гюля сначала неопределенно пожала плечами. Но потом ей пришло в голову сделать нечто такое, чего он еще, может быть, не видел. Она взяла хрустальную вазу, напоминающую по форме корзину, и сотворила волшебство. А через несколько дней, ближе к празднику, она тихонько сняла с проросших сплошным ковром зеленых росточков марлевую накидку и принесла вазу в мастерскую.

Когда Али-Гейдар зашел к ней и справился, готов ли подарок, Гюля кивнула в сторону шкафа. Али-Гейдар, как всегда, бурно выразил свое восхищение и предложил наполнить зеленую вазу цветными яйцами.

- Ну, это уже ваша забота. Наза мастак на такие дела.

- Ты завтра, надеюсь, пойдешь с нами к Саше?

- Не подумаю. Эти хождения по вкусу твоим подружкам. Они более коммуникабельны с вашим братом.

Али-Гейдар забрал «сэмэни», поблагодарил и ушел.

Гюля пожалела, что не согласилась пойти к Саше. Все-таки он располагал к себе. Но, видно, закрутили бедняге голову Наза и Севда и ей выдали, наверное, не очень лестную характеристику. Так что не стоит идти туда, где будет этот «фонтан».

«Интересно, понравилась ему ваза? И вообще, как у него дела? Много ли успел сделать? А то столько соблазнов... Хотя он просил еще об одной встрече. Что ж, можно это сделать. Хотя бы дня через два. Завтра и послезавтра у нее занятия в институте. Ну, если спросит, то назначу на среду, - подумала Гюля и взяла с полки «Иностранную литературу».

Саша с Али-Гейдаром стояли у массивных дверей Назиной квартиры. Саша быстро пригладил рукой волосы, оправил костюм и склонил в согнутой

руке букет роз. Али-Гейдар позвонил.

Дверь распахнулась, и их радостно встретила Наза. Она в роскошном коротком платье с внушительным декольте, на лакированных «шпильках». На голове сооружена «хала», и сбоку приколот букетик из того же материала, что и платье.

- Ну, красавица, принимай гостей, - прогудел Али-Гейдар, положив на тумбочку продолговатую коробку.

Саша вручил Назе цветы, и они втроем прошли в гостиную.

Из-за большого яйцеобразного стола встала грузная женщина, чертами лица напоминающая Назу. Парчовое длинное золотистое платье с «индийским» рукавом и чуть приталенное в поясе подчеркивало ее белизну. Пальцы были в крупных бриллиантовых кольцах, на ушах и шее - красивый комплект из сапфира и алмазов. «Ну, не женщина, а прямо-таки ювелирный прилавок», - подумал Саша.

Джейран-ханум радушно приветствовала гостей, поцеловала в лоб всех. Спросила у Саши, как ему понравился Баку. Обратилась к Али-Гейдару.

- Как ты, Алик, что Туран-ханум еще не вернулась из санатория? А папа как? Все так же мечтает похудеть? - говорила она, не дожидаясь ответа.

Али-Гейдар дождался, когда она кончит задавать вопросы, и сразу же ответил на все подряд.

- Отрапортовал! - закончил он, отдав честь. Джейран-ханум засмеялась мелким, как бисер, смехом и сказала:

- Вот он всегда такой, шутник! Сашенька, дорогой, чувствуй себя, как дома, - добавила она и вышла из комнаты.

Наза села на диван и пригласила Сашу сесть рядом. Она взяла семейный альбом, массивный, в бронзовом переплете и стала показывать Саше фотографии, сопровождая шутливыми замечаниями.

- А мне чем заняться? - нарочито обиженным тоном сказал Али-Гейдар. - Я это уже раз сто видел.

- А ты помоги накрыть на стол Севде и маме.

- Ладно, пойду на кухню, - вздыхая, согласился Алик.

Саша рассмотрел фотографии, затем перешел к произведениям прикладного искусства. То были изысканной красоты хрустальные вазы с позолотой, японский фарфор с прозрачными чашками.

Особенно восхитил Сашу хрустальный комплект для компота или глинтвейна. В него входили: огромный хрустальный сосуд с красивой крышкой, по краям отделанный бронзой, половник с бронзовой ручкой, бокалы с ручками. И все это на круглом подносе с бронзовыми краями. Комплект стоял совершенно отдельно на небольшом шкафчике. Наза сказала, что это отец привез из Германии, когда был на симпозиуме. И тут же открыла под ним шкафчик, который оказался баром. Она предложила Саше на свой вкус выбрать напитки. Саше было не очень удобно выбирать, но вошедший в это время с салатом в руках Алик сказал:

- Не теряйся, старик, это привилегия только гостя, впервые посетившего этот дом. Меня лично уже не допускают до этого. А когда-то, - вздохнул он, - и я был «привилегирован».

Саша выбрал по подсказке Али-Гейдара напитки. Севда и Джейранханум искусно сервировали стол. Пришел и Назин отец Теймур-муаллим, как назвал его Али-Гейдар. Все, наконец, сели за стол, и женщины принесли горячую закуску: долму в двух вариантах - с виноградными листьями и с капустными. Али-Гейдар учил Сашу, как надо ее есть: полить немного простоквашей, обвалить каждую в ней.

- Ну, как, дорогой гость, вкусно? - спросил с улыбкой Теймур Мирзоевич.

- Ага, - кивнул Саша, - очень!

- Ну, а теперь, - сказал хозяин, поднимаясь из-за стола, - я поздравляю всех собравшихся с праздником Весны, с Новым годом. Желаю всем счастья, здоровья и творческих успехов.

- Спасибо!

- Благодарю!

- Спасибо, папочка, и тебе того же! - сказала Наза и, подойдя к отцу, поцеловала его в щеку.

А Теймур Мирзоевич продолжал свой тост:

- Этот год, как известно нам всем, юбилейный. Год пятидесятилетия Октябрьской революции, благодаря которой и создано единое могучее государство - Союз Советских Социалистических Республик. Государство, основанное на принципах интернационализма, на крепкой и сплоченной дружбе народов нашей великой Родины. То, чего мы все добились, - я имею в виду наше поколение, - произошло благодаря воплощению в жизнь великих гуманных ленинских идей. Вам же предстоит сделать еще больше, пойти еще дальше. Так выпьем же за то, чтоб наши грядущие поколения всегда воплощали в жизнь великие ленинские заветы, чтоб настойчиво добивались преодоления всех препятствий на пути к достижению великой цели - построению коммунистического общества! За дружбу между нашими народами, за мечты, воплощенные в реальность!

Собравшиеся зааплодировали.

- Bravo, папочка, ты прямо оратор! - горделиво улыбаясь, сказала Наза, подставив ему щеку для поцелуя.

А Джейран-ханум не отводила влюбленных глаз от своего мужа.

- Ну, несите плов, - вскоре скомандовал Теймур Мирзоевич.

- Ой, дайте хоть передохнуть, - взмолился Саша.

Мужчины вышли на балкон покурить.

С шестого этажа открывался удивительный вид на бакинскую бухту, бульвар, Каспий со снующими катерами и стоящими на причале кораблями.

- Вам не очень прохладно? - заботливо поинтересовался Теймур Мирзоевич, - здесь море рядом, с непривычки можно...

- А я и в гостинице тоже напротив моря живу. Уже адаптировался, - успокоил Саша.

- И надолго Вы к нам?

- Пока не надоем, - пошутил Саша.

- Мы - люди гостеприимные. Нас гостями не запугаешь, - ответил хозяин дома.

- На месяц-полтора, - посерьезнел Саша. - Мне необходимо собрать кое-какой материал об искусстве Азербайджана, о живописи, скульптуре, эстетической мысли.

- Интересная работа... Вы, наверно, художник?

- Искусствовед.

- Да, хорошая специальность. Вот бы Назе моей не лениться и продолжать учебу дальше. А то ведь условия есть, а желания нет... А мы когда начинали, так кусок хлеба нелегко давался, может, поэтому с большим упорством преодолевали трудности... – он осекся и задумался.

- Где есть овес - там нет коня, где конь стоит - овса не сыщешь, - изрек Али-Гейдар известную азербайджанскую поговорку. - Зато сын в Вас, пошел в науку. А Наза - красивая девушка, ей надо выйти замуж и создать счастливую семью. Как это сделала Джейран-ханум. Разве это плохо?

- Нет, ей не так уж плохо. Да ладно, пойдем к столу, - похлопал он по плечу ребят.

Когда они зашли в комнату, на столе дымился плов, а с двух сторон от него - тарелки с «говурмой» - приправой.

- С ума сойти от этих специй, особых запахов. Джейран-ханум, Вы маг и волшебница! Наза, правда, говорила об этом. Но лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать.

- Не увидеть, а отведать, - уточнил Али-Гейдар.

Теймур Мнрзоевич гордо взглянул на жену и, довольный, сказал:

- Базисом всех моих достижений в науке была кулинария Джейран-ханум, - он взял ее руку и поцеловал.

- Ешьте, ешьте, дорогие, главное в доме - согласие, а это уже счастье, - сказала раскрасневшаяся от удовольствия Джейран-ханум.

Поднимали тосты за главу дома, за хозяйку, за детей, друзей,

присутствующих и отсутствующих. А затем перешли к десерту.

Стол был уставлен восточными сладостями и фруктами. Наза подавала чай-пюрренги. Как пояснил Али-Гейдар, это особая пурпурная заварка, напоминающая рубин. А Теймур Мирзоевич процитировал:

- Стакан чая - жажду утоляет; второй - сердце укрепляет; выпил пятый – считай десятый! Там, где чай - не считай!

Чаепитие продолжалось долго. Саша понял, почему в Азербайджане так любят чай: «Да, действительно, такого чая можно выпить в неограниченном количестве».

Теймур Мирзоевич предложил партию в нарды. Али-Гейдар сел напротив него, и началось сражение. Саша наблюдал за игрой, но он плохо понимал и потому заскучал. Женщины убрали со стола и возились на кухне. Хозяин дома с Али-Гейдаром азартно бросали «зары» и стучали по нардам шашками.

Саша сел в кресло и стал листать журналы.

- Э-э-э... так не годится! - сказал Теймур Мирзоевич, проиграв партию.
– Нельзя давать скучать гостю.

- Да нет, нет, вы играйте. Мне не скучно.

- Нет, хватит. Давайте-ка я Вам лучше расскажу о какой-нибудь заграничной поездке. Ну как, идет?

- Вполне, - ответил Али-Гейдар, подмигивая Саше.

Саша заинтересовался, как вообще начинал свой путь Теймур Мирзоевич со студенческой скамьи до академика.

- Вот это, действительно, интересно, и, кстати, полезно для нас со всех точек зрения.

- Ну что ж. Пожалуйста! Начинал я с младшего научного сотрудника в физической лаборатории Мирзы Сеидова. Был у нас такой выдающийся, как уже теперь говорят, ученый-физик, ученик самого Иоффе.

- Он что, в Москве учился?

- И университет окончил, и кандидатскую защищал в МГУ. Нам

преподавал физику и заведовал научно-исследовательской лабораторией в 30-х годах.

- Это был Гюлин отец, - шепнул Саше Али-Гейдар.

- Замечательный был человек. Талантливый, великодушный... — задумчиво продолжал хозяин дома.

- Он умер? - поинтересовался Саша.

- Не знаю, наверное, погиб... - неопределенно пожал плечами академик.

- На фронте? - пытаюсь уточнить, спросил Саша.

- Нет... Гораздо раньше... Это трагическая история...

- Расскажите, пожалуйста, - попросил Саша.

- Ну, пока женщин нет, можно. Мирза-муаллим был нашим кумиром. Я учился на физмате и был на два курса старше его будущей жены - красавицы Фирузы.

- Эта - мать Гюли, - снова шепнул Али-Гейдар.

- Что это ты шепчешься? - спросил академик.

- Да нет, я просто поясняю Саше, о ком идет речь. О родителях нашего скульптора Гюли Сеидовой.

- О да, талантливая девушка Гюля, - вздохнул Теймур Мирзоевич. - Я видел ее работы на выставке...

- Ну, и что же дальше? - перебил его Саша и тут же спохватился, - извините.

- Ничего, ничего, ну и вот...

Он закончил свой рассказ словами:

- Его судили как «врага народа» и... дальше не знаю. Меня не было, я болел ангиной, бюллетенил, когда все это произошло.

- Ну как же, ведь люди окружающие могли поручиться за него, - нервно спросил Саша. — Ну, хотя бы он мог обратиться за помощью к самому Иоффе?

- Нет, он был не из тех, кто может подвести под удар другого. Он взял на себя всю ответственность и поплатился жизнью.

- А как же его жена? - спросил Саша, все больше волнуясь.

- Она была одной из первых девушек-азербайджанок, учившихся на физмате и подающих надежды. По-разному сложились их судьбы. Про мою жену ты уже знаешь. Как бишь ее подружку звали?... Таира... Туран... А-а-а, вспомнил. Тарлан! Яркий экземпляр! Певунья, плясунья. А претензий?! Куда остальным до нее? Пока дядюшка стоял за спиной... Частенько доставалось ей от Фирузы.

- А что было с ней, когда мужа...? - сжался Саша.

- Ее сослали. А жаль. Пропала гармония ума и красоты... - с болью произнес Теймур Мирзоевич и тревожно оглянулся на дверь, откуда появилась Джейран-ханум.

- Это ты кого так расхваливаешь? - ревниво спросила она мужа.

- Тебя, конечно, сокровище мое, твое кулинарное мастерство такое же прекрасное, как и ты сама, - польстил он жене и рассмеялся.

Сашу поразила эта перемена в академике. «Как он льстил жене, и как искренне восхищался Гюлиной матерью! Может, и он в молодости был влюблен в нее?» - подумал Саша.

Джейран-ханум села за рояль и стала наигрывать танцевальную музыку. Хозяин дома первый пошел танцевать, вовлекая постепенно в танец Али-Гейдара, Сашу, Назу, Севду. Зазвучало «Яблочко», и Саша вместе с Назой принялись с удовольствием отбивать чечетку... Разошлись от Назы где-то в первом часу ночи. Али-Гейдар проводил Сашу в гостиницу. Благо, она была совсем близко от дома академиков, так как пришлось нести плов с говурмой и долму для Саши.

- Ну, скажи, зачем такое беспокойство? Мне, право, неудобно как-то, - говорил Саша.

- Не переживай, Сашок. У нас так принято - давать «пай» с праздничного стола.

- Хороший обычай, только немного расточительный... - улыбнулся Саша.

- А у нас у всех щедрые души: есть копейка - поделим с другом, есть тысяча - «пай» выделим... - гордо разглагольствовал Алик.

- Ну бывай, до завтра, - сказал Саша.

- Саг ол, - попрощались друзья.

Вот уже месяц, как Саша знакомится с искусством Азербайджана. Он многое успел посмотреть, и не только произведения искусства. Побывал в Сумгаите - прославленном городе химиков, и на Нефтяных Камнях, поселке, построенном посреди моря на сваях. Увидел непередаваемую прелесть Аджикенда и сказочного озера Гей-Гель.

Знакомство с природой Азербайджана, с его трудовыми буднями позволило Саше глубже проникнуть в творчество азербайджанских художников, скульпторов, зодчих.

Полотна, посвященные труду, удачно отражают ритм времени. У разных художников это выражено по-своему. Сам процесс труда сильно вдохновляет людей. И ни усталость, ни другие заботы не могут погасить чувства удовлетворения на лицах строителей, хлопкоробов на полотнах М.Абдуллаева. В этих полотнах подкупают размышления о сегодняшнем дне, взгляд, устремленный в завтра.

Особенно Саше понравилась портретная живопись Т.Салахова. Своеобразная свободная поза Кара Караева на фоне рояля, его руки, подпирающие волевой подбородок, и взгляд сквозь очки. Взгляд в будущее. Взгляд мыслителя. Глаза, думающие даже в момент отдыха. А лирика и непосредственность, белоснежная целомудренность пятилетней дочери?! Черным в портрете только глаза и волосы ярко выделяет художник.

У него накопилась довольно объемистая папка с анализом многих работ М.Абдуллаева, Т.Салахова, С.Бахлулзаде, Н.Абдуррахманова, Э.Рзакулиева, Т.Нариманбекова. Материалов и впечатлений хоть отбавляй.

Встречи и дискуссии в выставочном салоне им. Ваджехи Самедовой с

членами Союза художников Азербайджана, поездки по республике, в которых иногда сопровождали его друзья, обогащали Сашу. Давали возможность не только вывести то общее, что свойственно современному художнику, но и неотъемлемое от азербайджанских традиций художественное богатство, которое разнообразит советскую культуру.

Среди материалов мелькали и зарисовки людей, с которыми Саша был знаком и часто виделся. Наза ему нравилась своей грациозностью, красотой, прелестным голосом и вспыльчивостью. Не нравилось только одно - уж слишком быстро она успокаивалась, оставаясь при своем мнении. Так спор решать нельзя. Так никогда не докажешь свою правоту! Зачем возражать и что-то свое проповедовать, если не можешь защитить до конца?! Впрочем, банальные истины не требуют особой защиты.

Севда была сдержанной, сурово судила других, однако признавала право художника на оригинальность. Она никогда не высказывала своих собственных мыслей, своей мечты.

Фуад был резок как в общении, так и в живописи. Контрасты его скульптурных работ бросались в глаза. Резкие угловатые линии вступали в противоречие с самой природой человека.

Особое место заняли в записях Гюлины работы. Целый раздел! И хотя весь месяц был насыщен поездками, встречами, беседами, впечатление, которое он получил от профессионального общения с Гюлей, было несравнимым. А ее работа на выставке заставила пристальнее взглядеться в скульптуру психологического плана.

Саша долго стоял перед бюстом и вспоминал слова Гюли. Этот бюст с чуть приподнятой головой, полуулыбкой и горестными глазами отражал ее душу. Саше казалось, что скульптор чего-то не договаривает, что-то скрывает. Может быть, Гюле не удалось отразить то главное, неуловимое, о чем она сказала лишь раз ему. Но почему все-таки «Скорбь»? Почему «светлая»? Может, это глубоко личное, связанное с трагедией ее родителей?

Эта работа не давала покоя Саше, и он тщетно искал среди

собравшихся Гюлю. И поражался ее безразличию. Как же можно не прийти на выставку? Ведь присутствие автора - естественная необходимость. Когда он спросил о ней, Наза связвила:

- Она всегда так. Подкинет что-нибудь, вроде цветочка или скорби, а сама в стороне... Дескать, ломайте, уважаемые зрители, голову, а мне наплевать!

- Действительно, от нее не добиться лишнего слова, - подтвердила Севда. - Она отмалчивается иногда даже на обсуждениях.

- Ну, а если предъявляют какие-то претензии? - поинтересовался Саша.

- И в этом случае, только... «Я учту» - и ничего больше. Причем, так бесстрастно говорит, что махнешь рукой. Да ну ее! Ей только можно поручать делать стандартные бюсты. Это она безукоризненно выполняет. Безотказно! - безапелляционно заявила Наза.

- Наза! - оборвала ее Севда. - Хватит злословить! Давайте о чем-нибудь другом.

- Простите, еще один вопрос.

- Пожалуйста.

- А почему вы все так недружелюбно настроены к Гюле? - поинтересовался Саша.

- Ну зачем же так резко? - нерешительно сказала Севда.

- Это ответ на ее безразличие и отчужденность.

- Все же я не верю в ее флегматичность! - решительно заявил Саша. Ведь он знал Гюлю и другой. - А вы пробовали поговорить с ней по душам?

- Как же, с ней поговоришь! - усмехнулась Наза. - Дверь открыть лишний раз не можешь, а Вы - поговорить.

Но тут вступил Фуад, молчавший все время.

- Не любит она болтовни пустой. Молчит... работает...

- А иной раз молчание - это сосредоточенность, - подсказал Саша.

- Возможно. Но все же она странная какая-то... - пожала плечами Севда.

На этом разговор оборвался.

«Странная. Но почему «странная»? А я ничего такого не заметил. Или, может, я чужой, а чужому легче высказаться, чем своим близким...»

В гостинице ему сказали, что звонила мама. Саша расстроился. Как же так? Совсем закрутился и о матери забыл. Надо заказать разговор на 24.00. В это время обычно линия не особенно перегружена и хорошо слышно.

Звонок раздался неожиданно, среди ночи. Саша сразу же схватил трубку.

- Мама, мамочка, как ты?

- Сашуля... сыночек... я неплохо, как твои дела? Продвинулись?

- Да. Очень. Много изучено и записано.

- Значит, теперь уже скоро приедешь?

- Да, мама. Скоро!

- Когда примерно?

- Думаю, недели через две.

- И это твое «скоро»?!

- Да, мама, не раньше! Не скучай! Я напишу письмо, обязательно. Все некогда, загружен.

- Ничего, не надо. Я вот услышала твой голос, и на душе спокойно стало. Приезжай, сынок, поскорей.

- Хорошо, мама! Спокойной ночи.

- Спокойной ночи. Целую тебя, Сашуля!

Что-то он проголодался. Заглянул в бар и увидел восточные сладости, сохранившиеся с Новруз-байрама. И как вкусно пекут!

Он обдумывал план работы на завтра и решил немедленно встретиться с Гюлей. Чем больше он узнавал о ней от окружающих, тем больше утверждался в мысли, что она его влечет, что он думает о ней. И в то же время боится приблизиться к ней, чтоб не потерять навсегда. Может, такое же испытывал и Фуад? Может, она способна вызывать именно такое трепетное чувство, словно мираж в пустыне?!

«Не знаю, ничего не знаю, - думал Саша, лежа на диване с закрытыми глазами. – И с ней не могу, и без нее. Что же будет? Уезжать ведь скоро». А перед глазами возникал образ Гюли в синем берете с мокрым от дождя лицом, с асимметричным румянцем, с взметнувшимися в окрыленном жесте руками. «Я рада была Вас видеть» - услышал он сквозь сон...

Обычный майский вечер. Мальчишки азартно играют в футбол, а девочки стоят чуть поодаль. Ждут, когда же мяч покатится в их сторону. Они хитро перешептываются, хихикают, затевают что-то коварное.

- Гол! - вдруг раздается торжествующий крик, и мяч со свистом врезается в «ворота».

Одна из девочек хватается мяч и убегает. Ребята с гиком помчались за ней. Они бегают вокруг скамеек, перепрыгивают через них, лишь бы отобрать мяч. А девочки со смехом перебрасывают его друг другу и показывают язык мальчишкам.

Один из ребят, «шеф», вдруг остановил бесполезную беготню. Он сказал, что сам отберет мяч. Все ребяташки собрались гурьбой и стали наблюдать за «военными» действиями «шефа». А он бегал за девочкой вокруг скамейки, на которой сидели женщины, грея свои старые косточки и перемалывая чужие. Перепрыгнуть через них он не решался. Места свободного не было.

Старушки укоризненно качали головой. Другие кричали на ребят.

- Что, другого места не нашли?

- Мало им площадки. Скоро и на наших головах играть станут!

- Покоя нет от детей. И дома, и здесь...

- Спокойно поговорить не дадут.

- Ой, не говорите... - вздохнув, сказала подошедшая к ним Сария-хала.

- Такие уж дети пошли, шумливые, - с досадой добавила Тарлан-ханум.

- Все дети такие. И вы тоже были такими, - крикнула девочка с мячом.

Она все еще бегала вокруг скамейки.

- Ах ты, грубиянка! - возмутилась Тарлан-ханум. - В твоём возрасте я и рта не раскрывала!

- Потому и такая болтливая стала, бабуся! - выкрикнул «шеф». Он выхватил, наконец-то, мяч, стукнул им девочку по голове и умчался. Ребята побежали за ним на площадку.

Женщин рассмешили слова сорванца. А Тарлан-ханум стояла разъяренная и грозила дерзкому мальчишке милицией. Затем повернулась к женщинам и зло спросила:

- А вы чего гогочете? Сами-то не лучше.

- Ой, Тарлан, и чего ты злишься на детишек? - миролюбиво начала одна из женщин.

- Я ему покажу «бабусю»!

- Так вот что тебя оскорбило? - догадалась молчавшая до сих пор Захра-хала.

- Мы все - бабушки, - спокойно заметила Фатьма-хала.

- Нет уж! - капризно передернула плечами молодящаяся Тарлан-ханум.

- До бабушки мне еще далеко! - она торжествующе взглянула на женщин, желая найти подтверждение.

- Стариться не хочешь, Тарлан? - укоризненно покачала головой Фатьма-хала. - Так чего же всегда с нами сидишь?

Тарлан хотела огрызнуться, но сдержалась. Она знала: все уважают эту благородную старую женщину и считаются с её мнением. А оскорбить её - значит навсегда перессориться со всеми. Нет уж, Тарлан не такова!

- А чтоб послушать мудрых речей, - польстила она.

А Захра-хала иронически усмехнулась: «Ловко же вывернулась, чертовка!»

- Что ж, нам всем приятно это слышать, - спокойно ответила Фатьма-хала. Женщины удовлетворенно закивали.

Тут Сария-хала обратилась к Захре:

- А знаешь, сестрица, я бы тебе посоветовала отдать дочь за Айдына.

Сария-хала считала своим долгом беспокоиться за холостых жителей дома. Она просто не могла спокойно смотреть на молодых девушек. Первым делом проверяла, нет ли кольца на пальце? Ну, а если нет, то надо обязательно надеть его. И ходила, и спрашивала, и находила достойного жениха. А на свадьбе была почетной гостьей. Провожала невесту со счастливым лицом. Еще одну семью создала! В этом состояло ее призвание. Сария-хала ни разу не задумывалась о своей деятельности, не искала выгоды. Просто она иначе и жить не смогла бы. Ведь каждый раз на свадьбе ей казалось, что она выдает собственное дитя. Она была бездетной вдовой, и радостные беспокойства заполняли ее жизнь.

- Инженер, в аспирантуре учится, - деловито продолжала Сария-хала. - Один у матери. Скоро квартиру получит. Чего еще надо?

- Конечно, конечно, - оживились женщины.

- Везет же людям, - завистливо вздохнула Тарлан-ханум. - Вот для моей Ягут бы такой сыскался. Но она очень капризная.

- Нет, Сария-ханум, не хочу, - ответила Захра-хала. - Вот если б он получил отдельную квартиру, другое дело.

- Так ведь он один у матери.

- В том-то и дело. Хозяйкой в доме будет мать. А моя дочь?

- Но она сына растила, а теперь что же, должна одна остаться? – возмутилась Сария-хала.

- Все мы растили сыновей... для других. Такова природа.

- Знаешь, дорогая, - спокойно продолжала Захра-хала. - Моя дочь сама хочет быть хозяйкой в доме.

- Ай, Захра-ханум, - попыталась уговорить Сария. - Да она - золотая женщина!

- Все они «золотые» до поры, до времени. Сама была молодой, сама натерпелась от свекрови. Да и трое дочерей моих до сих пор страдают от своих «золотых».

- Да... да... - закивали женщины.

- Мне еще легче было, чем моим дочерям. Не училась я и не работала, слава Богу. Весь день хозяйством занималась. И все недовольна была свекровь. Сыну такое говорила!

- Не все же такие...

- Сейчас другое время. Женщина работает. Иначе нельзя, не проживешь. А дома ей помощь нужна, - продолжала Захра-хала. - Одни они - оба по дому будут работать. А при матери разве он займется женским делом?

- Вот-вот, точь-в-точь как мой старший зять, - вмешалась Фатьма-хала. - Хороший он человек. Поможет моей дочери и на базар сходить, и дома убратся. Это - когда они одни. А как приедет мать из района погостить, все меняется. Она ему внушает: «Ты - мужчина! Ты должен отдыхать после работы. Может, юбку оденешь? Косынкой покроешь голову?!» И он становится другим. Вот так. А ведь моя дочь преподает в институте, тоже устает, да и получает больше него.

- Ой, и не говори, соседка, - сказала Пери-хала. - Молодые поссорятся да и помирятся. Есть особая сладость в примирении. Так говорили наши отцы. А вот вмешается третий человек, добра не жди.

- Вот-вот, - кивнула Захра-хала. - Вообще молодым надо самостоятельно начинать жизнь. Чувствовать ответственность за семью. А при нас так и останутся «взрослыми» детьми.

- Трудно одним-то, - вздохнула Сария-хала.

- Пусть привыкают. Разве я живу со своими сыновьями? - продолжала Захра-хала. - Хожу к ним редко, не вмешиваюсь. Хотят меня видеть - навестят, а нет - дай Бог им здоровья!

- Такая свекровь - редкость в наше время, - съязвила Тарлан-ханум.

- Уважение к себе не каждый может заслужить, - отпарировала Захра-хала.

- Ну что ж, найди круглую сироту для доченьки, - продолжала язвить Тарлан.

- А это тебя не касается! - Захра-хала отвернулась от нее.

На Тарлан-ханум, казалось, не подействовала резкость Захры-хала. Ее даже обрадовал исход разговора. Подвинувшись поближе к Сарии-хала, она быстро зашептала ей на ухо:

- Ты, сестрица, познакомь мою Ягут с Айдынчиком. Сыграем свадьбу, я тебе такой подарок сделаю! - Тарлан-ханум резко подняла большой палец. - Ну как? - молила Тарлан.

- А мне уже все равно, - раздосадованно махнула рукой Сария-хала.

- Ну, когда же?

- Ладно, ладно. Сделаю. А о подарке... - Сария смерила ее презрительным взглядом.

Женщины помолчали. Захра-хала сидела нахмурившись. Она терпеть не могла эту выскочку Тарлан. «Посмотрела бы на себя со стороны, - думала Захра-хала. – Как бесстыдно пристраивает дочь. Тьфу!»

Тарлан-ханум договаривалась о встрече дочери с женихом. Фатьма-хала изредка делала замечания. Остальные просто слушали. В это время по двору прошла Гюля. Тарлан-ханум тотчас запричитала:

- Ох, бедняжка, и хороша собой, и умница... ну и что ж?! Зато мать того... И сама, наверное...

- И не стыдно тебе? Никто не знает, что ждет его в будущем.

- А ты не стыди. Возьми ее для своего младшего, а?

- И взяла бы... - медленно проговорила Захра-хала.

- Ох, соседка, не завирайся, - затараторила Тарлан. - Я хотела было взять бедняжку для Лятифа, потом раздумала. Сказала ей однажды об этом, а она мне: «Жалею я Вашего сына». Представляете? Она жалеет моего Лятифа?! Себя бы пожалела, а то сохнет... в девках...

- Тарлан, хватит, да! - пресекла Фатьма-хала.

Тарлан-ханум почувствовала, что переборщила.

- А я что говорю? - она сразу изменила тон. - Она такая замкнутая... не заговорит ни с кем...

- С тобой, что ли? - усмехнулась Захра-хала.

- А хотя бы со мной!

- А бледная-то какая... - заговорила одна из соседок.

- Все одна... одна...

Захра-хала больше не могла вынести присутствия Тарлан. Она встала и попрощалась.

- Уже уходишь, соседка? - засуетилась та. - Ну и я пойду с тобой.

- Зачем же? Ты еще посиди. Может, кто пройдет. Дашь очередную информацию.

Тарлан возмутилась.

- Злишься, что жениха у дочери отбила? Сплетница этакая...

- Замолчи, трещотка! - прервала ее Захра-хала. - Есть хорошая поговорка у нашего народа: «Лысый смотрит в зеркало, думает: все лысые».

- Довольно! - резко остановила их Фатьма-хала. - Стыдно, стыдно за тебя, Тарлан! Пойдем, Захра-ханум. Дуракам в ответ - молчание.

Обе женщины направились к своему подъезду. За их спиной шушукались соседки. Тарлан-ханум была, конечно, заводилой.

- Я уверена, сейчас о нас судачат, - прервала молчание Захра-хала.

- Не обращай внимания. Дурой была, дурой и осталась! - успокаивала ее Фатьма-хала.

- Хорошо бы, если только дура. Так ведь грязная... И к чему не прикоснется – все отравит!

- Святой колодец не замутишь! Зайдем ко мне, - предложила Фатьма-хала.

- Как-нибудь в другой раз. Мои скоро придут. Надо подогреть обед.

- Что ж, до завтра.

- Пока... Да, вот что. Надо постараться теперь почаще навещать Наргиз-ханум. Выкарабкалась она еле-еле...

- Да, да. Обязательно. Фируза-таки выходила ее. Шутка ли?!

- Ну пока.

Женщины разошлись по квартирам.

Гюля шла на концерт в филармонию. Сегодня прозвучат симфонии: 5-я – Бетховена и 6-я - Чайковского в исполнении греческого дирижера Паридиса. Он впервые приехал в Советский Союз и, судя по отзывам музыкантов, это необыкновенно эмоциональный дирижер с удивительно пластичными руками.

Гюля часто бывала на симфонических концертах не только приезжих дирижеров, но с удовольствием слушала и Ниязи. Особенно его интерпретацию 4, 5 и 6-й симфоний и «Ромео и Джульетты» Чайковского, «Шехерезады» Римского-Корсакова, 5-й симфонии Бетховена, «Лейли и Меджнуна» Караева. Это были, кстати, любимые симфонические произведения Гюли. Она слушала. Забывалась. Черпала силу и вдохновение. Когда ей становилось особенно тяжело, она ходила на концерты. Садилась, обычно, в бельэтаже на первый ряд: там лучше всего было слушать.

В антракте она выходила в фойе, становилась у стены и задумчиво оглядывала всю публику, которая гуляла по замкнутому кругу. Здесь были разные люди. Разодетые по последней моде любители музыки, которые приходили в филармонию не столько слушать музыку, сколько показать свои наряды. Они первыми выходили во время антрактов в фойе и последними заходили в зал.

Серьезные профессиональные музыканты, профессора, критики отличались сосредоточенностью, завидной собранностью. Все в них подчинялось музыкальному восприятию. В фойе же они обычно становились в круг, обсуждая только что прослушанное, сравнивая интерпретацию произведения разными дирижерами.

Гюля очень любила эти беседы, ибо черпала из них для себя много новых мыслей, самобытных суждений. Она старалась стать поближе к этому

кругу людей, чтоб слышать их разговор.

Очень шумными, неугомонными были студенты консерватории. Гюля с интересом наблюдала за ними. Живость их восприятия, горячие споры, где сталкивались противоположные суждения, категорические высказывания, были в чем-то близки ей. Иногда Гюле казалось, что и она мысленно участвует в их спорах. Консерваторская молодежь напоминала ей годы учебы в Ленинграде. Тогда и она горячо спорила, делаясь своими мыслями с коллегами по искусству. Все это сейчас казалось далеким и неправдоподобным...

Гюля села на свое привычное место и стала разглядывать публику. В зале стоял привычный гул голосов и настраиваемых инструментов. И вдруг она увидела Севду и Назу. Они спешили занять свои места в партере.

К ним подошел высокий парень, что-то сказал. Они поднялись и прошли в бельэтаж. «Только этого не хватало, чтоб уселись рядом со мной», - недовольно подумала Гюля. Она не терпела болтовни во время концерта. А эти вряд ли будут молчать.

- Здравствуйте, - услышала она голос Саши. - Разрешите присесть?

Гюля пожала плечами.

- Привет, дорогая. Мы не помешаем? – весело спросила Наза.

- Будем надеяться, - холодно ответила Гюля и отвернулась в противоположную сторону.

«Ну вот, началось. Теперь будут задавать вопросы. Не дадут сосредоточиться. Что это за привычка - без конца втроем попадаться ей на глаза? Неужели не могли прийти в другое время? Назе же все равно, что слушать».

Гюля не любила отвлекаться во время исполнения. Когда она слушала, то вся была во власти музыки. Музыкальные образы рождали скульптурные композиции. Она живо представляла готовыми еще не созданные свои работы. И этот процесс давал ни с чем не сравнимое эстетическое наслаждение.

- Простите, можно программку? - осторожно спросил Саша. Он сел рядом с ней. Дальше расположились Севда и Наза.

- Пожалуйста, - Гюля протянула программу. Он быстро просмотрел ее и вновь обратился к Гюле.

- Вы любите 6-ю симфонию?

Гюля кивнула. «А кто ее не любит?»

- А мне больше по духу 4-я.

- Не любите трагедий?

- Я просто оптимист по натуре. Когда человеку плохо, он должен идти в массы, в народ. Жизнь возьмет свое, горе забудется. Человек становится счастливым хотя бы потому, что вокруг бурлит жизнь.

- Кому что. Мне ближе трагедийность 6-й. Особенно финал.

- Почему Вас влечет трагедийное начало в музыке?

- Трагедия очищает душу.

- Но ведь в финале гибель всех надежд, смерть героя?!

- Не слишком ли много вопросов? Я люблю слушать симфонию молча, - отрезала Гюля, когда зазвучали первые аккорды вступления. И тут же пожалела о своей грубости: «Вот не хочу ему грубить, а все тянет, сдержаться не могу».

Леденящая душу тема вступления эмоциональными волнами возникала из низкого мрачного регистра. Гюля слушала, закрыв глаза. Она сразу забыла про все на свете. Все кануло в пропасть...

Саша внимательно слушал, наблюдая за руками дирижера. И только когда прозвучала тема побочной партии, он вдруг взглянул на Гюлю и поразился ее осанке и классической красоте. Обычно бледная, она сидит, чуть запрокинув голову, закрыв глаза. Волнистые волосы ниспадают на плечи, обрамляя классический профиль. Длинные, чуть изогнутые ресницы отбрасывают тень... Саше вдруг так захотелось взглянуть ей в глаза. Интересно, какие они сейчас. Саша не мог оторвать взгляда.

- Как Вы прекрасны! - восторженно прошептал он.

Гюля вздрогнула, будто очнувшись от своих грез. Она повернула голову и посмотрела сквозь него. Саша не отводил восторженного взгляда. Он увидел ее глаза: светло-карие, миндалевидные, чуть влажные.

- Как Вы прекрасны! - независимо от себя повторил Саша.

А Гюля все еще во власти музыки продолжала смотреть ему в глаза. Вдруг яркий асимметричный румянец залил ее мраморно-бледные щеки. Она опустила глаза и перевела взгляд на дирижера.

Руки Паридиса, вся его подтянутая фигура, казалось, парили над оркестром. Он как бы давал пластический образ трепетной побочной темы симфонии, с ее ниспадающими рыдающими интонациями, эмоциональными взлетами человеческой души и последующим падением. Это было великолепное зрелище! Гюля впервые видела такое!

Она смотрела, замороженная как бы ожившей скульптурой дирижера и изумительной по красоте мелодией. И почему-то не могла уже больше повернуться в сторону Саши. Ей вдруг захотелось убежать, спрятаться куда-то! Сердце гулко стучало, и Гюле казалось, что он может услышать это.

А Саша все смотрит и смотрит на нее замороженно. Что-то с ним вот сейчас происходит. Будто ударило молнией и осветило сознание! То ли от воздействия музыки Чайковского, то ли от неожиданной красоты Гюли он даже не понимал, что шептала ему Севда. Просто кивал ей...

Кончилась симфония. Зал взорвался аплодисментами! Долго, очень долго не смолкавшими. Публика бисировала, потрясенная дирижером. А он, бледный, кланялся и что-то шептал, вроде «спасибо».

Возбужденные слушатели выходили в фойе. Наза и Севда поторопили Сашу.

- Ну, пойдёмте, Сашенька. Выпьём немного шербета.

- Сейчас, одну минуту.

Он обратился к Гюле:

- Не присоединитесь ли Вы к нам?

- Нет, благодарю, - ответила Гюля, не поднимая глаз.

- Жаль, очень жаль, - со вздохом ответил Саша, и девушки увели его с собой. Гюля неприязненно посмотрела им вслед.

Она поднялась с кресла и тихонько прошла через бельэтаж к лестнице, ведущей к амфитеатру. Она почувствовала, что не сможет больше сидеть возле Саши. Он так пристально смотрел. Так искренне восхитился ею, что она просто не сможет спокойно слушать музыку. «И вообще, подальше от эмоций!» Но почему-то ей было больно, что все-таки ушел с ними. Ушел, а не остался с нею...

Гюля не нашла свободного места. Боже мой, неужели придется стоять все второе отделение? Может, все же спуститься вниз? У Гюли опять забилось сердце, когда она представила взгляд Саши. Но в душе горела обида, может, оттого, что Саша был не один? Опять с «ними»? Хотя, что ему она, Гюля?

Зрители постепенно занимали свои места. Гюля отошла к стене и встала. Она не понимала, почему она здесь. Почему ушла, но спуститься в бельэтаж уже не могла.

Вышли оркестранты на сцену. Встал за дирижерский пульт Паридис. Грянули удары «судьбы» Бетховенской симфонии. Гюля постепенно успокоилась, уходя мыслями в образную сферу музыки, как вдруг почувствовала прикосновение чьей-то руки.

Саша стоял, виновато краснея, что-то шептал. Она недоуменно пожала плечами. Тогда он склонился к ней и прошептал:

- Вы ушли из-за меня?

Она ничего не ответила. Волнение, как тиски, сжало горло.

- Пойдемте вниз, сядем на свои места.

Гюля отрицательно покачала головой.

- В таком случае, я постою здесь с Вами.

- Нет, нет, Вас ждут девушки! - шепотом сказала она.

- Они торопились на семейное торжество.

- Что же они Вас не забрали?

- Я не пошел! Мне надо побыть с вами!

Тяжесть спала с сердца Гюли. Чувства обиды - как не бывало. Ликующая радость захлестнула ее. Вдруг ей захотелось кружиться, смеяться... Она закрыла глаза, стиснула зубы и глубоко вдохнула, чтоб успокоиться. Нельзя же выдать свое волнение, чтобы он мог подумать... «Спокойно. О работе и только о работе буду говорить с ним». Гюля спокойно взглянула на него и тихо сказала:

- Давайте дослушаем.

Он покорно подчинился, только встал чуть позади нее. Она ощущала на себе его взгляд и не могла себя чувствовать свободно, раскованно. Она слушала Бетховена и не слышала звуков. Она воспринимала музыку, как какой-то конкретный зримый образ собственной «судьбы», который взволнованно дышит, не отводя от нее взгляда. Это было и жутко, и прекрасно! Мгновение, остановись...

После концерта они пошли пешком до самой троллейбусной остановки. Саша все говорил и говорил, восхищенно вспоминая о дирижере, оркестрантах. Он, казалось, боялся умолкнуть. Гюля остановилась. Саша спросил:

- В чем дело?

- Я здесь сяду в троллейбус, - просто ответила Гюля, хотя ей так не хотелось уезжать.

Ну вот, почему она делает как бы назло себе? Ей ведь не надо спешить. Ей нравится идти с ним рядом...

- Разрешите мне внести предложение, - заторопился Саша.

- Разрешаю, - улыбнулась Гюля и стала искать глазами троллейбус. - «Ну зачем я выискиваю эту дурацкую машину? Куда я тороплюсь?»

- Наконец-то Вы улыбнулись! - обрадованно констатировал Саша. - Давайте-ка пойдем пешком до следующей остановки. Еще рано, только одиннадцатый час. Вы подышите весенним воздухом.

Саша взял ее под руку и, радуясь тому, что она не отдернула локоть,

осторожно повел ее вниз по Коммунистической.

Он много говорил о концерте, о своих бакинских впечатлениях. Стал почему-то рассказывать о себе, о московских друзьях, о матери, которая всегда скучает, когда он надолго уезжает из дома. «Господи, только бы она не остановилась на следующей остановке, - думал он. - Только бы не ушла!»

Гюля вдруг представила, как будто она его знает давно-давно. Как ей хорошо с ним! Вот так просто идти... И не хочется, чтоб этот путь кончился. Но... она поблагодарила его и хотела проститься, не заходя во двор. Саша не мог не проводить ее хотя бы до подъезда. Гюля согласилась. Так не хотелось расставаться с ним. Они прошли через весь двор. Слава богу, никого из завсегдаево не было. Гюля облегченно вздохнула. И только когда подходили к подъезду, она вдруг нервно сжалась, побледнела и, быстро остановившись, резко сказала Саше:

- Уходите!

- Как же так?

- Идите же! Не надо меня больше провожать!

- Гюля, что с Вами? Что случилось? - недоумевал Саша.

- Ну, идите же! - дрогнувшим голосом произнесла Гюля.

Он протянул руку для прощания, а она уже повернулась и побежала в подъезд. Саша, ошеломленный, посмотрел ей вслед и только тогда заметил у подъезда худую женщину, в упор смотревшую на него огромными глазами...

Саша нерешительно постоял. Ему было непонятно поведение Гюли. Ведь было так хорошо! Они прошли пешком почти через весь город от филармонии до парка пионеров. И все это время Гюля была такая оживленная. Что с ней произошло? Как грубо, резко вдруг она простилась с ним. Вернее, прогнала его! Он повернулся и пошел прочь. Он шел пешком по улице Самеда Вургуня вниз, к проспекту Кирова, к бульвару.

Саша начал восстанавливать мысленно всю беседу с Гюлей. Может, он что-то допустил в разговоре, какую-нибудь бестактность? Кажется, нет! Она не хотела, чтоб он проводил ее до подъезда. Но во дворе никого из соседей

не было. В столь поздний час? И все же. Когда же она резко прогнала его? Да, да. Когда они подходили к подъезду. Она даже не простилась с ним. Убежала, изменившись в лице. Нет, что-то все же произошло. «Она, действительно, странно ведет себя», - подумал Саша и почему-то вспомнил «странный» отзыв о ней Севды и Назы.

Очевидно, она так резка бывает и с другими. Отчего у окружающих ее товарищей такое отношение к ней? Правда, Фуад высоко отзывался о ее самобытном таланте и вообще о ней. И все же... Почему она вдруг... Он остановился. Ну, конечно! Эта женщина с огромными глазами, которая так пристально смотрела на него. Гюля пробежала мимо нее, даже не обратив внимания. Кто она? Соседка? Родственница? Вот, вот. Гюля, очевидно, заметила ее раньше Саши и испугалась...

Размышляя, Саша дошел до гостиницы, поднялся к себе в номер. Взялся за телефонную трубку, чтоб позвонить Гюле. Но вдруг вспомнил, что он не знает даже ее телефона, хотя много ему известно о ее родителях и ее личной жизни. Где же узнать номер ее телефона? Может, позвонить Назе или Севде? Хотя вряд ли они окажутся дома. Они где-то у родственников на торжестве... И потом очень поздно. Первый час ночи...

Он лег поверх застеленной кровати и, заложив руки за голову, закрыл глаза. Он живо представил себе одухотворенное лицо Гюли, ее классический профиль, ее миндалевидные глаза. Ему до боли вдруг захотелось быть рядом с ней. Слышать ее голос. Видеть ее. Чувствовать.

Он задышал взволнованно. Горячая волна поднималась и окатывала его всего. Он повернулся на живот, спрятал лицо в подушку, крепко обхватив ее руками. В голове звучала побочная тема симфонии. Сердце гулко стучало. Кровь отдавалась в висках. Тело напряглось. Он тихо прошептал в подушку имя Гюли. Потеря щекой о белоснежную наволочку. Ему вдруг до жути захотелось крепко прижать к себе Гюлю, поцеловать ее бледное лицо, ее губы, шею... Он даже представил испуганный взгляд ее огромных глаз.

Он мысленно погладил ее волосы, ощущая тонкий аромат, исходивший

от нее, аромат женского тела, любимого, желанного...

- Нет, это невозможно! - Саша вскочил с кровати, вспотевший, взбудораженный. - С ума тут сойдешь!

Он быстро шагнул к балкону. Настежь распахнул двери. Зашел в ванную. Открыл холодную воду и подставил голову под кран. Волнение постепенно улеглось. Саша обтер полотенцем волосы и лицо. Вышел на балкон. Закурил. Посмотрел на море.

Вдоль Каспия тянулась полукругом яркая цепочка огней. Как огромный амфитеатр. А там, дальше... Темнота ночи сливалась с морем. И где-то посреди моря, на отдельных его участках, пучками светились огни. Это морские буровые. Как оазисы в пустыне, они среди ночной мглы светятся, отражаясь в волнах.

В мастерской Гюля любила работать во второй половине дня, когда на проспекте становилось тише. Она задумалась над тем, что же представить к очередному вернисажу?

Утром на пленуме Союза художников обсуждалась творческая задача – отобразить в произведениях величие идеи Октябрьской революции, плодотворное воплощение их в действительность. Работы должны экспонироваться на выставке, посвященной пятидесятилетию Великой Октябрьской социалистической революции. Помимо этого, серьезное внимание уделялось и предстоящим юбилеям: 100-летию со дня рождения В.И.Ленина и 50-летию установления Советской власти в Азербайджане. Правда, есть еще целых три года впереди, но уж очень тема серьезная и ответственная.

Гюле давно хотелось изобразить в скульптуре звучащую музыку... Вернее, ее отражение в пластической скульптуре дирижера. В его лице, экспрессивной позе. Взмахе рук.

Гюля вспомнила, как она впервые услышала 4-ю симфонию

Дж.Гаджиева «Памяти Ленина». Симфония потрясла ее необычайной внутренней силой, философской глубиной. Мощный темперамент, казалось, был скован гранитными волевыми тисками... Величием мысли, исполинской силой, глубокой человечностью и простотой обладала симфония.

Гюле особенно понравился высокий уровень мастерски претворенного синтеза мугамной импровизации и полифонических приемов. Если ко всему этому добавить пылкую натуру Ниязи, дирижера необычайных страстей и железной логики, его удивительные руки - станет понятно то огромное впечатление, которое оказала симфония на слушателей.

Гюля вспомнила, как долго бисировала потрясенная публика и вызывала на сцену дирижера и автора симфонии, маленького, скромного человека с большой душой и философским мышлением.

- Конечно, Гюля вылепит скульптуру Ниязи. Звучащую скульптуру.

Надо прослушать симфонию несколько раз в записи. Знать ее хорошо. И потом уже прикинуть, как все это будет. А работу она назовет «Симфония «Памяти Ленина». Она живо представила, как скривится в усмешке лицо Назы. «Опять подкинула что-то необычное». Недоуменное выражение лица Фуада - «Почему именно симфония? Просто - Ниязи». Севда постоит, подумает. Обойдет скульптуру много раз со всех сторон. Помолчит. А потом подойдет и глубокомысленно произнесет: «М-да... Своеобразно...» Отчего станет ясно, что она, может, и не одобрила, но признала право автора на свое оригинальное, личное, но оценила... А что скажет он?

После вчерашнего концерта мысли ее постоянно возвращались к Саше. Как он воспринял ее резкость? А все было так хорошо! Впервые за последнее время она почувствовала себя легко и непринужденно. Саша понравился ей еще в первую встречу. От него веяло врожденной интеллигентностью. А во время концерта она вдруг осознала, что нравится ему. Гюля вспомнила его восторженный взгляд. А что, если это было результатом воздействия музыки Чайковского? Как он прошептал «прекрасны»... «Вы прекрасны»...

Гюля подошла к зеркалу и внимательно всмотрелась в свое лицо.

Раздался стук в дверь. Гюля вздрогнула. Сердце бешено заколотилось.

Это он! Он! Стук повторился. Гюля не двигалась. Ей так хотелось, чтоб дверь оказалось незапертой. Чтоб Саша вошел сюда, к ней. Но что она ему ответит? Как объяснит вчерашнее?

- Гюля, откройте, пожалуйста! - раздался долгожданный голос Саши.

- Да нет ее, она ушла уже, наверное, - предположила Севда.

- Как же! Ушла, - с иронией в голосе сказала Наза. - Обычная история.

Заперлась и не открывает.

Гюля горько усмехнулась: «Зачем он, собственно, стучит? Чего добивается? И вообще, что это она себе вбила в голову? Понравилась ему! Понравилась, как же! И поэтому он приходит к ней с этими девчонками».

И она стала лихорадочно делать наброски...

В девятом часу Гюля возвращалась домой. Она смертельно устала. Так всегда было после творческих исканий. Она чувствовала себя опустошенной. Казалось, забыла про свои недавние чувства.

Теперь она загорелась новой темой. «Мне теперь будет не до всяких там сентиментов». Настоящее удовлетворение получала она только от творческого процесса. А что до чувства? Любви? Симпатии? Так это ей, наверное, показалось. «Во всем виноват Чайковский», - улыбнувшись, успокоила себя Гюля.

Она шла по двору. Даже в сумерках белыми кружочками выделялись цветы вишен и абрикосов. Старушки что-то изменили своей привычке сидеть на скамейке. Встали в круг и что-то горячо обсуждали. Пришлось пройти мимо них.

- Здравствуйте! - обратилась ко всем присутствующим Гюля.

- Здравствуй, доченька, - отозвалась Фатьма-хала. - Как здоровье? Как себя чувствуешь?

- Хорошо. Спасибо, - ответила Гюля.

- Сегодня сваты придут обручать дочку Тарлан-ханум, - весело выпалила Сария-хала.

- Счастья ей, большого человеческого счастья, - пожелала Гюля. Она не хотела обратиться лично к Тарлан-ханум. Та побагровела от злости.

- Счастье должно быть вовремя! - зло сказала она. - Дай Бог и тебе. Может, настанет такой, наконец, день?!

Гюля ничего не ответила. И пошла дальше.

- От зависти даже не поздравила меня лично, - недовольно зашипела Тарлан-ханум. - Сохнет в девках!

- Прекрати, слышишь?! - угрожающе двинулась на нее Сария-хала. - Как тебе не стыдно. И в такой-то день?!

Сария-хала от досады повернулась и хотела уйти. Тарлан-ханум не на шутку испугалась. Она обняла быстро Сарию-хала и залепетала:

- Ну, не буду... не буду... Что я ей такого сказала?

- Если б она только захотела... - Сария-хала покачала головой.

- Все воображает из себя, - обрадовалась Тарлан-ханум, что можно продолжать обсуждать Гюлю. - Мой сын ей плох! Статный, красивый. Чем не жених? А она – нос воротит!

- Да не от сына твоего, - уточнила Захра-хала, - а от тебя, милая!

Тарлан-ханум повернулась к ней, чтоб ответить. В этот момент с включенными сиренами въехали во двор несколько машин.

Тарлан-ханум побежала домой. Встречать сватов. А женщины стояли полукругом, обсуждали, чего и сколько принесли для невесты.

Каждая из приехавших женщин в руках несла поднос, украшенный розовыми лентами, доверху наполненный шоколадными конфетами. Шли и с плетеными корзинами, полными «ногула»; у одной из женщин был большой «кэллэ-генд» - монолитный кусок сахара в форме ладьи. У другой - сделанный из «набата» большой цветок, пестик которого украшали свечи. Это было так искусно сделано, что все заулыбались. «Надо бы такой и нам заказать, когда пойдем на обручение», - подумали женщины.

Заиграли музыканты, и вся эта шумная, веселая процессия пошла к подъезду. И все-таки приятная вещь - такие обряды. Все торжественно,

красиво. Народ показывает свой художественный вкус в их оформлении. Впрочем, хорошо, когда жизнь, начатая так сладко, продолжается в том же ключе... А это, к сожалению, бывает не часто...

На лестничной площадке Гюля пропустила эту процессию и только потом отперла дверь. Привычным движением зажгла в коридоре свет. Переделалась. Пошла к бабушке. Спросила о здоровье.

- Что ты так поздно, внученька?

- Работала. Устала. Ужасно спать хочу.

- Поешь, Гюля.

- Не хочется.

- А ты заставь себя. Иди. Поешь. Совсем уже дошла...

- Хорошо.

Она пошла на кухню. Там сидела Фируза. Казалось, думает о чем-то. Гюля прикоснулась к чайнику. Ого! Горячий. Налила стакан крепкого чая. Села. И стала пить чай, закусывая пахлавой.

- Мама, налить тебе тоже? - тихо спросила Гюля.

Мать подняла на нее глаза. Нет. Не тот взгляд, когда она бывает одержима ненавистью. А совсем другой. Задумчивый. Добрый.

- Что, дочка?

Дрожь пошла по телу. «Дочка». Так мать говорит, когда у нее все проходит на время.

- Налью-ка я и тебе чай, мама! - Гюля быстро налила чай и осторожно поставила перед матерью. Подвинула ей пахлаву. Гюля уже знала, что в такие минуты с матерью можно говорить о чем угодно! Она с удовольствием слушала восторженные отзывы Гюли о Паридисе.

- Ты вот говоришь о Паридисе, а я вспоминаю концерты очень молодого тогда Ниязи. Мы, студенты физмата, не пропускали ни одного концерта с его участием. Это какой-то самородок! Необычайный талант! А ведь он тогда был самоучкой-дирижером. Я помню, какие отзывы писали о нем в газетах...

Фируза ушла в воспоминания. Рассказывала долго. Сетовала, что ей не разрешают работать. Какие бы лекции она читала! Как загоралась бы сама и как увлекала бы студентов! Гюле и самой иногда казалось, что если бы мать работала, не так часто мучали бы ее эти проклятые приступы. Она поражалась ее памяти.

- Mamochka, a сегодня обручение у Ягут, - объявила Гюля.

- Да, я слышала. Тарлан, наконец, угомонится.

- Ягут хорошая, приветливая девушка.

- Не удивительно: эта фурия не кормила ее своим ядовитым молоком, - презрительно усмехнулась Фируза и вдруг спросила:

- Доча, а кто это провожал тебя с концерта?

Гюля смутилась, покраснела. Ответила не сразу:

- Так. Приезжий искусствовед. Из Москвы. Он здесь в творческой командировке. Изучает работы азербайджанских коллег.

- Приятный молодой человек.

Гюля пожала плечами.

- Ну что ж, пойду-ка я спать, мама. Устала, как черт! - Гюля счастливо улыбнулась. «Всегда бы так!» - подумала она.

- Иди, доченька, поспи. А я еще почитаю.

Фируза всегда много читала и была в курсе событий. Гюле вдруг так захотелось приласкаться к ней. Она присела на корточки и положила голову на колени матери. Фируза погладила ее рассыпавшиеся волосы, провела рукой по щеке. Гюля поймала ее руку и прижалась к ней губами. Фируза подняла ее голову, приблизилась к ней и поцеловала в лоб.

- Иди спать, девочка. Иди...

Гюля, безмерно счастливая, пошла в свою комнату. Она не заперла дверь. Легла на тахту... Посмотрела на портрет отца. «Видишь, как хорошо? Мать любит меня. Любит!» - мысленно обращалась она к отцу...

Прошла неделя с того вечера, когда Саша провожал Гюлю. Он был загружен до предела. Но все же находил время к концу дня, чтоб постучаться к Гюле в мастерскую. Она не открывала. Не отзывалась. Работала допоздна. Саша не знал, что делать. Время шло. Чувство его с каждым днем крепло.

Он мысленно беседовал с Гюлей. Представляя себе, как они оба, счастливые, приедут в Москву. Как их встретит мама. Он так увлекался в мыслях, так рисовал себе свое будущее, что уже верил: «Иначе и быть не может!» Верил в то, что он не может без Гюли. Он должен с ней объясниться! Должен! А она не хочет видеть его. Не отвечает даже на стук. Может, он ей вовсе не нравится. А что, собственно, было, чтоб нравился? Ну, концерт, прогулка через весь город. Беседа. Ну и что? И он внушил себе, что нравится ей. Нет, надо с ней встретиться. Надо поговорить. Хотя бы сегодня. Больше нельзя откладывать. Командировка его скоро кончается. Что тогда? Как он будет без Гюли? Нет, нет. Он дождетя ее сегодня.

Так Саша оказался к девяти часам у дома Гюли. Он издали увидел, как она выходила из троллейбуса. Идет! Саша сжал руки в кулаки. Надо успокоиться. Сейчас или никогда!

Гюля шла медленно, задумчиво. Остановилась, когда Саша преградил ей дорогу.

У Гюли гулко застучало сердце. Она вдруг поняла, как много он для нее значит!

- Здравствуйте, Саша, - дрогнувшим голосом произнесла она.

- Добрый вечер, Гюля. Я должен с Вами поговорить.

- Не надо. Я устала. Потом...

- Нет, не потом, сейчас! - Он взял ее под руку. Она хотела пойти во двор, но Саша крепко держал ее за локоть.

- Пойдемте, - тихо сказал он и увлек вверх по улице.

Сразу же за домом Гюли начинался бульвар, который тянулся до самого Черного города. Заканчивался он Детской железной дорогой.

- Саша, что с Вами? - встревожилась Гюля.

- Ничего, ничего... - ответил Саша и продолжал вести ее по аллее парка.

Гюля резко остановилась.

- Дальше я не пойду. Там... темно.

- Хорошо, давайте присядем.

Они сели на скамейку. Гирлянды лампочек, тянувшиеся над самой серединой парка, не могли полностью осветить центральную аллею. Там, где стояли скамейки по краям аллей, был полумрак. Удобно для влюбленных.

- Саша. Я очень устала. Я пойду.

- Нет, нет. Ни в коем случае. - Он, казалось, мучительно думал, с чего начать разговор.

- Почему Вы меня избегаете?

- Зачем же? - Гюля пожала плечами. - Просто много работы.

- Не отзываетесь на стук, хотя вы в мастерской.

- Я увлекаюсь и не слышу.

- Нет. Вы знаете, что это я, и поэтому не открываете! Так ведь?

Гюля молчала. Что она могла ему ответить?

- Неужели я Вам неприятен? - с болью в голосе произнес Саша. - Я ведь давно мысленно с Вами, думаю о Вас. Чувствую Вас. Стоит мне закрыть глаза, и передо мной Вы в берете, с мокрым лицом. Помните тогда в машине Али-Гейдара? А иной раз я Вас вижу такой восторженной, как в филармонии. Ваш образ меня не оставляет. Я не могу мыслить себя без Вас. Со мной никогда такого не было. Это сама судьба, Гюля! Я верю в это! Я люблю Вас! Люблю и не могу без Вас! Поймите!..

Гюля молчала. Она не могла ответить. Не могла солгать. Не могла сказать и правды.

- Значит, я неприятен Вам, - упавшим голосом проговорил Саша. - А я, болван, внушил себе, что не безразличен Вам. Я мучаюсь. Не могу! Не могу думать, работать, не поговорив с Вами. Я не знаю, как это бывает у других, но мне никак без Вас нельзя. Никак!

Он замолк, руки его продолжали сжимать локоть Гюли. Другую руку он то сжимал в кулак, то разжимал.

Гюля сидела молча. Что ей ответить? Он ей нравится. Да, нравится. Даже очень! Но как быть... с мамой, бабушкой? А если Саша узнает о матери, что тогда?

- Гюля! Милая! Дорогая! Любимая! Скажите хоть слово! - Он осторожно повернул ее лицо к себе. Заглянул в глаза. - Милая, - прошептал он, погладил ее лицо и вдруг почувствовал, что щеки ее стали мокрыми. Гюля судорожно вздохнула, закрыла лицо руками. Саша испугался.

- Гюля, я Вас обидел? Обидел? Простите, простите, ради Бога! - Он лихорадочно целовал ее руки, закрывшие лицо.

- Саша, Вы... хороший...

Саша отнял ее руки, нежно поцеловал в глаза. Обнял ее, покрывая поцелуями щеки, губы, шею.

Гюля не сопротивлялась, наслаждаясь трепетным, нежным чувством...

- Гюля, мы поедем в Москву... к маме... Мы поженимся... Я уверен: она тебе понравится, - говорил он и продолжал целовать ее нежно, восторженно...

... Саша проводил Гюлю до самых дверей. Они еще немного постояли на лестничной площадке. Не хотелось расставаться.

- Ну, я пойду, - прошептала Гюля.

- Сейчас, еще минуточку. - Он целовал долго, нежно ее руки. Он не мог оторвать взгляда от нее.

- До завтра, дорогой.

- До завтра, - и не отпускал ее руки. Раздался шорох за дверью соседки.

Гюля быстро отняла руку. Сконфузилась.

- Что опять случилось? - встревожился Саша.

- Ничего. Просто соседка за дверью слушает и наблюдает в глазок, - прошептала Гюля.

- Ах так? Сейчас выясним!

И не успела Гюля остановить его, как он подошел к двери Тарланханум и толкнул рукой. Кто-то охнул и грохнулся на пол. Дверь быстро захлопнулась.

Саша показал, какая у соседки будет шишка. Оба прыснули.

- Тс-с-с..., - Гюля приложила палец к его губам.

- Ам... - Саша пересчитал губами ее пальцы.

Наконец, они пожелали друг другу спокойной ночи...

Саша шел окрыленный. Разве он заснет сегодня?! Надо заказать срочный разговор с мамой. Обязательно!

Он влетел по лестнице к себе в номер. Зазвонил телефон. Саша схватил трубку, надеясь, что это Гюля.

- Привет, полуночник, где тебя носит? - услышал он голос Али-Гейдара.

- Да так... гулял.

- Загулял совсем! Я заказал тебе билет на самолет, на послезавтра.

- Ах черт! - разозлился Саша и подумал: «Как это некстати».

- Что случилось? Что ты чертыхаешься?

- Да так, заноза попала.

- От телефонной трубки?

- От дуба, - отрезал Саша и постарался побыстрее отделаться от товарища.

Было уже около часа ночи, когда Саша, приняв ванну, подсел к телефону. «Сейчас заказывать разговор нет смысла. Маму беспокоить среди ночи». Саша лег в постель и моментально заснул.

С самого утра Саша пошел в Союз художников оформлять командировочные документы. Потом некоторое время сидел над материалами, которые собрал в Баку. По приезде в Москву надо будет писать большой отчет о проделанной работе. Он упорядочил записи, затем зашел к

секретарю Союза художников.

У «первого» сидели долго. Разговор шел деловой, творческий. Заглянул в кабинет и Тогрул. Саша полюбил его творчество. Каждая картина Нариманбекова - плод долгих размышлений. Несколько десятков этюдов, набросков, проб. Только после кропотливой подготовительной работы Тогрул приступал к написанию картины. И тут все шло на одном дыхании. Он мог писать днями, ночами. По несколько суток, пока не закончит полностью картину. Затем шел период критического осмотра. Он подолгу смотрел на готовую работу со всех точек. Отходил на расстояние. Приближался. Добавлял мазки. Снова удалялся. И так продолжалось до тех пор, пока картина не удовлетворит его полностью.

Саша часто проводил свои часы у него в мастерской. Хорошо изучил творческую манеру Тогрула. Он очень нравился Саше как общительный интеллектуальный человек, как друг. Тогрул прекрасно разбирался в музыке, поэзии, что особенно сближало Сашу с ним.

Беседа у Юсифа Мамедовича сопровождалась чаепитием. Подошедший вскоре Таир предложил устроить проводы Саше. Прямо сейчас. Заполучив согласие присутствующих, он куда-то позвонил.

Саша взглянул на часы. Еще только двенадцать. Если часа два-три протянутся проводы, у него будет возможность встретиться с Гюлей вечером. «Необходимо сегодня же обговорить с ней некоторые формальности, так называемые оргвопросы».

- Простите, мне надо позвонить.

- Звони, звони, - секретарь подвинул к нему телефон.

- Да нет, я на секунду выйду. Позвоню оттуда. - Саша смущенно улыбнулся, встал с кресла.

- Ого, Александр, да у тебя секреты. Быстрый ты парень! - с улыбкой произнес Тогрул.

- Ну что Вы? Это деловой разговор, - начал было оправдываться Саша.

- Ну не «деловых» разговоров у нас не бывает, - добавил Таир,

подмигнув Тогрулу. - Даже если это касается...

- Жизни, всей моей жизни! - прервал его Саша.

- Это становится интересным, - произнес Тогрул.

- Предложение можно? А что, если мы сегодня ему и свадьбу сыграем?

По-нашему. По-азербайджански! - предложил Таир.

- С удовольствием, но мне надо получить ее согласие, - ответил Саша. - Твердое.

- Так ты еще не сделал предложения? - изумился Тогрул. - И уже считаешь, что это вопрос жизни?

- Да... это слишком серьезно! Брюнетка... блондинка... Шатенка... - гадал Таир.

- Брюнетка, брюнетка, - ответил Саша и пошел к дверям.

- Познакомь, я хочу знать, какие женщины в твоём вкусе.

- Только после свадьбы, - категорически ответил Саша.

- Все. Еду в Москву! Буду там жить! Работать! И ждать! Ждать, когда меня познакомят с мадам Крыловой! - патетически произнес Таир.

- Ну, ладно, ладно, пошутили и хватит, - прервал их Юсиф Мамедович.

- Иди, Саша, звони.

Саша вышел из кабинета. Подошел к столу секретарши. Набрал номер. Попросил к телефону Гюлю. Она очень обрадовалась его звонку.

- Соскучилась?

- Конечно, соскучилась.

- Мне надо сообщить тебе серьезное известие.

- Разве все, что было вчера, не серьезно?

- Как ты могла об этом подумать!

Саша был вне себя от восторга.

- Честно говоря, я боялся услышать официальность в твоём голосе.

Она засмеялась.

- Гюленька, мне здесь устраивают проводы. Не хотела бы ты присутствовать в качестве моей невесты...

- Нет, нет, не нужно так сразу.

- Почему? Я так счастлив, радость моя!

- А там будут Наза и Севда? - нерешительно спросила Гюля.

- Ну что ты? Только секретарь и Тогрул с Таиром. Это, кстати, его идея.

- Все равно, Сашенька! Ты иди. Мы встретимся позже.

- Ты где будешь? Дома? На работе? Куда мне звонить?

- Дома. Я сегодня рано уйду. Хочу отдохнуть, чтоб лучше выглядеть... для тебя, - добавила уже шепотом Гюля.

- Ты прелесть!.. Целую! Люблю! Очень!..

- Ну хорошо, - прервала его Гюля. - Там могут услышать.

- А здесь никого нет. Секретарша на перерыве. Ладно, я пошел, - он поцеловал трубку. Гюля засмеялась. Саша вернулся в кабинет...

Через час друзья поехали в одно укромное место. Саша наслаждался плодами азербайджанской кулинарии, дивясь ее богатству и разнообразию. Отварная и копченая осетрина. Балыг, нашпигованный орехом, зеленью, гранатом. Шашлык из осетрины...

Пили за здоровье и успехи Саши. За всех присутствующих и за каждого в отдельности. И тут Таир предложил тост:

- За счастье, за прекрасную незнакомку, которой «заболел» наш бедный друг!

- Если это болезнь, то я не хочу лечиться, - выпалил Саша. - За мою будущую подругу жизни!

- Имя! Имя! - настаивали собравшиеся.

- За талантливую, необычайно красивую, умную девушку!

- Имя! Имя! - повторяли они.

- Имя я пришлю в телеграмме, когда приглашу на свадьбу.

- Нет, товарищи, друг наш не на шутку влюбился, - серьезно констатировал Тогрул. - От всей души поздравляю!

- Поздравляем! Поздравляем! - Все с удовольствием выпили

шампанское.

Поднялся Юсиф Мамедович. Он неторопливо, как бы обдумывая, начал свой тост. Говорил о том, что отныне Саша не только как гость может приезжать в Баку. У азербайджанцев есть хороший обычай: человек, с которым ты поделил хлеб-соль (дуз-чурек), становится братом до гроба.

- За нашего брата, друга, дорогого Сашу!..

Поспав в номере часа полтора, Саша принял ванну, чисто выбрился, сменил сорочку и тщательно причесался. Он критически осматривал свое лицо и все больше убеждался, что похож на отца. «Ну ничего маминого нет во мне. Наверное, только характер: мягкий, покладистый», - думал Саша.

Было около восьми вечера, когда он позвонил Гюле. Они договорились встретиться на троллейбусной остановке у бульвара. Ждал он недолго. Гюля была пунктуальной.

Когда она сошла с троллейбуса и шагнула к Саше, он с трудом сдержался, чтоб не поцеловать ее на глазах у всех. Она сделала предупредительное движение головой в сторону, крепко сжала его руки. «Неудобно, люди кругом», - говорил ее взгляд.

Саша взял Гюлю под руку, и они пошли на бульвар. Он рассказал ей о «мальчишнике». Она улыбалась. Ей понравилось, что Саша не объявил ее имени. Сейчас это ни к чему. А сама в свою очередь рассказала Саше, как Тарлан-ханум ходит по двору с повязанной головой. Рассказывает о том, как ночью пошла на кухню выпить воды и упала, ударившись о подоконник. Соседки охали, сочувствуя ей. А Захра-хала с иронией спросила:

- Разве трудно было догадаться зажечь свет?

Влюбленные от души смеялись. Ведь откуда взялась шишка, знали только они. Но, самое главное, эта сплетница не может никому рассказать, что видела их вдвоем. Иначе ей придется рассказать, что она наблюдает в глазок за влюбленными после полуночи.

Они погуляли на бульваре, полюбовались Каспием и пошли обратно по пути к гостинице. И тут Саша сказал, что им надо все обсудить.

- А что именно? - спросила Гюля.

- Нашу дальнейшую жизнь, Гюля. Я ведь завтра уезжаю.

- Уже завтра?! - огорченно воскликнула Гюля. - Ну да, конечно. Ведь проводы же тебе не зря устраивали.

- Гюля, ты мне не ответила, согласна ли.

- Сашенька, мне не очень приятно здесь, на улице...

- Прости, ради Бога. Зайдем, пожалуйста, ко мне. Ведь это очень-очень серьезно.

- Хорошо, - согласилась Гюля. - Только не надолго.

Они взяли ключ и поднялись. В номере он достал из бара минеральную, шампанское, сладости. Все это поставил на стол. Открыл минеральную и выпил залпом стакан.

- Прости, я не предложил тебе. Налить? - обратился он к Гюле.

- Да, пожалуйста.

Гюля понимала его состояние. Она и сама была взволнована. Неужели у нее может быть такое?

Саша сел рядом, взял ее руки в свои. Они не могли оторвать глаз друг от друга. Он молча сжимал ее руки. Ей было больно, но... приятно. Она приблизила к нему лицо. Он нежно прикоснулся горячими, пухлыми губами к ее щекам и, сильно прижав к себе, крепко поцеловал в губы.

Гюле стало трудно дышать. Она с силой повернула лицо. Саша покрывал поцелуями ее шею. Прижался головой к ее груди. Она поцеловала его в голову. Погладила волосы.

- Гюля, - прошептал Саша, спрятав лицо на ее груди. - Ты согласна стать моей женой?

Гюля ничего не отвечала, только целовала его в голову.

- Скажи, - настаивал Саша. - Согласна?

Саша, казалось, дышал огнем. От его дыхания горячо было Гюлиной груди. Она прерывисто дышала, стараясь унять охватившую ее дрожь.

- Мне холодно, - процедила сквозь зубы Гюля.

Саша прижимал ее все сильнее и сильнее. Он целовал ее лицо, шею, закрытые глаза.

- Согласна? – задыхаясь, прошептал он.

- Я люблю тебя, люблю...

Гюля лежала, закрыв глаза. Впервые за столько лет она ни о чем не думала. Она ощущала освобождение от охвативших ее чувств. Как будто ее ударила молния, прошла сквозь тело и ушла в землю, унося все ее тревоги, горести и сомнения. Она пошевелилась. Открыла глаза.

Ночник чуть освещал комнату. Она повернула голову. Саша смотрел на нее восхищенно.

- Ты моя жена! Жена! Представляешь?!

Гюля закрыла лицо руками. Ей стало как-то не по себе. Она, сама того не ожидая, вдруг расплакалась. Саша встревоженно обнял ее.

- Гюля, дорогая, не надо! Ведь это счастье, когда оба так любят друг друга! Что оба так хотят друг друга! - Саша нежно успокаивал ее, как ребенка. Убаюкивал, рассказывая, как сейчас зазвонит телефон, он скажет матери, что любит и любим. Пусть готовится к свадьбе. Он возьмет завтра еще один билет, и они уедут вместе.

Гюля покачала головой.

- Нет, Саша, это невозможно!

- Как так, ведь ты согласна?!

- Ну, конечно, дорогой. Я твоя жена. Но я должна уладить все свои дела. И потом, как быть с бабушкой, мамой?

- Очень просто. Завтра же утром я приду к вам и объявлю твоей маме и бабушке, что люблю тебя. И что мы женимся!

- Нет, нет. Так нельзя. Я сама расскажу им. Подготовлю. А ты пока поедешь один.

- Что ты, Гюля?! Ни за что! Я не смогу больше без тебя!

- Саша, подумай, ведь ничто уже не изменится. Я твоя жена. Люблю тебя! И ты любишь!

- Обожаю! И без тебя - никуда! - категорически заявил он.

Гюля еще долго уговаривала Сашу. Она никак не хотела, чтоб он пришел к ним домой. Еще не известно, как воспримет это мама. Бабушка только обрадуется, что внучка полюбила, что счастье ей, наконец, улыбнулось. А мать? А что если при нем начнет... От этой мысли Гюле стало жутко. «Нет, Саша не должен приходить к ним».

Было уже около двенадцати ночи, когда Саша проводил Гюлю домой. Они договорились обо всем. Он уедет один. Подготовит работу для Гюли. Позвонит ей. Она здесь уладит дела и решит, как быть дальше с матерью и бабушкой. И тогда Саша прилетит за ней вместе со своей мамой.

- Но ты меня завтра проводишь? - спросил Саша.

- Конечно, дорогой, - пообещала Гюля.

Она не могла поверить в свое счастье. Неужели это случилось с ней? Она любима! Она любит! И ничто не помешает ей?!

Гюля тихо отперла квартиру, стараясь не шуметь. Подошла к окну. Увидела маячившую фигуру Тарлан-ханум. «Что ей не спится так поздно?»

Тарлан-ханум что-то скороговоркой рассказывала. Гюля напрягла слух, но ничего не разобрала. Она почувствовала нутром что-то неладное. И только когда увидела удаляющуюся фигуру Саши в сопровождении Тарлан-ханум, она горько усмехнулась. Вот откуда это недоброе предчувствие.

Тарлан-ханум, конечно, отомстит. Нет, не Саше, Гюле. Сейчас она, очевидно, рассказывает о матери, как когда-то родственникам Фуада. Это ведь не впервые. Когда люди интересовались Гюлей, все в один голос хвалили ее. Одна Тарлан-ханум считала своим долгом посвятить посторонних людей в их «семейную» тайну.

Первое время Гюля очень переживала. Плакала. За что так ненавидит ее эта женщина? А бабушка успокаивала ее, приговаривая: «Она - символ зависти и злости. Этим она живет».

Гюля надеялась, что после обручения дочери Тарлан-ханум станет добрее. Но нет. Она как будто наслаждалась, причиняя боль и страдания

людям.

Боже мой, ну что она не возвращается? О чем говорит с Сашей? И только услышав быстрые шаркающие шаги, Гюля вздохнула. Что же будет?

Как Саша отреагирует на ее сообщение? Надо было самой все рассказать. Надо было!

Гюля не находит себе места. Встает, ходит, ложится на тахту. Смотрит с тоской на телефон. Он должен позвонить! Он должен как-то отреагировать! Что он скажет? Он ведь любит. Любит! Господи, да работает ли телефон? Она проверила зуммер. Неужели все изменится? Самый счастливый день станет самым несчастным!

Саша возвращался пешком. Проходя мимо сквера 26-ти, он завернул к Вечному огню. Подошел к мемориалу. Днем все выглядело иначе. А сейчас, ночью, зрелище потрясало. Склоненная скорбная голова, могучие плечи. Руки полукругом охватили Вечный огонь. Это яркий символ могучего народа, охраняющий вечный факел памяти о народных комиссарах.

Отсвет огня ярко отражался на черном мраморе. И хотя дул своенравный бакинский ветер, он не мог затушить пламени. Саша смотрел на огонь, а в ушах звучал мерзкий голос Тарлан-ханум. Она все же выследила его. Он думал, что придется извиняться, а вышло... Саша вспомнил, как она преградила ему дорогу, будто выросла из-под земли. И затараторила. Она так говорила, как будто была ответственна за судьбу Гюли. Но Саша сказал, что они поженятся. Что они любят друг друга. И тут Тарлан-ханум выпалила то, от чего Саше стало не по себе. Она спросила, а что они будут делать с бабушкой и матерью. Он ответил, что бабушка живет не одна, а с дочерью. И они будут часто приезжать в Баку. Ну, а если захотят, Саша заберет всех вместе в Москву. Квартира у них большая, всем места хватит. А почему, собственно, это ее так волнует? Что она, родственница Гюли или уполномоченная от жэка?

- Забрать с собой? Да Вы что, спятили?

- Почему, собственно? - удивился Саша. Его уже начинала раздражать

наглость Тарлан-ханум.

- Так ведь бабушка ее тяжело больна, а мать - сумасшедшая! У нее такие бывают приступы, ужас!

- Что Вы сказали? Да как Вы смеете? - Саша возмущенно выдернул локоть из-под цепкой руки. «Уж не эта ли соседка наговорила тогда родственникам Фуада? Ну и гадина! А я тоже хорош. Отчитывался перед ней, как школьник!»

- Да, да, во время приступов она ненавидит Гюлю! Боится, что ее отравят. Сколько им говорили поместить ее в психиатричку, они ни в какую. Вот Гюля и сидит в девках до сих пор. Никому не хочется иметь внуков-психов!

Саша побледнел. «Так вот откуда замкнутость Гюли. Теперь понятно, почему она не хотела, чтоб я просил ее руки у матери».

- Да я вас сейчас... - Он угрожающе надвинулся на Тарлан-ханум, но та не стала ждать...

Да... Судьба... Разве они с матерью могли предположить, что его отец, ученый-химик, профессор, мог так глупо погибнуть. Столкнувшись с велосипедистом, он упал и ударился виском о маленький камешек, валявшийся тут же на асфальте. Что тогда было с матерью! Она чуть с ума не сошла! И Саша сделал все, чтобы облегчить ее страдания. Он трогательно заботился о ней. Собственно, и не женился до сих пор потому, что ждал, когда мама совсем отойдет. Успокоится... Он так теперь понимал Гюлю. В его глазах она стала еще желанней, выше, благороднее. Она была с ним так счастлива! Так непосредственна! Как будто вырвалось чувство любви, накопившееся за годы ее безрадостной жизни.

Нет! Ее здесь нельзя оставлять! В конце концов есть у них хоть какие-то родственники?! Зачем же она должна быть жертвой несчастной судьбы ее матери? Он приедет в гостиницу, позвонит Гюле и скажет ей о решении. Уедут они только вдвоем... Он передумал ехать один. Нет, нет! Только вместе с ней! Саша набрал номер телефона. Гюля схватила трубку.

- Гюля, я передумал...

Гюля вся похолодела. Трубка упала из рук на диван. Она навзничь упала на подушку. А Саша продолжал:

- Ты слышишь? Я передумал ехать один. Завтра же возьму два билета, и ты поедешь со мной. И я тебя не оставлю здесь ни на минуту, ни на секунду... Гюля... Алло... Гюля, что ты молчишь? Ты слышишь меня?

Гюля не отзывалась.

Саша дал отбой и снова позвонил. Было занято. Он звонил снова и снова. И все было занято.

Потом зазвонил телефон. «Москва! Это мама!» Он объявил о женитьбе. Сказал, что завтра прилетит вместе с женой. «Мамочка, готовься!» Мать ответила, что не дождется, когда они приедут.

- Скорее, мой мальчик, скорее приезжайте, - в ее голосе слышалось нетерпение. Саша чувствовал, что она говорит сквозь слезы. У матери, вообще, в последние годы часто влажнели глаза.

После междугородного звонка Саша опять позвонил Гюле.

- Гюля, что с твоим телефоном? - он хотел было передать разговор с матерью, но Гюля его опередила.

- Я поняла Вас, Саша. Вы очень добры ко мне. Нам действительно не по пути. Прощайте!

Саша слышит короткие гудки. Стоит ошеломленный. Он не может поверить, что это говорила Гюля. Ведь уже все решено, а она «не по пути». Да что это с ней? Разве так можно?

Он позвонил опять. Но она резко потребовала, чтоб он забыл ее номер.

Все! Кончено! Как же теперь быть? Он представил себе мать, с цветами встречающую на аэродроме. Ему стало не по себе. Что за странности? «Странности». В мозгу сверлило все, что он слышал о ней. «Странная». Нет, он не верил. Но слова Тарлан-ханум о наследственности все настойчивее и настойчивее звучали в ушах... Разве можно после всего того, что произошло между ними, вот так все кончить?!

Саша выпил из горлышка шампанское. Хмель уложил его в постель...

Провожали Сашу Наза, Севда и Али-Гейдар. Друзья шутили, смеялись, рассказывали анекдоты, а Саша рассеянно скользил взглядом по залу. Он все еще надеялся...

- Что ты не в духе? - удивился Али-Гейдар.

- Правда, Сашенька. Почему ты такой кислый? - кокетливо прищурился глаза, поинтересовалась Наза.

- Уежать не хочется. Привык, полюбил всех вас, - оправдывался Саша, но глаза его по-прежнему искали Гюлю.

А Гюля стояла неподалеку, спрятавшись за колонну. Очки от солнца закрывали пол-лица. Она смотрела на Сашу. И видела, как он искал кого-то глазами. Искал почти до самого отлета. Несколько раз Гюля порывалась броситься к нему. Сердце замирало от мысли, что он вот-вот улетит. Надо подойти, и тогда все станет ясно. Она сделала шаг и остановилась. В ушах прозвучала вчерашняя фраза. «Гюля, я передумал»...

«Передумал!.. Передумал!.. Ну, конечно, знаменитая соседка сделала свое дело».

Сердце Гюли опять защемило. «Ну зачем он слушал эту фурию? Неужели его чувства зависят от наговоров окружающих? Значит, он просто увлекся мною...»

Нет... Она верила ему... И все же... «Я передумал»...

А может, он прав. Подумал... Взвесил...

Но у Гюли чувство к нему останется самым счастливым на всю жизнь.

Странно! Когда эта дрянь наговорила родителям Фуада и он слепо подчинился их запрету, у Гюли было чувство оскорбленного достоинства. Она хотела ему отомстить и сделала свою скульптуру. Но сейчас было чувство горечи за свою судьбу, ненависть к той, что разрушила ее счастье. А к Саше? Она его оправдывала... И поэтому убеждалась, что любит сильно, по-настоящему...

Октябрьский вернисаж 1967 года, посвященный 50-летию Октябрьской революции, собрал очень много посетителей. В художественном салоне им. В.Самедовой было многолюдно. Выставку открыл Юсиф Мамедович. Особую торжественность этому мероприятию придало присутствие руководящих товарищей из ЦК КП Азербайджана, приезжих гостей из Москвы, Ленинграда и других городов.

В новостях дня и республиканских известиях телевидение посвятило выставке специальный выпуск. Среди особо отмеченных работ выделялась скульптура Гюли Сеидовой «Симфония «Памяти Ленина».

Это был плод мучительных раздумий, долгих поисков. Ведь в лице, фигуре, жестах народного артиста СССР дирижера Ниязи должна была звучать глубина философской мысли и национальная самобытность Дж.Гаджиева.

Гюля почти полгода работала над скульптурой. Причем, каждый раз включала магнитофон с записью симфонии. Ей были настолько близки музыкальные образы, что их пластическое решение приходило произвольно.

Гюля фанатично работала. Иногда даже оставалась в мастерской за полночь.

За эти пять месяцев Гюля не получила ни одного письма от Саши! Неужели он мог все забыть? Неужели так легко убить любовь? Разве она виновата, что судьба ее матери оказалась столь трагичной? Не случилось такое с отцом, сейчас он был бы академиком, как Назин отец, а мать ее, наверное, доктором наук. И жизнь Гюли сложилась бы иначе...

После того, как Саша уехал, Гюля опять замкнулась в себе. Вся ушла в работу, которая стала единственной отдушиной для ее чувств. И вот теперь - победа! В отзывах и беседах членов правления Союза высоко оценили ее работу, а в газетах поместили специальную статью. Было принято решение в числе лучших работ экспонировать «Симфонию» на Всесоюзной выставке в

Москве!

Гюля, как представила свою скульптуру в Центральном выставочном зале Москвы, захлебнулась от восторга! Радость ее была вызвана и тем, что она надеялась там встретиться с Сашей. Сейчас, закончив работу, она опять чувствовала пустоту и одиночество. Так сразу на душе стало щемяще-тоскливо! Она любила Сашу. Очень любила! Верила ему! «Передумал». Это слово звучало уже где-то вдалеке...

Прошла горечь обиды. Гюля помнила только о неослабевающей любви к нему. Именно теперь ей особенно не хватало Саши, чтоб поделиться с ним радостью, Она уже привыкла мысленно говорить с ним, делиться тревогами и сомнениями. Сейчас она даже жалела, что не зачала от него ребенка. Он был первый и единственный. Его она хотела видеть отцом своего ребенка... Господи, о чем она думает?.. Саша... Саша...

В квартире раздался телефонный звонок. Гюля взяла трубку. Кто-то взволнованно дышит, но не решается говорить. Гюля ждет, время от времени повторяя: «Алло», «Алло»... Сердце ее заколотилось.

- Ну, говорите же! - потребовала она. Наконец раздался знакомый голос.

- Гюля, это я, Ягут. Только не перебивай меня, а то я ничего не смогу сказать.

- Говори... я слушаю, - упавшим голосом ответила Гюля. «Что ей надо от меня?»

- Я была с мужем на выставке. Ты просто гений. Создать такую вещь?! Муж без ума от этой скульптуры.

- Спасибо за оценку, - холодно ответила Гюля, хотя ей было приятно слышать эти слова.

- Мы пришли в гости к моим родителям. Муж взхлеб рассказывал о скульптуре, а мама сказала: «Нашли кем восхищаться. Она путалась с русским парнем из Москвы. Окрутила его и собиралась женить на себе. Но я скорее имя свое поменяю, чем позволю, чтоб она опозорила нашу нацию!..»

Так и сказала. Я не успела узнать, какую пакость она сделала, потому что разругалась с ней при муже и ушла домой. Теперь вот звоню к тебе. Гюля! За что она тебя так ненавидит? То она говорила, что ты талантливей меня, что я бездарь. Ну что поделаешь? Кому что дано от природы. То она корила, что я замуж не выхожу, и о тебе говорила всем и каждому гадости, чтоб не дать тебе устроиться раньше. Но теперь-то я замужем, жду ребенка, чего ей еще завидовать? Зачем она такая злая? Гюля, ты ведь достойна счастья больше, чем я! Ты такая... такая... Ну зачем нет счастья у таких людей?! Прости, я не могу, - договорила Ягут. Гюля услышала в трубке всхлипывание.

Гюля не знала, что ей ответить. У нее у самой комок стоял в горле.

- Прости меня, Гюля, прости за мать! Иначе я не смогу жить. Понимаешь? Не смогу благополучно родить ребенка. Судьба накажет нас! Прости нас, Гюля, если можешь. Прости, ты всегда была великодушной...

Гюля постаралась взять себя в руки. Успокоила Ягут. Сказала, что прощает всем и все. Послышались частые гудки, и Гюля положила трубку. Душно! Ей невольно оставаться дома, и она решила пройтись немного...

Во дворе порывистый ветер кружил желтые опавшие листья на асфальте. И только олеандры стояли всю зеленые. Площадка, где всегда играли дети, пустовала. На скамейках щебетали только вездесущие воробьи.

Скучно. Пусто. Осень. Ничего не поделаешь. Гюля прошла через весь двор и вышла к остановке троллейбуса. Она думала поехать к бульвару и походить там, где бывала когда-то с Сашей. Но когда троллейбус приблизился к остановке, Гюля увидела спешившую уверенной походкой Тарлан-ханум со своим сыном. Видно, торопилась помириться с дочерью. «Только этого не хватало мне. Обозревать ее физиономию», - подумала Гюля и резко отошла от подкатившего троллейбуса.

В город ехать расхотелось. Какая-то сила привела ее в Парк пионеров, который выглядел иначе. На многих деревьях все еще сохранилась листва. Ветру здесь негде было разгуляться, поэтому земля была равномерно покрыта ковром из пожелтевших листьев. Это создавало особый уют и тишину.

Посетителей в парке было мало. Эстрада и танцевальная площадка пустовали. Гюля прошла по своему излюбленному маршруту. По главной аллее к бассейну, где обычно плавали грациозные белые лебеди. Но их не было. Гюля обошла вокруг бассейна, посмотрела в домик, где в холодную погоду прятались лебеди. Но там никого не оказалось.

Парк будто осиротел. «Что это? Забрали их, что ли?» - подумала Гюля. Она стояла возле бассейна и смотрела сквозь сетку на водяную рябь.

- Эх, горе, горе, - вздохнула рядом пожилая женщина. - Как только рука поднялась у этих хулиганов?!

Старушка сокрушенно качала головой. Гюля посмотрела на нее и узнала тетю Любу, дворника парка.

- Здравствуйте, тетя Люба. Что произошло? Где наши любимцы?

- Эх, дочка, дочка. Еще месяц назад ночью самку украли. Говорят, не то зажарили ее, не то что... А самец не стал брать пищу. Подсадили было к нему другую лебедку, да он зашумел крыльями, выгнал ее из бассейна. Так через несколько дней и окошел от тоски и голода. Эх... - махнула рукой уборщица и пошла в глубь парка.

Да. Грустная картина. Эти лебеди были для Гюли символом нежной, преданной любви. «Людям бы учиться у природы, а они губят сильное, возвышенное, трогательное - преданную лебединую любовь. Ничего святого нет у таких. Ради утробного удовольствия лишит людей красоты?!»

Гюле уже не хотелось идти дальше. Она вышла из парка и, вконец растроенная, вернулась домой.

Участие во Всесоюзной выставке в Москве вызвало много хлопот. Необходимо было срочно упаковать картины и скульптуры, отправить контейнером в сопровождении представителя Союза художников республики. Поскольку Али-Гейдар в таких делах был незаменимым, и на этот раз доставку работ поручили ему.

Али-Гейдар с удовольствием согласился, так как ему в октябре один знакомый московский букинист обещал достать антикварную книгу с иллюстрациями в стиле восточной миниатюры. Честно говоря, он давно увлекался ею. Несколько книг он видел в Рукописном фонде Академии наук Азербайджана. Но одно дело смотреть на работу художника сквозь стекло, другое - в непосредственной близости, листая старинный фолиант, изучая стиль, манеру письма, композицию рисунка. Делая иллюстрации, наброски... Он считал, что за книжной иллюстрацией в стиле восточной миниатюры - будущее...

Ну и намучился он, пока контейнер с работами был доставлен на выставку в целостности и сохранности. Пока были сданы все работы по описи, оформлена необходимая документация...

Вернисаж - дело хорошее, полезное, но весьма хлопотное. Люди ходят на выставки, расширяя художественный интеллект, получая эстетическое наслаждение, и покидают ее духовно обогащенными от общения с прекрасным. Но за всем этим стоят огромный труд организаторов, представителей творческих Союзов, ответственных за транспортировку и сохранность работ, бесконечное оформление бумаг, простаивание в очередях багажного отделения...

Хорошо, что у Али-Гейдара был «пробивной» товарищ, научивший всем премудростям «представителя-сопроводителя», как он обычно себя называл. Эдик - отличный парень. Часто ездил, доставал, выбивал, презентовал... Когда надо было достать дефицитные материалы или срочно доставить контейнер к выставке в другом конце страны, незаменимый Пружанский - тут как тут. Найдёт кратчайший путь к цели - и будь здоров! Али-Гейдар пару раз ездил с ним и многому научился. А потом и сам стал «ля Пружанский».

Покончив с формальностями, Али-Гейдар помчался к букинисту. В магазине, как всегда, людно. Валера заметил его и взглядом указал на боковую дверь. Али-Гейдар нырнул туда. Минут через пять вошел Валера,

сияющий, как именинник.

- Привет, Алик, ты такой пунктуальный! - сказал он, крепко пожимая руку.

- Что поделаешь, друг, я такой! - похвастал тот и протянул Валере крепко-накрепко перевязанный пакет.

- Ну, что ты, зачем? Ей-богу, мне как-то неудобно...

- Бери... у нас не положено ходить в гости с пустыми руками.

- Только потому и беру, что «не положено». Расточители вы, любите дарить, - рассуждал Валера.

- А у нас широкая душа, - самодовольно произнес Али-Гейдар.

- Для широкой души должен быть тугой кошелек! - изрек Валера.

- Все отдал - богаче стал, что сберег - то потерял, - процитировал слова известной песни Али-Гейдар. - Ну, ты меня, надеюсь, обрадуешь не поллитрой? Как моя книга?

- Слушай, старик, ты ведь еще здесь. Я тебе подыскал такое, запоешь! Только принесут ее, голубушку, через пару дней. Но ожидание вознаградит тебя. Там иллюстрации на каждой странице - цветные! То, что ты хотел!

Али-Гейдар помрачнел. Широкие брови его насупились. Он не любил ждать.

- Друг, ты же назначил на сегодня. Точка! Не в моих правилах ждать. Поедем, я отвезу тебя на такси, только подавай мне ее сегодня!

- Ладно, ладно. Какой нетерпеливый, - примирительно произнес Валера, пряча презентованный пакет подальше. - В перерыв зайду к старику. Заскочи сюда к концу дня.

Али-Гейдар, чертыхаясь про себя, вышел из магазина. «И охота мне переться сюда к концу дня. Вот хапуга. Цену набивает. Книга у него за пазухой, а все торгуется. Ну, да ладно, зайду в Худфонд к Зинуле». И Али-Гейдар, облегченно вздохнув, весело зашагал по хлюпкой от мокрого снега мостовой...

- Зинуля, привет из Солнечного Азербайджана! - выпалил Али-Гейдар,

войдя в отдел к Зинаиде Яковлевне.

Та от неожиданности вздрогнула, но тут же засияла.

- Вот, вечно он такой! Появляется так же внезапно, как исчезает... И сразу - «Зинуля»!

- А как же? - улыбаясь, Али-Гейдар чмокнул Зинаиду Яковлевну. - Я у тебя такой.

- У меня... Скажешь тоже, - кокетливо усмехнулась та.

- У тебя и только у тебя... я собираюсь отпраздновать свой приезд.

- Опять двадцать пять...

- Зинуля... Ты знаешь, на меня нельзя обижаться... Я исчезаю... правда.

Но я и появляюсь! А это уже кое-что...

- Ну, хватит паясничать. Когда придешь?

- Вечером, как обычно.

- Ладно. Договорились, А теперь не мешай мне работать.

- Сдаюсь. Исчезаю, но не надолго.

Али-Гейдар, довольный, вышел из кабинета и столкнулся в дверях с Сашей.

- Ба! Кого я вижу?! Сашок! Дорогой! - Али-Гейдар обнял его, похлопывая по плечу.

- Привет, Алик. Какими судьбами? Надолго ли к нам? - Саша искренне обрадовался.

- Да нет. Контейнер привез. Работы на выставку. А ты как? Что похудел?

- Работы много.

- Как мама?

- По-стариковски, тихо-тихо. А как там наши?

- Фуад на Кубе. Севда - в аспирантуре, в Ленинграде. Наза - фонтанирует, язвит помаленьку... Слушай, пойдём куда-нибудь посидим, поговорим...

Друзья сидели в небольшом уютном ресторанчике и предавались

воспоминаниям...

Али-Гейдар между прочим спросил:

- Что ж ты ни разу не позвонил, не написал нам? Эх ты, друг называется...

Саша заметно захмелел. Но все никак не мог спросить о том, что ему мучительно хотелось выяснить. И когда Али-Гейдар рассказал о недавней выставке и успехе Гюлиной «Симфонии», он вдруг решился.

- Ну как она в замужестве? Счастлива, надеюсь?

- Кто? Гюля? Да нет... - удивленно сказал Али-Гейдар. - Откуда такие данные?

- Слышал... - неопределенно сказал Саша.

- Ты слышал, а мы - видим. Одна она... Не веришь, спроси сам! Она скоро прибудет сюда. На открытие выставки.

- Чего спрашивать? И так знаю... - Саша не договорил. Достал сигареты и закурил.

- Э... друг, так не годится... Чего-то ты не договариваешь... - Али-Гейдар долил в рюмки коньяку и предложил тост.

- За истинный талант - бесценный дар человеческий!

Саша залпом выпил. Али-Гейдар с любопытством наблюдает за ним.

- Так какая сорока тебе на хвосте принесла столь радостную весть?

- Для кого радостную... а для кого...

- А при чем здесь ты? - все больше любопытствовал обескураженный Али-Гейдар.

- Ты мне друг? - наклонившись к нему, спросил Саша.

- Спрашиваешь?! - обиделся Али-Гейдар.

- Зачем же ты мне лжешь?

- Сэн ол, не лгу! Зачем мне врать?!

- Тогда выходит, она врет? - будто рассуждал вслух Саша.

- Кто? Гюля? А ты что, видел ее?

Саша отрицательно покачал головой.

- Слушай, - Али-Гейдар, потеряв терпение, схватил Сашу за руку. - Не темни! Говори, что случилось. Ну?!

Саша докурил сигарету. Потом, словно это делал за него кто-то другой, раскрылся перед другом...

Али-Гейдар сидел молча. Слушал. Мрачнел. И только, когда Саша стал рассказывать о ее письме, не выдержал.

- Послушай! Ты взрослый мужчина. Гюля не из тех, кто может так поступить. Не верю!

- Как не верить, когда письмо ее постоянно перед глазами.

- Где? Где оно? - нетерпеливо спросил Али-Гейдар. - Дай взглянуть!

- Да дома оно, - махнул рукой Саша. - Теперь чего уж...

- А ну, вставай, - потребовал Али-Гейдар. - Стой, - остановил он Сашу.

- Ты любишь ее? Серьезно? Навсегда?

- Я тебе все рассказал. Как на духу. Я не могу без нее... Но что она со мной вытворила?! Что вытворила?!

- Идем.

- Куда?

- К тебе. Я хочу взглянуть на письмо.

- Пожалуйста.

Саша поднялся, и они вышли из зала...

- Давай, показывай, - нетерпеливо потребовал Али-Гейдар, как только вошел к Саше в квартиру.

- Располагайся, - предложил Саша, помогая Али-Гейдару снять пальто.

Тот прошел в комнату, а Саша поспешил за письмом.

Али-Гейдар быстро прочел его и с отвращением отбросил.

- Кто же мог пойти на такую подлость?

Саше стало не по себе. Он не понимал, что имеет в виду Али-Гейдар.

- Это не Гюлина рука. Неужели тебе это не ясно? Хотя, откуда тебе, бедняге, знать ее почерк?

До Саши стал доходить смысл его слов. Значит, письмо написала не

она. Кто же тогда?

- Послушай, кто знал о ваших отношениях? Я не верю, чтоб на такое пошли наши...

- Нет, нет, - сразу же уверил его Саша.

И, действительно, никто ничего не знал о нем и о Гюле. Кроме... этой соседки, которой он набил однажды шишку. Но не могла же она стащить письма Саши из чужого почтового ящика. Впрочем... От такой мрази можно многое ожидать.

Он поделился своими мыслями с Али-Гейдаром.

- Ну, если это та самая, что напакостила Фуаду, то от нее...

- Но это же преступление! - воскликнул Саша.

- С твоей точки зрения - да. А с ее позиции, видно, все хорошо, что подло! Ну, кепэк кызы, приеду, выведу ее на чистую воду.

- А как докажешь? А если не она? - встревожился Саша.

- Тебе что важнее: выяснить, кто сделал гнусность, или убедиться в Гюлином отношении к тебе? - нервничал Али-Гейдар.

- Ты еще спрашиваешь? - оскорбился Саша.

- Так, я тебе говорю, Гюля - одна. Никого у нее нет. Живет своей работой. Понимаешь, дуралей?!

- Что же мне делать? - упавшим голосом спросил Саша, вспомнив строчки из письма: «Прекратите преследовать меня. Оставьте меня в покое! Я замуж выхожу. Если Вы благородны, забудьте. Я никогда не буду с Вами, потому что мы разной...» Саша в который раз содрогнулся от оскорбления национального достоинства.

- Что же мне теперь делать, Алик? Помоги!

- Даже не знаю. Хотя... она же приедет сюда. Поговори начистоту. Покажи письмо...

- Не знаю... не знаю, как мне быть? Как назло, я должен вылететь в командировку. И вряд ли вернусь к открытию выставки... Алик! - схватил он Али-Гейдара за плечи. - Если ты мне не поможешь... Если не поможешь,

произойдет что-то ужасное... Не с ней... Со мной...

- Постой. Я подумаю. Тут надо так все устроить, чтоб не дать Гюле опомниться. Она ведь гордая.

Друзья еще долго сидели за чашкой кофе, обсуждая возможные варианты. Но ни один не устраивал.

- Слушай, так мы ни до чего не договоримся. Ты постарайся возвратиться к открытию выставки. А там будет видно...

Так и порешили. В этот вечер Али-Гейдар так и не смог забрать книгу у букиниста.

Москва встречала бакинскую делегацию десятиградусным морозом, пушистым снегом, цветами.

Разместившись в гостинице, Гюля первым делом легла, чтобы выспаться после самолета. Она неважно переносила полеты. К вечеру ей стало лучше. Но куда выйдешь в мороз? Гюля заказала междугородный разговор, чтоб сообщить матери и бабушке о благополучном прибытии.

Зашел Али-Гейдар. Пригласил выйти прогуляться. Но Гюля отказалась. Только попросила что-нибудь почитать.

Али-Гейдар принес ей Сименона.

- Самое приятное чтение в командировках, - констатировал он.

Они немного посидели, поболтали, и он откланялся.

Гюля легла. Включила ночник. Углубилась в чтение...

На выставке было многолюдно: гости и делегации от каждой братской республики. Первый секретарь Московского горкома партии выступил с речью, в которой отметил огромное значение всесоюзных вернисажей для сближения братских национальных культур. Для дальнейшего развития нашего многонационального искусства. А данная выставка особо ценна тем, что отразила в искусстве великие ленинские идеи, идеи Октября, претворенные в жизнь!

Затем выступили секретари Союза художников СССР и союзных республик. Щелкали фото- и телекамеры. Свет от «юпитеров» резал глаза. И когда кончилась официальная часть, Гюля с удовольствием прошла в зал. Она так жаждала встретить Сашу! Так желала! Если любит он, придет сюда, предполагая, что она может оказаться среди членов делегации из Азербайджана.

Она оглядывалась на проходивших людей, искала глазами дорогие ей черты. Но Саши не было. Может, она его пропустила? Ведь зал огромный! «Боже мой! Неужели он не придет? Неужели в этом мире справедливость не должна восторжествовать?» Сколько она терпела в жизни невзгод, неприятностей, и все же не сдалась. Училась с каким-то упрямым упорством. Была доброжелательна к людям. И люди неплохо к ней относились.

До каких же пор будут торжествовать люди, подобные Тарлан-ханум? И почему находятся те, которые доверяют ничтожествам?

Гюля вспомнила: одна из соседок рассказывала бабушке, как Тарлан-ханум расписывала родственникам какого-то парня «семейную тайну». Говорила, что Гюля тоже «чокнутая». Так и сказала. А родственники благодарили Тарлан-ханум за то, что она раскрыла им глаза на будущую невестку единственного сына. Хорошо, хоть Фуаду родители не рассказали «правду». А то была бы сенсация для Назы. Что за завистливая девчонка! Все у нее есть! А все не хочет, чтоб о ком-то хорошо отзывались, чтоб кого-то при ней похвалили, особенно девушку.

Да ну их всех! Гюля тряхнула головой, словно отбрасывая неприятные мысли.

Она захотела посмотреть, как вписался ее «Ниязи» в общий фон выставки. Она шла неторопливо, переходя от картины к картине, от бюста к целым скульптурным композициям. И наконец остановилась перед своей работой.

«Нет, все-таки здорово получилось», - удовлетворенно оценила себя Гюля. И пошла дальше.

Навстречу ей шел Али-Гейдар с какой-то пожилой женщиной. Гюля обратила внимание на ее внешность. Статная, красивая, одета с тонким вкусом.

- Вот это и есть автор «Симфонии», - сказал он, указывая на Гюлю. - Я тебя ищу по всей выставке. Где ты пропадаешь?

- А в чем дело?

- Твоей работой заинтересовались. Знакомьтесь.

Женщина с улыбкой протянула руку.

- Вера Андреевна. Очень приятно с Вами познакомиться, - с неподдельной радостью произнесла она.

- Гюля.

Вера Андреевна взяла ее под руку и подвела к «Симфонии». Она увлеченно заговорила о том, что ей понравилось в скульптуре. Разбиралась со знанием дела, как критик-искусствовед. Затем она походила с Гюлей по выставке, показав ей ряд других понравившихся работ. Гюле было так интересно с ней! Эта женщина как-то располагала к себе. Располагала к откровению. Гюля говорила о своих планах на будущее, об искусстве вообще...

Расходились с выставки оживленные, усталые. Вера Андреевна спросила, где остановилась Гюля. Удобно ли устроилась?

- Неплохо, - ответила Гюля. - Да что привередничать? Все равно послезавтра улетаю.

- Так скоро? - разочарованно произнесла Вера Андреевна.

- Мы же на открытие выставки приехали. Вот и дали нам три дня, - пояснила Гюля.

- Знаете что, голубушка? - Вера Андреевна мягко взяла Гюлю под руку. - Поедемте ко мне. Я Вас очень прошу. Не откажите. Мне так приятно с Вами. Не откажите мне! Я так одинока!

Гюля пожала плечами.

- Пожалуй, можно пойти в гости. Это же лучше, чем сидеть в

гостинице. Хотя мне надо кое-что купить маме и бабушке.

- А пойдемте прямо сейчас, - предложила Вера Андреевна. - Сделаем необходимые покупки, занесем в гостиницу... и ко мне.

- Я почти всегда живу одна, - обрадовалась Вера Андреевна, когда Гюля согласилась. - Вы мне так понравились!

- Благодарю, - улыбнулась Гюля. - Действительно, ведь мы, может быть, никогда больше не встретимся.

- Как знать? Жизнь преподносит такие сюрпризы... - задумчиво произнесла Вера Андреевна...

В квартире было уютно, тепло. Гюля сидела в кресле. Пила чай и слушала свою новую знакомую. Ей было хорошо.

В комнате почти три стены были заняты стеллажами с книгами. Богатая библиотека! Напротив, на стене висел портрет седого мужчины в очках, с бородкой. Вера Андреевна уловила Гюлин взгляд.

- Это мой муж. Он был профессором МГУ... Это был необыкновенный человек!..

Глаза Веры Андреевны заблестели.

- Я чуть с ума не сошла тогда...

Она резко встала и вышла из комнаты.

Гюле стало не по себе. «У всех что-то случается». Гюля не знала, как быть. Пойти за Верой Андреевной? Успокоить ее? Или дождаться здесь? Пока она думала, как поступить, Вера Андреевна сама вернулась - с чуть покрасневшими глазами.

- Извините меня, - улыбнулась она. - Все, больше не буду. Сколько лет прошло, а все никак не забывается... Это его библиотека. Когда мне особенно тяжело, я перелистываю эти книги.

Гюле очень хотелось ее чем-то успокоить, ободрить, поддержать... И она непроизвольно начала рассказывать о бабушке, об отце, матери...

- Если б Вы знали, как мне временами бывает тяжело, - вздохнула Гюля. - Меня только творчество спасает.

- Бедное дитя, - Вера Андреевна вдруг порывисто встала. Подошла к Гюле и, обняв ее, поцеловала в лоб.

Гюля прильнула к этой незнакомой женщине и замерла.

- Неужели Вы до сих пор не любите? Ведь только любовь вселяет надежду и силу в человека. Вам легче было бы переносить превратности жизни.

- Любовь? Нет, я избегала этого. И потом, когда есть такое существо, как Тарлан-ханум, ни о какой любви мечтать не приходится.

- А кто это? - заинтересовалась Вера Андреевна.

Гюля промолчала... Вера Андреевна включила телевизор, подвинула кресло поближе к Гюле и села почти рядом с ней. Передавали праздничный концерт из Колонного зала Дома союзов...

Гюле так не хотелось уходить от этой женщины. От спокойствия, доброты, душевного тепла Веры Андреевны. Но было уже поздно, около одиннадцати.

Гюля поднялась.

- Ну, я пойду. Большое спасибо Вам за все.

- Что Вы, что Вы!

- Мне пора.

- Гюленька. Так поздно. Я не могу отпустить Вас одну. Или мне придется проводить Вас...

Гюля сделала протестующий жест.

- ...или Вам придется остаться у меня.

Вера Андреевна умоляюще посмотрела на Гюлю.

- Вы досмотрите телевизор, я Вам постелю в кабинете. Ну одну ночь?! А завтра Вы с утра уедете, в гостиницу. И потом... мы ведь с Вами сделали все покупки, так что... Ну, что Вы скажете?

- Я, право, не знаю, - нерешительно начала Гюля. - Удобно ли?

- Что значит неудобно, дитя мое? Вы мне доставили столько приятных минут. А мне так одиноко... так одиноко...

Около двенадцати ночи Вера Андреевна постелила Гюле на диване.

Гюля пожелала спокойной ночи этой чужой женщине, ставшей за несколько часов такой близкой и родной...

Вера Андреевна долго не могла заснуть. Среди ночи зазвонил телефон. Она схватила трубку. «Это сын! Наконец-то!»

- Как ты там?.. Когда вернешься?.. Уже прилетел?! Ой, как хорошо!.. Через час? Жду! Нет... Не спится...

Она поднялась с кровати. Подошла на цыпочках к двери кабинета. Приоткрыла. «Не разбудила ли?»

Гюля спала. Черные волосы рассыпались по подушке. Лицо белело в полутьме.

Вера Андреевна, осторожно прикрыв дверь, прошла на кухню. Поставила чайник на плиту. Начала разогревать ужин...

Саша вошел радостный, холодный с мороза. Поцеловал мать и, как обычно, сказал:

- Mamочka! Есть хочется, страсть!

- Сейчас, сейчас, - заторопилась Вера Андреевна. Она поставила на стол подогретый ужин. Налила горячий чай и села напротив сына.

Вера Андреевна наблюдала за Сашей, как он торопливо ест, запивая чаем.

Слава Богу, он стал уже оживленным, веселым. А когда вернулся из Баку полгода назад, она очень испугалась за него. Обычно сдержанный, мягкий, добрый, он стал раздражительным. А на вопрос, где невеста, зло выпалил:

- Чтоб ты меня об этом никогда не спрашивала!

Для Веры Андреевны перемена в поведении Саши была неожиданностью. Ей было очень больно. Ведь Саша проявлял всегда столько нежной заботы. Особенно, после смерти отца. И вдруг такое...

Вера Андреевна пробовала расспросить его. Помочь... Но он резко обрывал всякие попытки. Она навсегда оставила мысль об этом...

- Ну, как выставка, мама?

- Ой, Сашенька, я получила такое удовольствие!

Вера Андреевна стала рассказывать Саше о тех работах, которые больше всего понравились. Об авторе «Симфонии», о знакомстве с удивительной девушкой Гюлей.

Саша перестал есть. Уставился в тарелку и слушал мать, не прерывая. Стараясь запомнить каждое слово. А Вера Андреевна продолжала подробно рассказывать об их покупках и приглашении домой.

- Она сюда приходила? - дрогнувшим голосом спросил Саша. Он зажег сигарету, закурил.

Вера Андреевна продолжала рассказывать об их чаепитии и пообещала познакомить его с ней. Саша сделал вид, что не расслышал последнюю фразу.

Погасив сигарету, он встал. Сказавшись уставшим, направился в кабинет.

Вера Андреевна стала убирать со стола и вдруг, как будто что-то вспомнив, у самой двери она остановила его.

- Куда же ты?! - воскликнула она.

Саша недоуменно посмотрел на нее.

- погоди, ты меня не дослушал. Было поздно, и я оставила Гюлю ночевать у нас. Постелила в твоём кабинете. Так что, дорогой, тебе сегодня придется спать здесь, в гостиной.

Вера Андреевна включила в гостиной свет и прошла в спальню взять постельное белье.

Саша стоял у дверей кабинета. У него кружилась голова. Он резко распахнул дверь. Яркий свет гостиной осветил диван и Гюлю.

Саша медленно подошел к ней. Опустился на колени.

- Гюля, моя Гюля, - прошептал он.

Саша наклонился к ней и нежно поцеловал в щеку. Он ощутил тонкий аромат Гюлиных волос. Саша осторожно погладил руку Гюли, боясь

нарушить ее сон. И в то же время страстно желал, чтобы она проснулась. Он ее любил! Он жаждал ее всем существом!

Саша вздрогнул, когда услышал восклицание Веры Андреевны:

- Александр! Как ты можешь?!

Вера Андреевна решительно подошла к Саше, чтоб выдворить его из кабинета.

А Саша, все так же стоя на коленях, поднял на нее счастливые глаза и тихо сказал:

- Мама, это же моя Гюля!

От яркого света и голосов Гюля открыла глаза. Увидела Веру Андреевну, которая растерянно улыбалась, шепча:

- Все хорошо, дитя мое. Все хорошо!

Гюля повернула голову набок и увидела повлажневшие глаза Саши. Она не понимала, во сне это или наяву.

- Гюля, судьба моя! - выдохнул он и прильнул к ее губам.

Гюля обвила руками его шею.

Вера Андреевна тихо вышла из кабинета, осторожно прикрыв дверь...

ЭПИЛОГ

Промчались годы...

В Баку, как и по всей стране, торжественно отмечается шестидесятилетие образования СССР. Повсюду расклеены афиши о праздничных концертах, юбилейных спектаклях и выставках.

Из Москвы прибыла большая группа мастеров культуры и искусства. Ежедневно республиканские информационные телепрограммы «Хэбэрлэр» и «Гюнюн экраны» транслируют фрагменты культурных мероприятий, посвященных торжеству.

Сейчас идет передача из Дома дружбы, где открылась персональная выставка заслуженного скульптора РСФСР Гюли Сеидовой-Крыловой. Она

стала еще привлекательнее, женственнее, ласково улыбается статному, солидному Саше, с которым оживленно беседует Али-Гейдар. Вера Андреевна счастливо улыбается, поправляя то и дело непокорную челку внука Мирзы.

В интервью известных азербайджанских художников и скульпторов дается высокая оценка мастерству, самобытному таланту и удивительной работоспособности Гюли.

Экран приближает группу посетителей.

- Ваши впечатления?

Ведущий протягивает микрофон, к которому устремляется пожилая женщина.

- Я знала автора с самого детства, - растроганно начинает она. - Моя дочь и Гюленька были неразлучными подружками. Я всегда верила в ее талант и предрекала большое будущее. Как соседка часто помогала ей в трудную минуту. И никогда не забуду слов благодарности, которые Гюленька часто повторяла: «Я всю жизнь буду помнить Вашу заботу и доброту, дорогая Тарлан-ханум!»

Женщина прослезилась. Голос ее стал глухим. Она грациозно достала платок и приложила его к глазам.

Окружающие смотрели на нее с нескрываемым интересом и уважением...